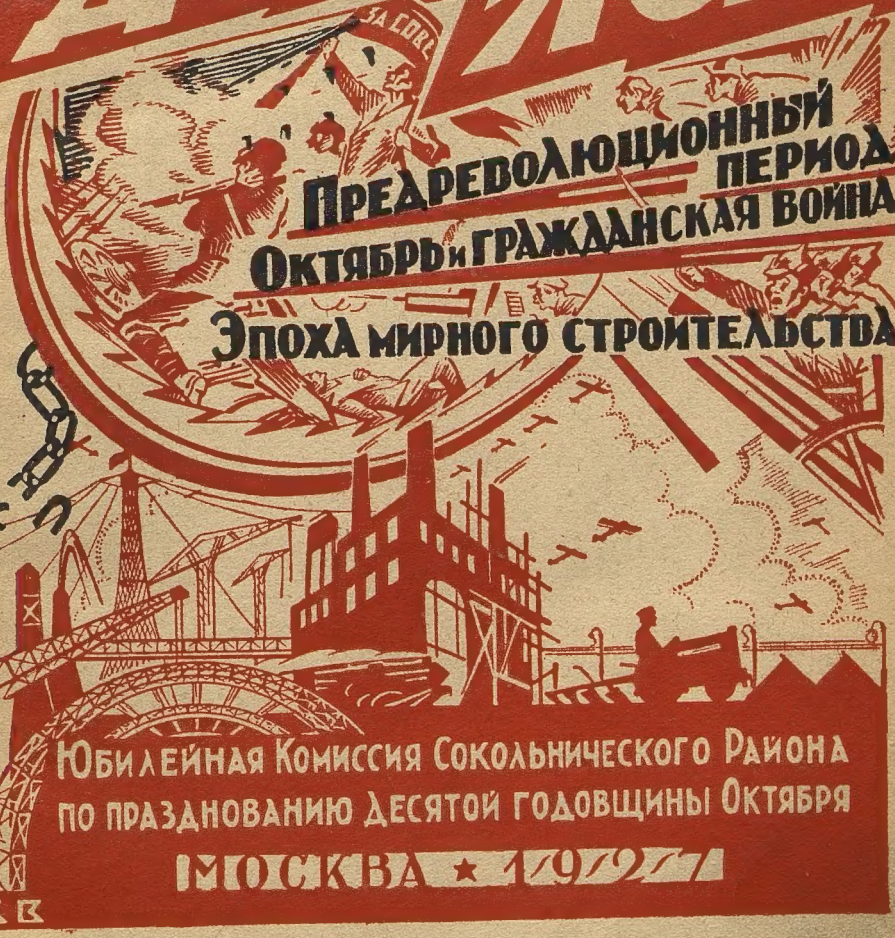
10 лет

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕН 910.66
М816

Десять лет



Предреволюционный период
Октябрь и гражданская война
Эпоха мирного строительства

Юбилейная Комиссия Сокольнического Района
по празднованию Десятой годовщины Октября

Москва ★ 1927

ДЕСЯТЬ ЛЕТ

(СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ Ю. О. К. СОКОЛЬНИЧЕСКОГО РАЙОНА
К 10-ЛЕТИЮ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ)

1 ЭКЗ.

ИЗДАНИЕ СОКОЛЬНИЧЕСКОЙ Ю. О. КОМИССИИ
МОСКВА — 1927

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

К. П 1
188

ГК131
Д 515 Р

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)
136201
136201

Мосгублит № 45412. Москва. Тираж 15.000.

Типогр. изд-ва «Правда» и «Беднота», Яузск. мост, Серебрянич. наб., д. № 23а.

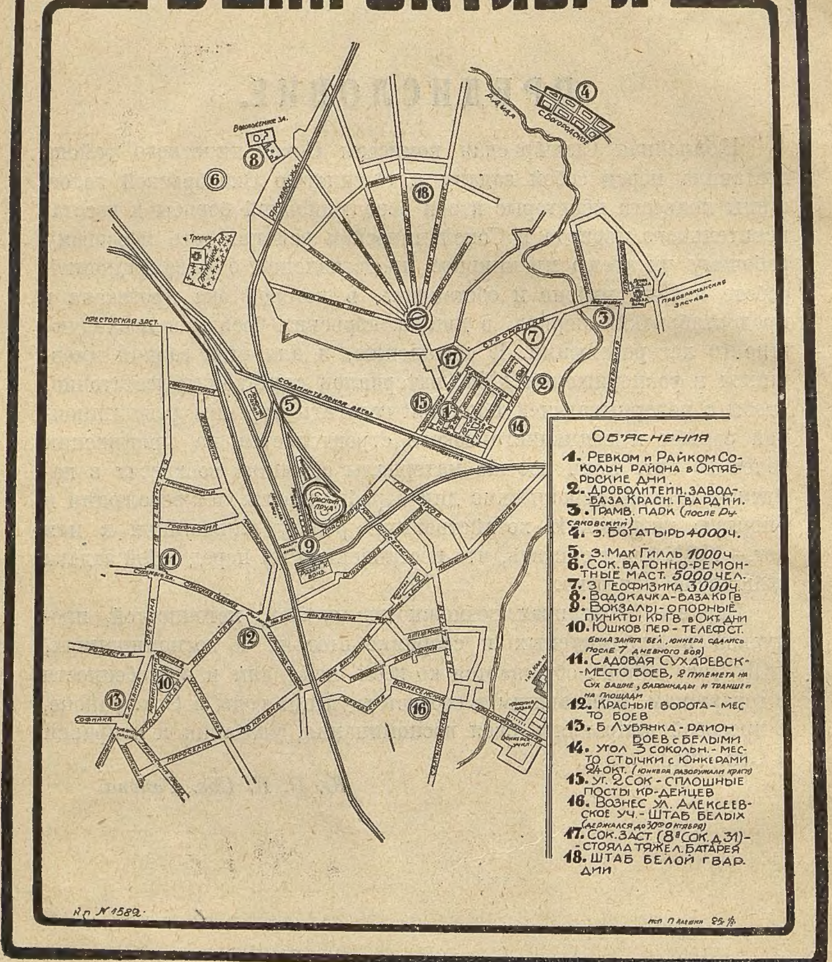
ПРЕДИСЛОВИЕ.

Юбилейная Октябрьская комиссия Сокольнического района поставила перед собой задачу к 10-тилетию Октябрьской годовщины подвести некоторые итоги революционной борьбы и восстановительного периода в Сокольническом районе, дать массовому рабочему читателю правильное представление о революционной работе в Сок. районе и обстановке, в которой она протекала в предоктябрьский период, в дни октябрьских боев и в последующие 10 лет революции. К сожалению, и для этой задачи имевшихся в распоряжении ЮОК материалов слишком недостаточно, чтобы с исчерпывающей полнотой осветить картины революционной борьбы и социалистического строительства на протяжении более 10 лет. Если все же материалы сборника воскресят в памяти читателей героические дни борьбы первых лет революции и упорную творческую хозяйственную работу ближайших к нам лет,—ЮОК будет считать, что поставленная им перед собой задача выполнена успешно.

Заранее оговаривая возможность ошибок, неточностей, пропусков в публикуемых в сборнике статьях и воспоминаниях, ЮОК Сок. района обращается ко всем читателям и в особенности к товарищам, работавшим в соответствующие годы в Сок. районе, с просьбой направлять свои воспоминания, указания и поправки в Сок. РК.

Ю. О. К. Сок. Района.

Сокольнический район в дни Октября



1917—1927 год.

Районная организация ВКП(б), рост промышленности и рабочих.

I. Руководство сокольнической организации работой по восстановлению промышленности.

Десять лет руководства партийной организации делом восстановления промышленности Сок. района не только способствовали полному восстановлению разрушенных в годы империалистической и гражданской войны фабрик и заводов и количественному росту занятых в них рабочих, но и позволили поставить перед районом задачу переоборудования и дальнейшего расширения промышленности и постройки новых заводов.

Борьба с разрухой в годы гражданской войны.

В эпоху так назыв. военного коммунизма, в конце гражданской войны (1920—21 гг.), когда в крупнейших промышленных центрах слабо дымились фабричные трубы, когда промышленность свертывалась, а многие предприятия стали из-за отсутствия сырья и топлива, перед московским пролетариатом и его Сокольническим отрядом встал вопрос о сохранении во что бы то ни стало от дальнейшего разрушения завоеванных в Октябре фабрик и заводов. Фронт еще приковывал к себе все внимание молодой советской страны, но уже стучались в дверь неотложные задачи борьбы с послевоенной разрухой. Героической попыткой пролетариата разрешить эти задачи была организация субботников. «Великий почин» мастерских Казанской ж. д. был подхвачен Сокольнической парторганизацией. Для мобилизации общественного мнения рабочих масс вокруг вопросов производства Сокольническая организация (раньше чем другие районы Москвы) выдвигает вопрос о производственной пропаганде. В конце 1920 года Сокольнический Райком прорабатывает методы ведения производственной пропаганды и проводит по предприятиям 35 производственных совещаний. 17 декабря 1920 года была созвана

первая производственная конференция с участием завкомов, заводоуправлений, представителей цехов и парт'ячеек, комиссаров военизированных предприятий, на которой присутствовало до 800 делегатов. Конференция заслушала доклады о возрождении народного хозяйства и концессиях, о производственной пропаганде. Конференция впервые подняла вопрос о поднятии производительности труда, о поощрении рабочего изобретательства, об организации ежемесячных отчетов управляющих фабриками и заводами на широких совещаниях и общих собраниях рабочих, о подготовке нового кадра квалифицированных рабочих путем постановки фабрично-заводского ученичества. Решено было, где возможно, на основах добровольчества создавать ударные группы и бригады. Кадр ударных групп обычно составлялся из партийцев, которые об'единяли наиболее сознательных беспартийных рабочих, готовых личным примером показать, как должен относиться к труду рабочий в своем пролетарском государстве. Эти же производственные ударные группы следили за распределением рабочей силы по отдельным отраслям производства, вводили некоторые улучшения, оборудовали показательные корпуса и палаты в госпиталях и больницах. В короткое время была организована по предприятиям района 31 ударная группа. Отдел субботников Райкома являлся одним из организующих центров в этой работе. Широкое участие беспартийных рабочих масс в проводимых по инициативе парт'ячеек и ударных групп субботниках и воскресниках иллюстрируется следующими цифрами: за время с начала сентября по декабрь 1920 г. включительно на 17 субботниках и воскресниках присутствовало свыше 66.000 чел. (из них партийцев лишь 8,5%). В 1921 г. за период февраль—май на субботниках работало свыше 22.500 человек (партийцев—14,4%).

В каких бытовых условиях проводилась будничная повседневная работа пролетариата? Холод нетопленных помещений, разрушенные жилища, систематическое голодание рабочего и его семьи, от которого не могли спасти усилия ввести строжайший государственный контроль над распределением скудных продовольственных запасов. Карточки А, Б, В, сурово определявшие сколько золотников хлеба заслуживает твоя квалификация и выполняемая работа. Вошедшие в быт рабочего многочисленные кампании, сводившиеся почти всегда к необходимости еще более (и притом добровольно) урезывать и без того совершенно недостаточный «паек» и количество домашнего скарба. К этому надо добавить борьбу с гулявшими по Москве эпидемиями сыпняка и др. болезней. Вот быт тех дней. Первые годы нэпа с типичными для них «болезнями» в деле получения зарплаты

(систематическая задержка зарплаты, несоответствие между ростом зарплаты и темпом падения совзнаков, выдача зарплаты «натурой», сохранившаяся еще местами, и т. д.), с отголосками поволжского голода 1921 г.,—мало отличались в смысле изменения бытовых условий рабочего от эпохи гражданской войны. Несмотря на все эти трудности и лишения, рабочие Сок. р-на сохранили от полного разрушения доставшиеся им от прежних хозяев фабрики и заводы, сохранили и творческую энергию для последующей эпохи, поставившей перед пролетариатом советского Союза задачу восстановления и дальнейшего развертывания промышленности.

Восстановление промышленности в районе.

Первые годы проведения новой экономической политики были особенно трудными для восстановления работы в промышленности района в связи с общехозяйственной разрухой, отсутствием твердой валюты, неизжитыми еще со времен военного коммунизма, нехватками топлива, сырья и продовольствия, отсутствия торговых сношений с заграницей и целым рядом других об'ективных факторов. В силу этого результаты проделанной в хозяйственной области работы были не столь ощутительны, как в последующие годы. К июлю 1925 г.—моменту, когда уже можно было подводить кой-какие серьезные итоги в хозяйственной работе,—промышленность Сокольнического района охватывает 1147 торгово-промышленных предприятий, из которых 310 — государственных, 69 кооперативных, остальные 768—частные. Большинство предприятий—мелкие. Более крупных фабрик и заводов с числом свыше 100 занятых рабочих—около 40. Следует отметить, что крупное место в числе государственных предприятий занимают 3 жел. дороги, вокзалы которых расположены на территории района—Северная, Октябрьская и Моск.-Казанская.

Огромная проделанная рабочими района под руководством партийной организации работа по восстановлению полуразрушенных фабрик и заводов ярко видна на примере трех крупнейших предприятий района—заводов СВАРЗ, им. Маленкова и «Красный Богатырь».

Сокольнические ремонтные мастерские (иначе СВАРЗ), переоборудованные в годы империалистической войны для работы на оборону и насчитывавшие в то время до 5.000 рабочих и служащих, в годы гражданской войны свернулись и сократили до минимума свою основную работу-ремонт трамвайных вагонов. Но уже начиная с 1921/22 хоз. года заметен непрерывный рост выпускаемой продукции и числа занятых рабочих. Так, за весь 1920/21 хоз.

год из ремонта было выпущено 17 вагонов (1 из капитального, 16 из периодического); в 1923/24 г. выпущено уже 50 вагонов (47 из капитального и 3 из периодического); в 1925/26 г.—151 (93 из капит., 58 из периодич.) и, наконец, за 8 мес. 1927 г.—192 вагона (94 из капит. и 98 из периодич.). Характерно и движение рабочей силы на заводе. Если в 1920/21, 21/22 гг. число рабочих и служащих по сравнению с 1916/17 гг. уменьшилось почти в 10 раз, то в последующие годы оно неуклонно растет, превышая в 1925/26 гг.—1000 чел., а к 1/IX—27 г. достигая цифры в 1.240 чел. При этом особенно возросло ядро квалифицированных рабочих (ок. 350 в 1920/21 г. и свыше 900 в 1926/27 г.) при небольшом росте числа неквалифицированных рабочих. Рост выпускаемой продукции в последние годы сопровождался систематическим ростом зарплаты. Поденная заработная плата сдельщика в червонных рублях на 1/X—24 г. равнялась 4 руб. 32 коп., на 1/X—25 г.—5 руб. 28 коп., на 1/X—26 г.—5 руб. 97 коп., а на 1/VII текущего года достигла 7 руб. 13 коп.

Такую же картину быстрого возрождения предприятия рисуют и данные по сталелитейному з-ду им. Маленкова (бывш. Варц-Мак-Гиль). В 1920/21 году количество всей выпущенной продукции незначительно превышало 14.000 пудов и оценивалось в сумме около 61.800 довоенных рублей. Уже в 1922/23 году количество выпускаемой продукции достигает 52.000 пудов, в 1924—1925 году—свыше 89.500 пуд., в 1925/26 г.—108.600 пуд. (на 97.800 руб.). Численность рабочих в 1925/26 хозяйствен. году по сравнению с 1920/21 г. увеличилась в 4 раза (со 100 чел. до 400 чел.), зарплата в последние годы также возросла. Средний месячный заработок рабочего в 1923/24 году в червонных рублях исчисляется в сумме 39 руб. 50 к. в 1924/25 году—70 руб., в 1925/26 году—74 руб. 78 коп.

Не менее интересны данные по «Красному Богатырю». Если в 1918 году завод, как и в предшествующие 1916—17 годы, продолжал еще увеличивать свою продукцию по сравнению с довоенным временем, выработав свыше 5,4 мил. пар галош (более 141% довоенной выработки), то в 1919 году «Богатырь» не выработал ни одной пары галош, выделывая вместо этого крайне непрочные прорезиненные полуботики из-за отсутствия сырья. В 1920 году завод выпускает немного более 2.000 пар галош. С 1921 года начинается уже массовое производство галош, причем с каждым годом количество выбрасываемой на рынок продукции заметно возрастает и уже в 1924/25 году превышает довоенную выработку (в 13 году выпускалось 3,6 мил. пар, в 1924/25 г.—5,2 мил., в 1925/26 г.—6,4 мил. пар., за первые 3 квартала 1927 года—6,1 мил. пар). Число занятых на заводе рабочих, сни-

зившееся в 1920 году до 1.600 чел., со следующего года систематически растет, достигнув к 1/IX—27 г. цифры в 4.100 чел., почти вдвое превышающей довоенную численность. Зарплата повышается, начиная с введения твердой валюты, также из года в год (2 руб. 31 коп. в день в 1923/24 году, 3 руб. 63 коп.—к 1/IX—1927 года). Не менее показательны и данные о производительности труда. До войны 1 рабочий вырабатывал в рабочий день 6,5 пар галош, в 1921 году—0,6 пар (сведений за 1919/20 г. нет), в 1922 году—4,1 пары, в 1924/25 году—5,1 пар. Начиная с 1924/25 года, производительность труда рабочего превысила довоенную. В указанном году рабочий вырабатывает 7,1 пары галош в день, в 1925/26 г.—7,9, а в сентябре 1927 г.—9,1 пары.

Несколько приводимых ниже цифр по всему району, взятых из официальных отчетов Райкома за соответствующие годы, иллюстрирующих рост рабочей силы, рост выпускаемой госпромышленностью продукции, повышение производительности труда, снижение себестоимости, восстановление транспорта и т. д., свидетельствуют о том восстановительном процессе, который протекал на протяжении 5—6 лет нэп'а.

Рост числа рабочих и служащих. На 1/XI—23 года в государственных (в том числе и в жел.-дор.), кооперативных и частных предприятиях района имелось 32.000 рабочих и служащих, на 1/VII—25 г.—свыше 43.000, на 1/I—26 г.—45.000, на 1/XII—26 г. около 50.000 чел.

Особо следует остановиться на изменениях в составе железнодорожников, удельный вес которых, в силу их многочисленности в районе, весьма высок. На 1/XI—23 года имелось в районе около 22.000 железнодорожных рабочих и служащих, в ближайшие последующие годы эта цифра падает (20.350—1/IX—24 года; свыше 19.600—1/VII—25 года) и вновь обнаруживает тенденцию роста в истекшем 1926 г. (увеличение до 19.940 чел.)

Рост выпускаемой продукции. В 1923/24 хоз. году 30 предприятий р-на выпускали в среднем в 1 мес. товаров на сумму в 2—3 милл. руб.; в первое полугодие 1924/25 г. те же предприятия выпустили товару на 4,1 милл. руб. (увеличение на 75%). В 1926 г. в марте стоимость продукции 19 предприятий достигла 4,8 милл. руб., в сентябре того же года—5,8 милл. руб. (увеличение почти на 20%).

Повышение производительности труда. В 1924—25 г. данные о выработке продукции в месяц на одного рабочего показывают повышение производительности труда: у металлистов на 11%, у печатников на 33%, у химиков на 44%, у деревообделочников на 15,5%, у пищевиков на 20,5%, у кожевников

на 56%. В 1926 г. за период март—сентябрь производительность труда на предприятиях р-на поднялась на 10,6% (значительную роль сыграла в повышении производительности труда механизация ряда работ). В то же время поднялась и зарплата за тот же период на 4,3%. С ростом производительности труда в 1926 г. отмечено одновременно поднятие производственной дисциплины на предприятиях. В сентябре 1926 г. по отношению к октябрю 1925 г. число прогулов по району пало на 44%. Недовыработка по вине прогульщиков снизилась с 92.000 руб. в марте 1926 г. до 53.000 руб. в сентябре.

Снижение себестоимости. В 1924—25 г. на ряду с поднятием производительности отмечалось и удешевление продукции на некоторых предприятиях («Богатырь», «Коса» и др. з-ды). В 1926 г. по важнейшим предметам выработки некоторых предприятий р-на («Возрождение», «Ростокинская», «Буревестник» и др.) за период с сентября 1925 г. по октябрь 1926 г. имело место снижение себестоимости от 0,4%—28% (хотя в силу повышения стоимости сырья и топлива и других об'ективных причин на других предприятиях и на другие продукты отмечалось за тот же период некоторое повышение цен).

Усиление работы жел.-дорожного транспорта.

Данные по Моск.-Казанской и Сев. ж. д. свидетельствуют об усилении работы жел.-дор. транспорта. Количество перевозимых грузов на одного железнодорожника за 1925—26 г. поднялось до 26,9% на Казанской ж. д. и 29,5% на Северной ж. д. Перевозка пассажиров соответственно поднялась до 13,7% и 17,7%.

Количество приходящихся на 1 железнодорожника паровозо-километров также значительно поднялось на 17,4% на Моск.-Каз. ж. д., 25,8% на Сев. ж. д. Количество поездо-километров по Моск.-Казанск. ж. д. поднялось на 18,2% (по Сев. ж. д. сведений нет). Несколько хуже обстоит дело на Октябрьской ж. д., где имело место даже незначительное снижение (от 0,2—2%) числа паровозо- и поездо-километров; число же перевезенных пассажиров увеличилось на 4%.

Капитальное вложение в промышленности.

1925—26 хозяйственный год характерен переходом от задачи восстановления предприятий, достигших уже почти довоенного уровня выработки продукции, к более серьезной проблеме расширения промышленности. В осуществление этой проблемы в 25 предприятий района вложены значительные капиталы, выра-

зившиеся в ремонте станков и зданий, а также в установке нового оборудования по отдельным фабрикам и з-дам («Богатырь», Ростокинская ф-ка и т. д.) на общую сумму в 2,7 милл. руб.

Рост заработной платы.

Одновременно с поднятием производительности труда росла и заработная плата, несмотря на встречающиеся перебои, недочеты тарификации (у ж. д., напр., пестрота заработка у однородных профессий по различным ж. д.) и друг. ненормальности, проявляя тенденцию подтягивать отсталые группы рабочих (например, железнодорожников). Характерны следующие данные из отчета Сок. РК за период—декабрь 1924 г.—сентябрь 1925 г. В среднем для всех отраслей промышленности за указанный период зарплата возросла на 19%, при чем особенно быстрый рост отмечался по химическим (46,6%) и деревообделочным предприятиям (25%). В остальных отраслях промышленности процент возрастания значительно ниже (5,5% у текстильщиков, 7,6—у пищевиков, 6,5—у металлистов и т. д.). В марте 1926 г. средняя дневная зарплата по 25 предприятиям р-на равнялась 3 р. 70 к., к сентябрю того же года поднялась до 3 р. 86 к. (4,3%), при чем зарплата некоторых наиболее отсталых по заработку категорий рабочих 3-х жел. дорог р-на за 1925—26 хоз. год поднялась от 13,7% до 83,7% (хотя все еще сохранилась пестрота в оплате однородных профессий по разным дорогам).

Жилищное строительство.

Следует отметить также ряд мероприятий по улучшению бытовых и жилищных условий жизни рабочего и в первую очередь жилищное строительство за 1924—25 и 1925—26 хоз. годы. Развернулось муниципальное строительство, отстроено 36 новых домов с общей жилплощадью в 7.518 кв. саж. Растет и жилищно-строительная кооперация. На 1/VI—26 г. в жилкоопе состоит более 3.300 чел. (из них 71,6% рабочие). К 1/VII—26 г. жилищно-строительная кооперация отстроила 1.667 кв. саж. Все эти мероприятия не разрешают острого жилищного кризиса, но указывают путь к его разрешению.

Борьба с безработицей.

Несмотря на расширение московской промышленности, в частности и районной, и поглощение все новых кадров рабочих, безработица в районе не изживается. В 1925 г. цифра безработных колебалась от 5 тыс. чел. в январе, до 15½ тыс. в июне и около 11 тыс. в октябре. В 1926 г. по данным на 1/IX—26 г. число без-

работных вновь возросло до 16 тыс. чел. Рост безработицы идет главным образом за счет деревни, откуда, вследствие аграрного перенаселения, тянутся на заработки неквалифицированные безработные, в большинстве не-члены союзов, ранее не работавшие по найму совсем или работавшие менее 1 года (за 11 месяцев биржей труда зарегистрировано 8.350 безработных из деревень). Партийные, советские и профессиональные органы принимают все меры к ликвидации безработицы. За первые семь месяцев 1925 г. послано на работу 2.808 чел. В 1926 г. биржей труда послано на работу за 11 месяцев свыше 15½ тыс. чел., из них большинство на временную работу. Кроме выдачи пособий, биржа труда оказывает трудовую помощь, путем посылки на общественную работу и в трудколлективы НКТ. Помощь такого рода оказана более 13.300 безработным.

Роль сокольнической парторганизации в деле восстановления промышленности.

Огромная творческая работа сокольнического пролетариата, вложенная в дело восстановления промышленности, проводилась в тесной связи с работой районной партийной организации и под ее руководством. На долю последней выпала ответственная задача, с одной стороны, организовывать общественное мнение широких рабочих масс вокруг лозунгов, выдвигаемых партией—поднятие производительности труда, рационализация производства, режим экономии, индустриализация страны; с другой—устранять многочисленные препятствия в деле восстановления промышленности. Руководящий штаб сокольнической организации—Райком на всем пройденном пути хозяйственного строительства должен был разрешать бесконечное количество вопросов о насущнейших нуждах промышленности, нехватке сырья, топлива, простоях и прогулах, положении на транспорте, принимать меры к улучшению материального положения рабочих, разбирать вопросы о зарплате, о подтягивании отсталых в отношении заработка групп рабочих, жилищном строительстве, бороться с безработицей и т. д. Создавая различного рода подсобные органы (транспортное совещание, экономкомиссии РК и т. д.), входя в сношения с хозяйственными, профессиональными и партийными учреждениями, Райком принимал все зависящие от него меры к обеспечиванию бесперебойного развития промышленности.

Работа производственных совещаний и конференций.

В деле мобилизации широкого общественного мнения вокруг вопросов производства и в самом процессе восстановления промышленности огромное значение имели производственные комис-

сий, совещания и конференции. Если не считать опыта 1920 г., деятельность производственных совещаний и комиссий начинает развертываться с весны 1924 г. В июне этого года при Райкоме организуется производкомиссия (реорганизованная затем в экономкомиссию). Под ее наблюдением на предприятиях начинают организовываться производкомиссии. В самой работе производкомиссий и совещаний отмечался ряд недостатков—отсутствие плановой углубленной работы по изучению производства, отсутствие крепкой связи с профсоюзами и т. д., но в общем и целом деятельность их принесла несомненную пользу делу хозяйственного строительства. Участники совещаний—рабочие и технический персонал предприятий—проявили много инициативы и активности, внося зачастую весьма ценные предложения. Так, на заводе «Богатырь» в 1925 г. по предложению производственной комиссии перешли на нефтяное отопление, установили под'емник в Закройном отделе, улучшили качество продукции и провели еще ряд практических решений комиссии. В Сталинских мастерских Октябрьской ж. д. в том же году по инициативе производкомиссии проделана большая работа в сторону технических усовершенствований: произведена постройка 4-х помещений для цехов, располагавшихся ранее в вагонах на путях, установлен паровой молот, проведена под'ездная узкоколейка и т. п. В 1926 г. большое значение в деле привлечения широких рабочих масс к вопросам социалистического строительства, помимо производсовещаний на местах, сыграли производственные конференции рабочих по всем хоз. об'единениям. С большим под'емом, при большой активности масс, прошли 3 железнодорожных и 2 производственных конференции, на которых выступавшими рабочими затрагивались хозяйственные вопросы в области режима экономии, рационализации производства, взаимоотношений между предприятиями и хозоб'единениями и были внесены серьезные предложения по устранению отмеченных недостатков.

Проведение режима экономии.

Организующая роль сокольнической парторганизации ярко проявилась в деле осуществления взятого партией курса на проведение режима экономии. Лозунг партии нашел живейший отклик в самых широких слоях рабочих и среди всех членов партии.

Райком партии провел широкую раз'яснительную кампанию, созвав ряд совещаний хозяйственников, профессионалистов, партактива, как в общерайонном масштабе, так и по производствам, с целью устранения наметившихся препятствий и недостатков на

пути к осуществлению режима экономии,—торможение аппарата, сопротивляющегося проведению режима экономии, извращение этого лозунга некоторыми хозяйственниками, попытки проводить соответствующие мероприятия без участия широких масс и т. д. В результате по целому ряду предприятий в 1926 г. удалось достигнуть серьезных положительных результатов. Богородский кожзавод благодаря принятым мероприятиям достиг реальной экономии в 3.000 руб. в месяц. Макаронная фабрика—12.000 руб. за третий квартал 1925—26 г. хоз. года, Ростокинская фабрика дала около 80.000 руб. экономии; в Сталинских мастерских Октябрьской ж. д. по инициативе самих рабочих создалась утилизационная бригада, которая дает продукцию стоимостью свыше 52.600 руб., что за вычетом содержания самой бригады составляет чистую экономию свыше 45.000 рублей.

II. Рост Сокольнической парторганизации.

От горсточки большевиков в несколько сот человек, штурмующих белогвардейский Кремль во главе восставшего революционного пролетариата, до массовой организации численностью свыше 13½ тысяч человек, руководящей творческой работой еще более широких рабочих масс в деле строительства социализма,—вот тот путь, который прошла сокольническая парторганизация за 10 лет существования Советской власти.

Количественный рост организации.

Количественный рост сокольнической парторганизации за последний ряд лет характеризуется следующими цифрами:

На 1/IX—20 г. в районе насчитывалось всех партийцев—2.231 чел. (из них кандидатов—289 чел.); на 1/I—21 г. — 3.250 чел. (кандидатов—777 чел.); на 1/VII—21 г.—2.095 чел. (кандидатов—388 чел.); на 1/XII—23 г.—6.466 (канд.—1.035); на 1/XII—24 г.—9.874 (канд.—3.548); на 1/IX—25 г.—12.091 (канд.—4.057); на 1/XI—26 г.—13.660 (канд.—3.018).

Крупным фактором в жизни сокольнической организации явился т. наз. «ленинский призыв»—массовое вступление в партию рабочих после смерти тов. Ленина. Первый ленинский призыв (гл. образом в марте—апреле 1924 г.) дал 2.870 чел., 90,3% из них—рабочие, 7,3%—крестьяне и 2,4%—служащие, при этом 61,5% всех вступивших в партию—квалифицированные рабочие. В январе 1925 г. в «ленинскую неделю» в партию вновь вступает 1.839 чел.—второй ленинский призыв. 93,9% вновь принятых—рабочие, 2,9%—служащие, 2,5%—крестьяне (относительно

остальных 0,7% соц. положение не выяснено). По производственному стажу ленинцы второго призыва распределяются следующим образом: имеющих стаж до 5 лет—32,6%, от 6—10 лет—25%, имеющих стаж свыше 10 лет—39,9% (1,5% принятых не указали стажа). Таким образом оба ленинских призыва, улучшив ее социальный состав, дали сокольнической организации лучших представителей рабочего класса. Почти все принятые в оба этих призыва уже переведены в партию.

Изменения в социальном составе организации.

За 1918—22 гг. точных данных о социальном составе организации нет. Приблизительное представление о соотношении рабочего и не рабочего состава организации в июне 1921 г. можно получить из данных о распределении членов партии по типам ячеек: в производственных ячейках (в том числе и жел. дор.) состояло 51,6% всех партийцев района, в советских—18,4%, в красноармейских и милицейских—30%. В 1923 г. на 1/V кандидатов—рабочих имелось 55% всего кандидатского состава, членов партии—рабочих—53,5%. На 1/XII того же года положение резко изменилось, процент рабочих среди членов партии пал до 48,2%, процент рабочих в кандидатском составе, напротив, поднялся до 65%. Сравнительные данные за последующие годы указывают на дальнейшее укрепление рабочего ядра в составе организации. Так, из общего числа всех партийцев (членов и кандидатов) рабочие составляли: на 1/V—24 г.—57,8%, на 1/XII—24 г.—66,1%, на 1/IX—25 г.—71%, на 1/XI—26 г.—68,7%. Некоторое уменьшение процента рабочих, несмотря на абсолютный рост рабочих в организации, на 1/XI—26 г. об'ясняется прибытием в район ряда вузовских ячеек, а также ячеек воинских частей. Одновременно идет систематический рост организации за счет рабочих от станка.

Рост партийного актива.

Сокольническая организация за последние годы сумела взрастить значительный актив, рост которого шел быстрее численного роста организации. Если к концу 1920 г. партактив района составляли 208 товарищей, 160 из которых были прикреплены в качестве ответорганизаторов к ячейкам, и без'ячейковым предприятиям, а 48 представляли собой первые кадры агитаторов и пропагандистов, то к концу 1926 г. в агитационно-пропагандистской и обследовательской работе и по выполнению отдельных заданий РК участвовало 1926 чел.; в общей же сложности в районную работу вовлечено 2.132 товарища из ячейкового актива.

Связь с беспартийными массами.

Тесная связь с широкими беспартийными массами, являвшаяся всегда характерной чертой большевистской партии, сохраняется сокольнической организацией в течение десяти лет работы в условиях существования пролетарской диктатуры. В годы гражданской войны эта связь проявлялась в той горячей поддержке, которую оказывали широкие массы рабочих многочисленным ударным кампаниям, проводившимся партийной организацией, в том энтузиазме, с которыми сотни и тысячи рабочих шли добровольцами на фронт, в продотряды, в массовом участии рабочих в субботниках, в той тревоге, которая охватила рабочих при известии о ранении Ильича в 1918 году, в том большом интересе, который проявляли беспартийные рабочие к открытым партийным собраниям. В один из партийных дней, в конце мая 1921 г., в Красносельском участке сок. района на открытых собраниях ячеек присутствовало 329 чел. коммунистов и 300 беспартийных, в Сокольническом участке—151 коммунист и 1000 беспартийных. Эта связь не теряется и по окончании гражданской войны. Достаточно вспомнить, как реагировали рабочие на тягчайшую потерю, постигшую партию—смерть В. И. Ленина. Тысячи рабочих, вступивших в партию в 1924—25 г., тщательное обсуждение кандидатуры каждого подавшего заявление на открытых партийных и общих собраниях, в котором принимают горячее участие беспартийные рабочие. Так, в приеме второго ленинского призыва в ленинскую неделю 1925 г. по 32 наиболее крупным заводским и железнодорожным ячейкам района на 2.134 присутствовавших членов партии присутствует 2.868 беспартийных. На собрании в депо Москва—пассажирская Казанской ж. д. до 70 товарищей, большинство которых—беспартийные, принимают участие в обсуждении кандидатур лиц, вступающих в партию. Тщательный публичный отбор рабочим классом лучших, достойнейших в ленинскую партию—вот смысл ленинского призыва и доказательство теснейшей связи партии со своим классом.

Руководство творческой работой масс по поднятию промышленности, по развертыванию социалистического строительства способствует укреплению этой связи.

Руководство работой Совета.

Суровая эпоха гражданской войны требовала укрепления коммунистического ядра Советов в целях вытеснения представителей антисоветских партий—меньшевиков, эсеров, анархистов, пытавшихся еще пролезть в Советы нередко под маской беспартийности. Борьба за коммунистические по составу Сове-

ты—основная задача сокольнической парторганизации в отношении Советов в то время. Выступление Кронштадтских мятежников в феврале 1921 г., в котором единодушно участвовали представители чуть ли не всех антисоветских партий от анархистов до монархистов включительно, проходившее под лозунгом—«Советы без коммунистов»—показало безусловную правильность взятой партией линии. Успехи сокольнической организации в борьбе за коммунистические Советы показывают результаты выборов в Московский и Районный Советы в апреле 1921 г. Несмотря на неблагоприятную политическую обстановку, только что ликвидированное выступление кронштадтцев, широко использованное меньшевиками, эсерами, анархистами в своей антисоветской агитации, и ряд трудностей экономического порядка, стоявших перед страной,—эти выборы показали, что подавляющее большинство рабочих Сокольнического района идет за компартией. Попавшие в Московский и Районный Советы представители меньшевиков, лев. эсеров и анархистов составили ничтожное меньшинство (2—2,7%), коммунисты в обоих Советах получили большинство депутатских мест (52,3% депутатских мандатов от района в Моссовет, 57,6% депутатских мест в Райсовете). Эпоха мирного строительства выдвинула другие задачи в отношении Советов. С каждым годом укрепления советского хозяйства росла политическая активность масс. Компартия выдвигает задачи вовлечения в состав Советов наиболее активных беспартийных рабочих, организации вокруг Советов советской общественности. Выдвигается лозунг оживления Советов, развертывания советской работы. И здесь Сокольническая организация под руководством Райкома проводит большую работу. Показательны данные о ходе избирательной кампании и работе Советов в 1924, 25, 26 гг. Декабрьская избирательная кампания 1924 г. приняла небывало широкий размах и показала возросшую активность избирателей и возросший интерес к работе Советов. В обсуждение наказа депутатам на предвыборных собраниях по отдельным предприятиям была втянута огромная масса рабочих (на заводе «Богатырь», например, на собрании участвовало 3.700 чел., на заводе «Буревестник»—2.200 чел. и т. д.). В результате выборов в Райсовет прошло 42% беспартийных, рабочие от станка составили 62,5% всех депутатов, весь состав Совета обновлен почти на 90%. Не менее оживленно проходили выборные кампании и в последующие годы. Из года в год все больший круг рабочих втягивается в работу секций Совета. В 1924 г. в секционную работу было вовлечено 834 чел., в 1925 г.—1.073 чел., в 1926 г.—1.553 чел. Ширится круг практической работы членов секций. За период с декабря 1925 г. по ноябрь 1926 г. секциями Райсовета было проведено 292 комисси-

136201

онных обследования и 33.715 одиночных обследований. Вокруг Совета растет рабочий актив, способный в дальнейшем еще более расширить и углубить работу по советскому строительству.

Партийно-воспитательная работа.

В годы разрухи и гражданской войны Сокольническая организация не могла уделять достаточного внимания вопросам партийного воспитания. Однако, уже тогда Агитотдел Райкома организовывал первые политшколы. К 1 января 1921 г. существовало 12 партшкол—11 участковых и 1 районная. Кроме того, было приступлено к организации школы-семинария. В мае 1921 г. имелось уже 18 участковых и 2 районных партшколы с общим числом слушателей в 1.132 чел. Вскоре партшколы перешли в ведение образовавшегося Райполитпросвета. Широкую политпросветработу удалось развернуть в годы мирного строительства. Из года в год росла сеть политшкол по ячейкам района, охватывая все более широкие партийные массы (а также и часть беспартийных рабочих). Особенно широко развернулась пропагандистская работа с массовым притоком рабочих в партию в 1924—1925 г. («Ленинский призыв»). Надо было привить этим новым кадрам партийцев основы марксистского миросозерцания. В 1925—1926 учебном году развернутая районная сеть партпросвещения насчитывала 427 школьных единиц с числом слушателей более 9.250 чел. Рост партийного актива, идеологическое укрепление партийных рядов—результат огромной партвоспитательной работы, проведенной Райкомом в последние годы.

Идеологическое укрепление Сокольнической организации.

Сокольническая парторганизация на протяжении 10 лет своего легального существования живо откликалась на все важнейшие события международной, общеполитической и внутрипартийной жизни. В годы открытой вооруженной борьбы с белогвардейцами, поляками и иностранными интервентами сокольническая организация по требованию МК РКП(б) мобилизовывала лучших своих работников для посылки на многочисленные фронты и укрепляла железную дисциплину своих рядов. Много человеческих жертв понесла организация в эти годы (вспомним хотя бы т. Маленкова, погибшего в бою с чехо-словаками). Восстание левых эсеров, ранение Ленина в 1918 г., Кронштадтский мятеж 1921 г., революция в Германии, Советская власть в Венгрии и Баварии,— вот важнейшие события той эпохи, встречавшие живой отклик в рядах партии.

В эпоху после гражданской войны важнейшим событием, приковавшим внимание всей организации, была смерть Ленина в

1924 г. Огромный интерес в рядах организации вызывали все крупные политические события: нота Керзона, германские события 1923 г., Болгарские—в 1925 г., великая стачка горняков и китайская революция в 1926 г. Тот под'ем в настроениях широких партийных масс, который вызывали движение английских рабочих и революционная борьба в Китае, свидетельствуют, что партийное сознание Сокольнической организации воспитано в духе международной солидарности и пролетарского интернационализма.

Многочисленные внутрипартийные дискуссии, пережитые партией со времени Октябрьских дней, также нашли свой отклик в Сокольнической организации. Дискуссия по поводу Бреста в 1918 г., дискуссия о профсоюзах в 1920—21 г. переживались Сокольнической организацией несколько более остро, чем по-

Котов, В. А.

Гибер, Б. В.

следующие дискуссии. Существовавшие оппозиционные группировки в партии до X с'езда встречали некоторых последователей в Сокольниках и вели ожесточенную фракционную борьбу. Тем не менее партийное большинство района стояло на ленинской позиции. Для начала 1921 г. характерна идейная борьба с антипартийной группой Панюшкина. Последний, будучи ответственным работником Совета Городского района, вышел из РКП(б) и пытался создать «рабоче-крестьянскую социалистическую партию» под лозунгами кронштадтских мятежников. В Сокольниках Панюшкин не пользовался никаким влиянием. Результаты ожесточенной борьбы с оппозицией в 1923—24 и 26 гг. свидетельствуют о несомненном идеологическом росте всей Сокольнической организации. Во время дискуссии 1923 г. часть ячеек района еще принадлежала к числу оппозиционных, некоторые ячейки

колебались. В конце 1924 г. во время т. н. литературной дискуссии с троцкистами, несмотря на всю сложность поднятых теоретических вопросов, громадное большинство ячеек правильно ориентировалось в сущности спора. При обсуждении итогов XIV с'езда партии по всем ячейкам из 8.000 членов партии, принявших участие в обсуждении с'ездовских вопросов, всего 4 чел. выступили с защитой точки зрения оппозиции. Работа по раз'яснению решений с'езда, дальнейшая углубленная проработка всех основных понятых дискуссиям проблем привели к тому, что попытки оппозиции поставить фракционную работу в Сокольниках разбились об идейное единство организации. Так же, как и во всей Московской организации, оппозиция потерпела поражение. 9½ тысячами голосов за ленинскую линию организация дала ясный ответ выступлениям оппозиции. На всех этапах внутрипартийной борьбы Сокольническая организация под руководством своего райкома, возглавлявшегося выдержанными большевиками (т. Котовым в период с 1919 г. по 1925 г., т. Гибером—после 1925 г.), сохранила ленинскую позицию, непрерывно укрепляя идеологически свои ряды, стоя на страже партийного единства. Одна за другой разбивались волны оппозиции об эту организацию—одну из крепчайших организаций Москвы.

1916—1917 годы в Сокольниках.

(Краткий исторический очерк).

Последний год перед революцией.

Конец второго и начало третьего года империалистической войны. При поражении царских армий, не имеющих перед лицом

Революционный Комитет Сокольнического района в дни Октября 1917 г.

превосходно вооруженного противника ни патронов, ни винтовок, ни снарядов, при разгроме этих армий на Карпатах и в Польских губерниях, русская буржуазия почувствовала себя, с разрешения начальства, именинницей: ей дозволено было организоваться в единый капиталистический кулак вокруг Земского Союза, Союза Городов и военно-промышленных комитетов на почве обслуживания армии (а отчасти и тыла) в медико-санитарном, продовольственном, транспортном отношениях и в отношении снабжения ее

всеми видами вооружения. Буржуазия захлебывалась в своем патриотическом рвении и «зарабатывала» на нуждах обороны колоссальнейшие, прямо-таки скандальные, прибыли, путем вздувания приемочных казенных цен на предметы военного снаряжения и цен на предметы первой необходимости, путем всемерного удержания заработной платы на страшно низком уровне (несмотря на всеобщее вздорожание) и путем безудержного увеличения рабочего дня через сверхурочные часы и работы по праздникам. А с недовольными рабочими легко справлялись военными судами, огнестрельными расправами, посылками на фронт и прочими видами репрессий со стороны изобретательного начальства,—все во имя обороны любезнейшего отечества и в посрамление пораженцев-большевиков, этих изменников «общему» делу обороны «родины».

Не малую помощь обжиравшейся буржуазии оказывали и предатели рабочего класса, социал-соглашатели, социал-шовинисты. Они жадно прильнули к груди своих благодетелей в военно-промышленных комитетах и, конкурируя с попами всех мастей, проповедью гражданского мира, идеями братоубийственной войны для защиты буржуазного отечества несли отраву в сознание рабочих, расстраивали их ряды, срывали их борьбу с хозяевами, елейными уговорами добивались прекращения стачек и «мирного» урегулирования прочих спорных вопросов и конфликтов,—без обиды для предпринимателей.

Хитрой капиталистической механикой все было мобилизовано на оборону. Фабрики, заводы и мастерские работали безостановочно. Росли горы снарядов, патронов и прочих видов снабжения армии, а вместе с тем росли и барыши буржуазии, ее силы и ее удельный вес в государстве.

Но изматывался рабочий класс. Все туже и туже захлестывалась на его шее хозяйская петля. Терпение лопалось. Уговоры хозяйских подхалимов переставали действовать. Все круче приходилось правительству завинчивать гайки военных положений и жандармских репрессий. Но приедались и они, привыкли и к ним. Конфликты и стачки на предприятиях неудержимо нарастали. Экономические требования уже вновь, как и в годы первой революции и в годы рабочего оживления перед войной, переплетались с требованиями политическими. Все чаще и чаще слышались лозунги подлинных революционеров: «Долой империалистическую войну!», «Долой самодержавие!», «Да здравствует 8-часовой рабочий день!», «Да здравствует демократическая республика!», «Война войне!». Впереди, как и прежде, шел питерский пролетарий, наиболее вышколенный годами предыдущей борьбы с царизмом и капиталистами. Здесь же была наиболее прочной и его революционная большевистская организация.

Но уже раскачивался и московский рабочий, в частности и в Сокольниках, которые вполне по праву считались и считаются одним из рабочих районов Москвы: в нем тогда было, кроме четырех жел. дорог и многих крупных городских учреждений, «15 крупных предприятий, с числом рабочих более 500, из них 4 (Сокольнические мастерские, завод Михельсон, Богатырь и Абрикосовская фабрика) имели каждое от 2 до 5 тысяч и полсотни средних и мелких (от 50 до 500 рабочих») (см. «Октябрьские дни в Сокольниках», изд. «Красной Нови», Москва, 1922 г., 6 стр.).

Экономическое положение рабочих здесь в 1916 году было очень тяжелое. Номинальная заработная плата, сравнительно с довоенным уровнем ее, правда, к этому времени несколько повысилась, но в значительных размерах это повышение коснулось лишь наиболее квалифицированных рабочих, общее же вздорожание всего, в чем нуждался рабочий и его семья, далеко опередило рост зарплаты, так как на почве недостатка товаров и продовольствия (работали на фронт), в тылу стала развиваться бешеная спекуляция на все предметы первой необходимости. В борьбе с своими недостачами рабочий первое время шел по линии наименьшего сопротивления, путем сверхурочных работ и работ в праздники, сплошь и рядом доводя свой фактический рабочий день до 12 часов, а иногда и более. Так, тов. Старостин, работавший в то время в паровозных мастерских, Моск.-Казанской жел. дор., в своих воспоминаниях отмечает: ...«наши мастерские работали почти ежедневно вечерами, каждый праздник и выгоняли до 42-х дней, а некоторые до 60 дней (в месяц). Рабочий день 9½ час. да вечер 2½ час., всего рабочий день—12 часов».

Эта ничем неограниченная потогонщина только изматывала силы рабочего и не давала ему никакого выхода из создавшегося благодаря войне тупика. Его экономическое положение безудержно катилось вниз, вплоть до обнищания и физического голода. Тот же тов. Старостин в своих воспоминаниях пишет: ...«положение изменилось в сторону увеличения заработка в 2 раза, но дороговизна увеличивалась быстрее, очереди становились длиннее и некоторым рабочим часто приходилось сидеть без хлеба... После чая вечером я не мог работать, так как не было сил»... «Воскресенскому (управляющему Московско-Казанск. ж. д.), явившемуся в мастерские к забастовавшим в июле 1916 г. рабочим для переговоров, показали одного товарища, который работал в лаптях:— «Вот вы до чего довели своих мастеровых, что на работу стали ходить в лаптях,—кричали из толпы,—срам, позор, кровопийцы!».

К третьему году войны стали чувствоваться и некоторые производственные недохватки. Станки поднашивались и ремонтировались кое-как. Топлива еще более или менее хватало, но

с материалами уже было хуже, часто одни из них заменялись другими, не вполне соответствующими своему назначению. В воспоминаниях т. Старостина в этом отношении отмечается, что взамен обычного обшивочного железа «приходилось делать обшивку из 1-миллиметрового железа, шурупы для обшивки собирали из старья, в заклепке $^1/_8$ и $^3/_{16}$ тоже ощущались недостатки».

Патриотический угар войны таял даже и среди обывательщины, и в 1916 г., после продовольственных бунтов на местных рынках с избиениями полиции (вплоть до полицмейстера Модля), московская администрация уже не смела рисковать повторением таких сильно действующих средств, каким был немецкий погром летом 1915 года.

Терпение рабочей массы лопалось. Негодование росло. И стачки, бывшие в 1915 г. единичными, в 1916 г. становятся на предприятиях Сокольнического района бытовым явлением.

Очагом, зачинщиком, районным центром рабочей борьбы являлись так называемые Сокольнические вагоно-ремонтные трамвайные мастерские, в большей своей части переведенные к тому времени Моск. Гор. Управой на работы для обороны. В Сокольнических мастерских было тогда до 5.000 рабочих. Несмотря на то, что среди них преобладали свежие рабочие, ставшие к станку лишь с начала войны — дети деревенских кулаков, городских служащих, лавочники, кустари, спасавшиеся от военных мобилизаций работой на оборонческих предприятиях, — ядру в 300—500 наиболее квалифицированных испытанных потомственных пролетариев, видавших виды и исколесивших все главные центры промышленной России (Сормово, Баку, Донбасс, Екатеринославщину, Питер, Ригу, Польшу и т. д.), удавалось вести за собой всю эту массу. А вся революционная инициатива в этом ядре исходила от крепко спаянной группы большевиков, в которой насчитывалось к 1916 г. до 80 членов, тесно связанных с рабочими по всем цехам мастерских целой сетью одиночек-сочувствующих.

Именно здесь, в этой группе большевиков, концентрировался для района весь революционный опыт большевистской работы, именно эта группа выделяла основной руководящий кадр работников районной большевистской организации, основной кадр райкома и руководителей, непосредственно связывавших партработу района с общемосковской парторганизацией. В этой же группе сосредоточивалось и издание районных прокламаций и размножение листовок и директивных писем вышестоящих парторганов (на гектографе, шапирографе), завязывание связей с большевистскими группами на прочих районных предприятиях и получение заграничной партийной литературы: №№ органа ЦК

Актив Сокольнического района в дни Октября.

«Социал-Демократ», с руководящими статьями т. Ленина, и брошюр по вопросам, связанным с войной («Социализм и война», «Война и дороговизна в России» и др.). Основную работу в группе вели тт. Максимов, Ростовщиков, Шумкин, М. З. Андреев, Огурцов, Котов, Комаров (впоследствии оказавшийся провокатором), Журавлев, Крючков, Королев и др. По другим предприятиям района твердо оформившихся большевистских групп почти не было, но во многих из них работали одиночки-большевики в кружках рабочих, близких по своему революционному настроению к большевикам. Наиболее успешно такая работа проводилась на Моск.-Казанск. ж. д. (Перовские мастерские, паровозные мастерские), в Мытищах, на заводе Вард-Мак-Гиль, в Рязанском и Ново-Сокольничьем трамвайных парках и в некоторых других предприятиях. Почти без перебоев, несмотря на частые аресты и провалы отдельных членов, работал райком большевиков, неоднократно пополнявшийся представителями от большевистских групп. В разное время в него тогда входили тт. Максимов, Комаров, Андреев, Сиомук, Журавлев, Ростовщиков, Попов (паровозные мастерские Моск.-Казан. жел. дор.), Кукушкин (Перовские мастерские, оказался провокатором), Титов (Мытищенский завод) (см. сборник «Подполье», издание «Московский Рабочий» и Истпарта МК РКП(б), 1926 год, стр. 23). Теоретическое руководство исходило от тт. Тер-Ваганьяна, Островитинова и некоторых других. Они вели занятия главным образом в кружках повышенного типа с руководящим районным кадром партийцев, в особенности по вопросам текущего момента, по вопросам принципиальной обосновки лозунгов, связанных с империалистической войной. Кружковые же занятия среди рядовиков-партийцев вели такие хорошо марксистски подкованные товарищи-рабочие, как Ростовщиков, Максимов, Маленков, Титов и т. д. Эта углубленная работа велась преимущественно осенью и зимой. Более же широкая работа в виде массовок с привлечением на них сочувствующих и вообще более надежных беспартийных велась почти исключительно летом в Сокольничьей роще, в роще Измайловского Зверинца, в лесах пригородных дачных местностей. Лучшей же политической школой с широчайшей рабочей аудиторией за последний год перед революцией была стачка. Стачка на заводе, на фабрике, на железной дороге, в мастерской. Стачка частичная, цеховая, стачка отдельной бригады, артели и стачка общая, стачка, охватывавшая иногда сотни и тысячи пролетариев, стачка с многолюдными, порой, митингами и демонстрациями, с прямыми, ничем не задрапированными большевистскими лозунгами и требованиями, в упор бросаемыми по адресу буржуазии и царского правительства. Именно здесь, в стачке, было тогда

главное звено назревавшей революции, хорошенько ухватившись за которое и можно было повалить подгнивший трон самодержавия вместе со всеми его подпорками. Сюда-то вот и была направлена вся энергия рвущегося к действительной свободе российского пролетариата (от двойного рабства: от крепостнического царизма и от империалистического капитализма) под твердым и не сбивающимся в сторону шовинизма руководством нашей партии, во главе с ее испытанным и непоколебимым вождем—В. И. Лениным.

Впереди всех предприятий района в стачечной борьбе, как выше сказано, шли Сокольничьи мастерские. Низкая заработная плата и многочисленные репрессии со стороны московской охранки по адресу передовиков-рабочих хронически накаливали почву в мастерских,—и одни конфликты здесь сменялись другими: из-за невежливого обращения мастеров и инженеров, из-за придирок браковщиков, из-за злоупотреблений кумовством, из-за недоброкачественного поделочного материала, плохого инструмента, неисправных станков, из-за низких расценков, из-за арестов лучших товарищей—шумела то одна группа рабочих, то другая, порой приостанавливая работу целых цехов. А когда предварительной раскачкой атмосфера недовольства пронизывала всю толщу рабочей массы, наша группа давала сигнал к общей забастовке всех мастерских предприятия, с пред'явлением его администрации заранее подготовленных и обсужденных с райкомом требований экономического, а подчас и политического характера. Немногие забастовки кончались вничью. В большинстве конфликтов рабочие добивались частичного удовлетворения своих требований (экономического порядка). И почти все они заканчивались арестами, высылками и судебными процессами наиболее активных товарищей. Не мудрено, что каждая такая забастовка, каждый такой конфликт в мастерских таил в себе зародыш следующего очередного конфликта, очередной забастовки. Вот почему, цепляясь один за другой, эти бесконечные конфликты создавали в мастерских атмосферу перманентного конфликта, в котором сплошь и рядом терялась не только администрация предприятия, но даже и знаменитые московские жандармы, сбитые с толку стачечной энергией рабочих и не решавшиеся на коренную чистку мастерских от большевистской заразы. Можно сказать, что не проходило почти ни одной недели, чтобы в ту пору в Сокольнических мастерских не было какой-нибудь заворошки, хотя бы какого-нибудь мелкого «недоразумения», приковывавшего к себе внимание рабочих.

Широкий размах получила забастовочная волна в последний предреволюционный год и в других предприятиях Сокольниче-

ского района, при чем здесь, в подготовке и проведении стачечных конфликтов, в ногу с нашей партией в большинстве случаев шли и немногие, сохранившиеся от закрытия полицией, профсоюзные рабочие организации. Бастовали и разные мастерские железных дорог района, и фабрики, и заводы, и разные отдельные мастерские, вплоть до мелких. Но более всего забастовок было (после Сокольнических мастерских) в двух районных трамвайных парках. Особенно энергично и дружно они протекали в Ново-Сокольничьем трамвайном парке (теперь переименован в Русаковский, в память погибшего весной 1921 г. под стенами Кронштадта И. В. Русакова). Некоторые забастовки трамвайщиков носили затяжной характер и всегда почти заканчивались победой рабочих, несмотря на самые отчаянные репрессии со стороны органов царского правительства по адресу вожаков забастовок—вплоть до предания их военному суду. Остававшимися на свободе товарищами немедленно организовывались для пострадавших (арестованных, высланных, уволенных) и их семей денежные сборы, на которые весьма охотно и активно откликались даже рабочие других предприятий, в первую очередь соседних и родственных. В конце-концов трамвайщики своими забастовками добились у городской управы даже права принимать участие в найме и увольнении рабочих и входить в состав особого совета при Управлении Гор. ж. д. для разбора конфликтов (см. сборник «Подполье», издание «Моск. Рабочий» и Истпарта МК РКП(б) 1926 г., стр. 122). Но даже у трамвайщиков эти забастовки не имели такого яркого политического характера, как в Сокольнических мастерских, ибо, в противоположность последним, у них на местах не было резко обособившихся, вполне оформившихся большевистских групп.

После осенних разгромов, после опустошений охранкой большевистских организаций в Москве вообще и в Сокольническом районе в частности кратковременное затишье сменялось новой полосой забастовочной рабочей борьбы, в которой все чаще и чаще прорывались протесты против войны, против самодержавия и его сатрапов, против его диких расправ с революционным пролетарским авангардом.

9 января 1917 г. по директиве большевистского райкома рабочие многих предприятий района, во главе с Сокольничьими мастерскими, дали значительное количество активных участников демонстрации в центре Москвы.

Так складывалась революционная обстановка в районе накануне февраля 1917 г. Передовики-рабочие шли в своей борьбе с царизмом исключительно под лозунгами большевиков. Меньшевиков не было заметно; они, сидя в канцеляриях Земского и Городского Союзов и военно-промышленных комитетах, почти

целиком растворялись в буржуазной оппозиционности против правительства, считали эту оппозиционность настоящей революцией и призывали рабочих воздерживаться от резких приемов борьбы с хозяевами и спокойно работать на оборону «родины». Подпольные эсеры кое-где на районных предприятиях пытались сколотить группы своих единомышленников, но это им чрезвычайно плохо удавалось, и в своей работе среди широких рабочих масс им поневоле приходилось мириться с нашими директивами, чтобы не быть совершенно изолированными от всякого участия в подлинно-революционных схватках с царским самодержавием. Эсеры же полулегального фасона энергично конкурировали с меньшевиками за ласки от буржуазии.

Февральская революция.

Первые же вести о восстании питерского пролетариата против царского самодержавия взбудоражили рабочих района. Впереди других оказались и тут те предприятия, где были налицо большевистские ячейки. По их почину немедленно прекращались работы в мастерских и под лозунгами: «долой царя», «в казармы,—к солдатам», «в центр к городской думе»—передовые заводские массы бурной толпой выплескивались на улицу, двигались к центру, на пути разоружали полицейские посты, снимали с работы рабочих других заводов и фабрик, не успевших забастовать самостоятельно, подходили к казармам, прорывали марширующие около них войсковые шеренги учебных команд, смешивались с солдатами в одну общую толпу, настойчивыми призывами к братской солидарности разлагали слепую армейскую дисциплину, проникали во дворы казарм к запертым рядовым, сламывали их гражданскую пришибленность, откалывали от начальства и с наиболее передовыми частями двигались дальше, в центр, к зданию городской думы.

Здесь рабочие получали директиву немедленных выборов своих представителей в Совет Рабочих Депутатов, возвращались на предприятия и тут же или на другой день избирали своих депутатов, сначала только в Московский, а затем и в Районный Советы.

Так было 27 и 28 февраля, а в более отсталых предприятиях—и в последующие дни, при чем лишь некоторое время спустя, по примеру рабочих, организовался Московский Совет Солдатских депутатов из представителей войсковых частей.

Наиболее активно в районе проявили себя в февральские дни, как застрельщики революционных выступлений, все те же Сокольнические вагоно-ремонтные мастерские, этот «горн революционного пламени», как называет их в своих воспоминаниях

тов. Соловьев, где о роли мастерских в феврале он отмечает следующее:

«27 февраля, рано утром, рабочие мастерских были охвачены первыми вестями, что рабочие Петрограда вступили в бой с правительственными войсками и что часть солдат петроградского гарнизона перешла на сторону рабочих. Как только это сообщение пронеслось по мастерским, наша организация выбросила лозунг: «на улицу, долой войну».

На этот клич рабочие мастерских в течение 1 минут вышли за ворота, выстроились в шеренги и с красным знаменем двинулись в центр, снимая по пути рабочих с работ на фабриках и заводах и разоружая полицию, пытавшуюся разогнать твердые ряды рабочих. К 4-м часам дня мы пришли к городской думе, куда стекались из других районов рабочие и воинские части. Полиция и казаки, пытавшиеся оттеснить нас, были бессильны. В здании происходило заседание, на котором был избран временный революционный комитет.

Решено было на второй день по фабрикам и заводам произвести выборы представителей в Совет Рабочих Депутатов. Наши мастерские избрали 10 представителей: нас, большевиков, было избрано 6 чел., эсеров 2, меньшевиков 1, анархистов 1».

Результаты выборов в других предприятиях района были значительно хуже для нашей партии: почти везде по преимуществу выбирались социалисты-соглашатели (меньшевики и эсеры), в особенности там, где не было до революции даже и одиночек-большевиков. В особенности досаден был наш провал на таких предприятиях, как завод «Богатырь», фабрика «Швабе» (теперь ф-ка «Геофизика»), где почти безраздельно царили меньшевики.

Последующие выборы в Совет Солд. Деп. и затем выборы членов фабрично-заводских комитетов дали по району приблизительно те же результаты.

Это наше поражение на первых выборах после свержения самодержавия об'ясняется в первую очередь тем, что перед революцией, за период войны, царские охранники наиболее тяжко обрушились именно на все большевистские легальные, полулегальные (фракция Государственной Думы, наши газеты, журналы, профсоюзы, клубы и т. д.) и подпольные организации. Наших работников повсюду вылавливали, арестовывали, сажали на скамью подсудимых, высылали из городов, ссылали в Сибирь, гнали на каторгу, гноили в жандармских застенках и в царских казематах, крепостях. Постоянными налетами старались с корнем вырвать эту революционную крамолу. И действительно, на громаднейшем большинстве фабрик и заводов, за исключением крупнейших, члены нашей партии, при помощи густой сети

провокаторов, были почти поголовно выловлены. А между тем прямых и прикрытых оборонцев, эсеров и меньшевиков (которых, как приятных соглашателей, усиленно прикармливала теплыми местечками буржуазия), царская охранка преследовала в довольно редких случаях, и они преблагополучно дотянули до революции и пред'явили трудящимся массам свои права якобы самых доподлинных революционных вождей. Массы же эти на предприятиях за время войны были сильно разбавлены свежим, нетронутым, деревенским, мелколавочным, мелкобуржуазным, малоопытным, не протертым, не проваренным в фабричном котле элементом. Они были ошеломлены головокружительным быстрым крахом царизма, своей собственной победой над вековым врагом и по своей политической простоте были вполне уверены, что борьба кончена, что все люди—братья, что мы вступили в действительное царство свободы и равенства. Ясно, за кем должны были пойти эти оглушенные своей победой массы, когда социал-соглашатели, громко крича о своей революционности и выпячивая петушиную грудь, разукрашенную яркими красными бантами, говорили, что враг вдребезги разбит, что революция свое дело сделала, а во всем остальном трудящиеся могут спокойно и вполне положиться на них, на их честное «революционное» слово, на их сногсшибательное красноречие: ведь за них ручается их великое прошлое, страдание за народ, их страстотерпчество, и они без больших усилий и быстро приведут измученный мир к желанной цели. Не могли же массы двинуться тотчас же за большевиками, которые говорили досадные вещи о том, что революция далека еще от своего конца, что она еще только началась, что враг не добит, что на смену ему крепнет, в лице буржуазии, новый, еще более злейший враг, что нужно копить новые силы, укреплять свои ряды и готовиться к новым ожесточенным битвам за окончательное освобождение, за освобождение от ига империалистического капитала, от братоубийственной войны, за мир, за землю, за социализм.

Так было по всей России. Так было и в Сокольническом районе. И по совету Ильича большевики принялись за «терпеливое раз'яснение» добросовестно заблудившимся оборонческим массам их ошибки примирения с отечественными империалистами, за «терпеливое раз'яснение» половинчатости и дряблости меньшевиков и эсеров, их соглашательства с буржуазией, их потворства империалистическим аппетитам отечественного капитала, их оборончества, их шовинизма, их лакейства перед банковскими воротилами и помещиками, их отказа от взятия власти целиком в руки Советов Раб., Солд. и Кр. Деп., их отказа от проведения 8-часового рабочего дня для рабочих и от передачи земли крестья-

нам до созыва Учредительного Собрания, их политики фактической поддержки войны до победного конца.

Возвращались в район рабочие, арестованные на предприятиях перед революцией, сосланные и высланные царскими сатрапами в Сибирь и в другие местности России.

Наиболее твердые, вытренированные суровой школой капитализма и самодержавия рабочие жадно прислушивались к предостерегающим и разоблачающим речам большевиков, вступали в их кружки, активно участвовали на их митингах и собраниях, втягивались в интересы нашей партии и сами становились ее членами.

Рос кадр районной организации, которая настойчиво добивалась связей со всеми предприятиями района, как бы они ни были мелки. Все товарищи, поодиночно или небольшими группами, распределялись для завязывания и поддержания этих связей по всему району, для обслуживания рабочих собраний нашими организаторами, ораторами и докладчиками, для возражений на речи и доклады противников, для привлечения в наши ряды пролетариев-передовиков. Иногда удавалось кое-кого из партийцев в этих целях даже пристраивать в таких предприятиях, где совершенно отсутствовало наше влияние, на постоянную производственную работу. Через фабзавкомы, через депутатов Районного и Московского Советов, через членов партии на местах и через сочувствующих наша районная организация узнавала о митингах, собраниях и совещаниях, устраиваемых другими партиями, комнадировывала туда наиболее нахрапистых товарищей, которые порой своими не всегда складными, подчас корявыми речами перед рабочими и солдатами доставляли много неприятностей краснобаям противоположного лагеря.

Не забывалась и обывательская, неорганизованная публика. Почти каждый вечер в самых разнообразных пунктах района (у кинематографов, на площадях, на людных уличных перекрестках, на рынках, у вокзалов, по праздникам в Сокольничьей роще, а затем, особенно в летнее время, и в окрестных деревнях) актив организации заранее подобранными группами завязывал в кучках обывателей спор на злободневную тему. Спор привлекал внимание соседних групп, толпа увеличивалась, и иногда импровизированный митинг затягивался до поздней ночи.

Особенно удачливы на этот счет были тт. Русаков, Крючков, Конокотин и наша молодежь (Богданов, Барболин, Жебрунов и другие).

Среди такой работы уже к апрелю—маю в районе сколотилась довольно большая, крепкая и весьма активная большевистская организация, отчаянно бившаяся со своими политическими про-

тивниками на каждом шагу. Завоевания рабочих меньшевиками приостановилось, да и эсеры оставались сильными только среди общегражданского населения и солдат. И это—несмотря на большие денежные средства и первоклассные ораторские силы этих обеих мелкобуржуазных партий. Интеллигенция почти вся поголовно валила в их ряды. У большевиков же в районе она вся была наперечет: И. В. Русаков, сестры Волконские, Касаткин, Эмма Черняк, А. М. Смирнов, Медведков, Инесса Арманд (очень короткое время, затем была переброшена в центр), летом появились Ефремовы и очень, очень немногие другие. И нужно сказать, что все они были партийцами с подпольным стажем, свежая же внеподпольная интеллигенция к большевикам совсем не шла.

Секретарем первого легального райкома и последующих, до 1918 г., была бессменная Сарра Бродская, только что вернувшаяся из сибирской ссылки работница. В силу переброс товарищей, появления новых и общего быстрого численного роста организации состав Райкома и его исполнительной комиссии переизбирался на протяжении весны, лета и осени 1917 г. довольно часто. Эти перевыборы производились, а также и решения по большим принципиальным вопросам принимались на общих районных собраниях всех членов партии. На них же избирались члены МК и делегаты на общемосковские конференции. Конференции и делегатские собрания в районе тогда не практиковались. К ним пришлось прибегнуть впоследствии, когда районные организации сильно разрослись.

Сокольнический Райком, состоявший в своем подавляющем большинстве из представителей от партийных фабрично-заводских групп, проявлял в своей работе бурную активность. Его исполнительная комиссия (Маленков, Ростовщиков, Максимов, Сарра Бродская, Русаков и др.) заседала ежедневно. Каждое утро, в 8—9 час., происходило краткое заседание исполнительной комиссии (иногда даже только в составе тт. Русакова и Сарры), предварительно намечался и обсуждался порядок дня очередных заседаний Райкома и общего собрания, общий план работы организации на неделю, работа по текущему злободневному вопросу (а события тогда мелькали, как курьерские поезда) и обязательно вырабатывалось точное расписание всей работы организации на данный день, с распределением по ее выполнению всех наличных районных сил партии, а иногда и с некоторым расчетом на силы МК.

Заседание оканчивалось, и т. Сарра, в кармане которой помещалась вся конференция тогдашнего райкома, со списками, адресами и телефонами членов организаций и с прочими разнообразными записями, сведениями и справками, начинала свои бес-

конечные разговоры по телефону с товарищами для передачи намеченных для них поручений организационного, пропагандистского, агитационного и общетехнического характера, с нашими представителями на фабриках, заводах и казармах, с МК о докладчиках, ораторах, по вопросам газеты, листовок и прочей литературы. Ей же нужно было и членские билеты выдавать, и членские взносы получать, и самые разнообразные сообщения принимать, записывать и подбирать исполнителей по ним. Не было тогда технических секретарей, делопроизводителей, телефонистов и прочих канцеляристов в нашем райкоме, и сам он помещался в проходной полутемной комнате Районного Совета Раб. Деп. (8-я Сокольническая ул., д. 31). Приходили по разнообразным надобностям товарищи с мест. Тов. Сарра и их засаживала за свою работу: за телефон, за переписку, посылала с поручениями по ячейкам на предприятиях, в МК, в соседние райкомы и т. д. и т. п. Иногда эта помощь секретарю проводилась и в заранее организованном порядке, при чем некоторые товарищи, стеснявшиеся брать на себя более ответственную работу, специально отдавали себя в определенные часы дня на какой-нибудь особый вид технической работы в райкоме: на подборку библиотечек, на передачу телефонограмм, заготовку билетов, добычу помещений под собрания и т. д.

Тт. Ростовщиков и Максимов были почти бессменными представителями райкома в МК.

В первые же 4 месяца после Февральской революции райкомом была проведена целая серия крупных общеполитических кампаний (не считая мелких, местного, районного значения) в марте—проведение явочным порядком 8-часового рабочего дня на фабриках и заводах; в апреле—первомайская демонстрация (по новому стилю) обособленными колоннами с чисто большевистскими лозунгами и демонстрация против войны (по поводу ноты Милюкова к союзным державам о верности временного правительства общесоюзным тайным договорам и о войне до победного конца); в мае—демонстрация против смертного приговора, вынесенного австрийскому социалисту Адлеру (за убийство министра); в июне—кампания митингов и собраний протеста против наступления на фронте, с требованием перевыборов депутатов Московского и Районного Советов, одобривших тактику наступления, и кампания выборов в Московскую городскую думу.

И здесь ленинское «терпеливое раз'яснение» всех предательских действий социал-соглашателей, их вождей и министров, на конкретных примерах быстро развивавшихся событий, неуклонно, последовательно, шаг за шагом разоблачало всю двойственность, оторопелость и безнадежную робость перед имущими классами всех этих знаменитых Керенских, Чхеидзе, Церетели,

Группа красногвардейцев Сокольнического района.

Черновых, Мартовых, Авксентьевых, Брешковских («бабушка революции»), Либерданов, вместе с их мелкобуржуазными партиями.

Вот почему к концу весны в настроении рабочих масс района стал замечаться сдвиг в сторону большевиков. Все чаще и чаще при выборах членов фабзавкомов стали проходить наши кандидаты. Это же стало случаться и при некоторых перевыборах на предприятиях членов Московского и Районного Советов Рабочих Депутатов, а выборы 25 июня в городскую думу дали уже большевикам гласных почти столько же, сколько и меньшевикам (23 и 24), и только эсеры еще шагали далеко впереди (116 гласных), но и для них эта избирательная победа была уже пирровой (последней) победой и особенно большого значения не имела, так как опиралась по преимуществу на неорганизованного обывателя и солдат, вскоре тоже начавших отход от этой партии, не сдержавшей ни одного из своих обещаний, щедро расточаемых в ее программе по адресу трудящихся и особенно крестьян.

Наряду с широкой агитационной работой организация ставила и углубленную пропагандистскую работу в своем клубе (летом помещался в Урусовской школе на Н.-Красносельской ул.): кружковую по вопросам программы, устава и тактики партии—с молодыми партийцами и с активно работающей, сочувствующей большевикам молодежью; на специальных женских собраниях—по вопросам женского социалистического движения; серией связанных между собой докладов по вопросам текущей политики перед партийцами и сочувствующими. Эту работу вели главным образом тт. Касаткин, Инесса Арманд, Медведков, Русаков, Софья Волконская и лектора-докладчики из МК.

Для усиления средств организации устраивались денежные сборы по подписным листам, кружечные сборы (в шапку) на митингах и собраниях, любительские спектакли и концерты с революционными номерами и иногда с участием артистов и оркестра музыки. Для поддержания партийной периодической печати (например, на издание московской большевистской газеты «Социал-Демократ») производилась, кроме того, подписка на специальный заем в пользу ее.

Одной из самых важнейших работ райком поставил перед собой задачу организации отрядов рабочей Красной Гвардии. И кое-где еще с конца весны на отдельных предприятиях, в первую очередь в Сокольнических мастерских, начались первые красногвардейские занятия по военному обучению. Вот как пишет об этом в своих воспоминаниях т. Кох:

«Наша группа большевиков (в Сокольнических мастерских) не теряла времени даром, и мы в мае месяце приступили к организации отряда Красной гвардии во главе с т. Андреевым. Первые

дни отряд был очень не велик, всего обучалось около 15 чел.— все большевики,—но с каждым новым днем в него стали вливаться сочувствующие нам беспартийные рабочие и даже двое левых эсеров, так что через несколько недель обучалось около 50 человек и весь отряд составляли 100—120 красноармейцев. Обучение проходило успешно. Обучались мы по вечерам после окончания работ в мастерских и во время обеденного перерыва на территории мастерских, несмотря на все ужасы заведующего мастерскими инженера Гущина, который пугал нас нарушением с нашей стороны законов и казаками. Но хуже обстояло дело с оружием, так как на весь наш отряд сначала была лишь одна винтовка, из-за которой происходили драки между нами, в одной из которых принимал участие и я.

После первого месяца обучения на территории завода мы перешли обучаться на площадь около мастерских, на которой обучались солдаты, первоначально с удивленными лицами смотревшие на нас. Но через некоторое время они приняли живое участие (в качестве зрителей) в нашем обучении, указывая на наши неловкие приемы в исполнении команды, поправляя нас и т. д. Офицеры вскоре спохватились и увели солдат. Когда же подобная картина повторилась и на следующий день, солдат перестали выводить обучаться на площадь. Вскоре нам удалось раздобыть еще 5—6 винтовок (разного образца) и патроны к ним, и мы смогли впервые приступить к обучению в стрельбе. Стрельбище мы устроили на свободном укромном участке мастерских, где соорудили мишень и довольно-таки метко попадали в нее».

В остальных предприятиях, где большевистские силы были послабее, отдельных отрядов сначала не организовывалось, и товарищи, тоже желавшие обучаться военному делу стали вливаться в этот первый Сокольнический красногвардейский отряд, численность коего к концу июня достигала уже, по словам т. Андреева, 300 человек.

Лишь после июльских дней, перед корниловщиной и в связи с ней, стали создаваться и при других предприятиях и на железных дорогах самостоятельные красногвардейские отряды, для общего районного руководства которыми райкомом была тогда выделена особая тройка в составе тт. Маленкова, Максимова и Журавлева.

И накануне октябрьских боев Сокольнический район располагал уже довольно значительным кадром красной гвардии, но почти с голыми руками, без вооружения, если не считать 15 винтовок и нескольких десятков револьверов разных систем и калибров.

К стихийно разразившимся июльским событиям Сокольническая районная организация оказалась слабо подготовленной.

В Питере они развернулись с неожиданной силой. В связи с ними 4-го июля Райком в течение всего дня напряженно ждал сообщений из МК, но последний, из-за неопределенности и недостаточности сведений из Питера, медлил со своими лозунгами. Только к 6 часам он дал директиву: «в центр, к Московскому Совету»— демонстрировать свою солидарность с революционными питерскими рабочими, солдатами и матросами, требовавшими немедленной передачи всей власти в руки Советов.

Но было уже поздно. Работы на предприятиях закончились и рабочие до этого момента разошлись по домам. Телефонными звонками по ячейкам стянули к Райкому имевшихся налицо товарищей, почти исключительно партийцев, и вместе с отрядом красногвардейцев Сокольнических мастерских, со знаменами, стройными рядами, но в составе всего лишь нескольких сотен демонстрантов, двинулись в город. А буржуазия не дремала: она усилила свою бешеную травлю против большевиков и спешно сколачивала из общественных подонков банды погромщиков. Одна такая толпа из остервенелых пьяных хулиганов, человек в двадцать, около Каланчевской площади неожиданно с гамом, ревом, свистом врезалась в нашу демонстрацию, вцепилась в наше знамя и сломала у него древко. Нападение тотчас же было отбито, но знамя пришлось свернуть и дальше двигаться несколько расстроенными рядами. И чем ближе к центру подходила демонстрация, тем все больше и больше неслось с тротуаров враждебных криков и брани от густо высыпавшей на улицу буржуазной толпы.

Часам к 8 вечера демонстранты подошли к Московскому Совету. Подходили сюда и отряды рабочих из других районов вместе с некоторыми частями войск, большевистски настроенными; всего на площади перед Советом продефилировало до 7.000 чел.

После организованного Московским комитетом большевиков митинга, на котором выступал т. Бухарин и др. с призывами поддержки восстающего питерского пролетариата, демонстранты стройными колоннами, с развернутыми знаменами прошлись с громкими приветствиями по адресу МК мимо его помещения (в Каппковском училище по Леонтьевскому пер.) и вернулись в свои районы.

Попытки буржуазной толпы дезорганизовать рабочую демонстрацию своими насмешками, криками, угрозами не удались, а на большие, на прямые схватки с демонстрантами она не рискнула даже и здесь, в центре, в своих кварталах.

В июльские дни социал-соглашатели самым недвусмысленным образом перешли на сторону буржуазной контр-революции. Буржуазия осмелела. На большевиков полился еще более отчаянный поток грязи и всяческой клеветы, как на изменников революции, шпионов Вильгельма, продающих родину за немецкое золото

и т. д. и т. п. Военным командованием были вызваны с фронта против Питера наиболее преданные временному правительству казачьи полки. Организованы специальные юнкерские и офицерские части. И начался дикий террор против подлинных революционеров, против их вождей с разгромом газет, журналов и т. д. Тысячи большевиков были арестованы, кое-кому пришлось скрываться, уйти в подполье на нелегальное положение, так как озверелые банды офицерья без всякого суда, на месте, приканчивали многих из них. Особенно настойчиво охотились они за В. И. Лениным.

На фронте была восстановлена смертная казнь.

Волна реакции частично дала знать о себе и в Москве. В рядах пролетариата почувствовалось некоторое замешательство. Часть беспартийных красногвардейцев просила о снятии их из списков. Были даже случаи сдачи партбилетов членами партии, но эти частичные колебания имели место в рабочем классе в течение каких-нибудь ближайших пары недель, не больше. Партия продолжала упорно вести свою большевистскую линию, не сдала ни одной своей позиции и, наоборот, несмотря на град репрессий, развернула жесточайшую обличительную кампанию предательской контрреволюционной сущности социал-соглашателей, деятельно помогавших буржуазии и помещикам накинуть новые цепи на революционных рабочих, солдат и крестьян (против которых при земельных захватах, министры-социалисты уже начинали посылать карательные отряды, как в доброе старое царское время).

И усиленное внимание партии было обращено на увеличение связей с солдатскими массами и вообще на подготовку революционных вооруженных сил.

С удвоенной энергией в данном направлении заработали большевики и в Сокольническом районе на другой же день после демонстрации, невзирая на черносотенную травлю со стороны буржуазии и ее сознательных и бессознательных приспешников, а также и со стороны социал-прихлебателей. На деловых собраниях рабочих и солдат и на митингах, в закрытых помещениях и под открытым небом,—везде в районе раздавался обличительный голос большевиков, обвиняющий меньшевиков и эсеров в измене, в открытом переходе их на сторону буржуазии против революционных трудовых масс, в поддержке хозяйских замыслов, хищнической войны, земельных интересов помещиков. Уличная толпа под свежим впечатлением питерских разгромов в июльские дни часто встречала выступления большевиков шиканьем, освистыванием, кошачьими концертами и прочими хулиганскими выпадами, вплоть до стаскивания наших ораторов с трибун, а иногда даже и до кулачных избиений их, что еще более горячило нашу

агитационно-пропагандистскую энергию и нашу организаторскую изворотливость.

А между тем на фронте авантюра июньского наступления давала все более и более плачевные результаты. Под напором немцев наши армии откатывались все дальше и дальше. Усиление наказаний делу не помогло, но за то вносило страшное озлобление солдат против офицеров.

Недовольство росло и в тылу. Предприниматели начинали саботировать собственное производство. Закрывались кое-где мастерские, увольнялись рабочие. В еще большей степени стали проявляться заминки в поставках разного рода (металла, угля, хлеба и т. п.), в железнодорожных перевозках и т. д. Все это больно било по трудящимся городов.

Все чаще и чаще крестьяне захватывали помещичьи земли. Крот революции настойчиво и ускоренным темпом продолжал свое дело.

Наступал решительный поворот масс. И раньше всего в сторону большевиков повернул рабочий класс. Свой отход от соглашателей он начал еще до июльских дней. Колебания этих дней только на миг задержали тягу к большевикам, но с тем, чтобы через короткий промежуток времени с еще большим напором двинуться в ту же сторону. К августу большинство фабзавкомов Сокольнического района (как и во всей московской промышленной области) было уже в руках большевиков. Реакция изживала себя. И задуманный Керенским слет черных воронов на государственное совещание в Москве был встречен московским пролетариатом 12 августа громовой, всеобщей политической забастовкой протеста. Бастовали все предприятия, кроме немногих мелких мастерских, электрической станции и водопровода (всего до 300.000 рабочих),— вопреки постановлению еще соглашательского в то время Московского Совета.

С каждым новым днем революция захватывала все новые и новые позиции. За рабочими отходили к большевикам и солдаты. И реакция, в судорожных поисках спасения своего черного дела, принуждена была торопиться. Керенский тайно столковался относительно повторения в Питере июльских дней (но только в более грандиозном масштабе) с главнокомандующим генералом Корниловым, и последний своим приказом от 26 августа двинул с фронта наиболее преданные ему казачьи части во главе с так называемой дикой кавказской дивизией на Петроград, чтобы с корнем вырвать из него революционную большевистскую заразу, обескровить основной стержень революции—питерский пролетариат—и разоружить беспокойный питерский солдатский гарнизон и кронштадтских матросов, которые, якобы, не хотят итти на фронт и намереваются сдать Питер немцам.

Но оба просчитались. Получилась осечка. Рабочий класс тотчас же раскусил настоящую подоплеку генеральского похода и по зову большевиков повсюду насторожился и усилил работу по боевой подготовке Красной Гвардии. Даже соглашательские партии и Советы, под могучим давлением низов, принуждены были делать вид, что они стоят на страже революции и решительно высказываются (на словах) против корниловщины.

Пролетариат пришел в движение, ощетинился. Агитаторы-рабочие и агитаторы-солдаты из Питера двинулись по всем железнодорожным направлениям навстречу эшелонам войск. Перед глазами введенных в заблуждение полков открывались истинные намерения военного командования, в эшелонах начались митинги и отказы двигаться дальше против твердыни российской революции.

Керенскому поневоле пришлось бить отбой, вернуть все снятые части обратно на фронт и даже дать распоряжение об аресте своего приятеля Корнилова.

Корниловская авантюра и ее позорный крах на все сто процентов были использованы и в Сокольническом районе. Еще много ранее, тотчас же после встряски июльских дней, партком большевиков посредством специально-организованной районной партийной тройки (Маленков, Максимов и Журавлев) расширил свою работу по организации отдельных отрядов Красной Гвардии в предприятиях, где были сильные большевистские ячейки, и, кроме того, выделил нескольких товарищей (того же Маленкова, Медведя и др.) для связи с солдатскими массами и постановки усиленной работы среди них. Угрозой корниловщины оба вида данной работы были еще более пришпорены. Удалось даже раскачать районный Совет Раб. Деп., большинство в котором оставалось пока еще за соглашателями, и организовать районную советскую тройку (тт. Русаков и Сарра, плюс председатель Совета меньшевик Великовский), в задачу которой входила организация отпора корниловскому выступлению вообще и добыча оружия в особенности (см. сборник «Октябрьские дни в Сокольниках», стр. 9), так как у имевшихся налицо отрядов Красной Гвардии все еще почти никакого вооружения не было. Непосредственных благоприятных результатов эта совместная работа с соглашателями во время корниловщины не дала, вместо прямой помощи по добыче оружия они только всячески саботировали это дело, но здесь они окончательно обнаружили в глазах трудящихся свой полный отход от революции, свою безнадежную трусость перед ее решительными действиями.

И массы еще более круто повернули от социал-предателей. Последние еще в сентябре совершенно неожиданно, через частичные перевыборы одних депутатов и через переход на большевист-

ские позиции других (из беспартийных), оказались в меньшинстве и в районном и в Московском Советах. Выборы же 25 сентября в районную думу, давшие большевикам 21 место, а всем остальным партиям, вместе взятым (меньшевикам, эсерам и кадетам),—только 19 мест, нагляднейшим образом показали (как и по всей Москве), что вместе с рабочими и солдатами отвернулась от прислужников буржуазии и городская беднота.

Период «терпеливого раз'яснения» контрреволюционности временного правительства, предательской роли меньшевиков и эсеров и необходимости перехода всей власти в руки Советов заканчивался, и партия большевиков выкинула новый лозунг, лозунг вооруженного восстания, лозунг немедленной подготовки к нему, лозунг немедленного захвата власти Советами.

И буржуазия не дремала. Она усилила производственный саботаж и предпринимала подготовительные шаги к всероссийскому локауту фабрично-заводской промышленности, чтобы «костлявой рукой голода» сломить революционное упорство пролетариата, поставить его на колени перед хозяевами-победителями. А министры-«социалисты», вместе с министрами-капиталистами, торопливо вырабатывали план эвакуации Петрограда (и его сдачи немцам), чтобы избавиться от злейшего своего врага, от авангарда и лучшей опоры революции, от питерских рабочих, солдат и матросов.

Общий хозяйственный кризис, кризис транспорта, топлива, производства и продовольствия, вместе с кризисом военным, разрастался с неимоверной быстротой и грозил разразиться всеобщей катастрофой, развалом, полнейшей разрухой, всеобщим хозяйственным распадом страны, чего политика капитала жадно и добивалась, так как у него теперь другой возможности вновь загнать рабочий класс в капиталистическое стойло уже не было.

Эта разруха больно била трудящиеся массы, и они левели с каждым днем и даже с каждым часом.

Началась полоса полустихийных затяжных экономических стачек. Хозяева упирались, вели себя вызывающе и не шли ни на какие уступки. Общее внимание приковала к себе упорнейшая забастовка московских рабочих-кожевников. Не сегодня-завтра готова была разразиться всеобщая забастовка московских низших городских служащих и рабочих.

По общему заданию МК большевиков в районе была проведена в начале октября кампания по выяснению настроения на фабриках и заводах с общей директивой: «буржуазия саботирует,—пролетариату необходимо сдерживать себя, накапливать силы» (см. сборник «Октябрьские дни в Сокольниках», стр. 10). Кампания обнаружила огромную революционную напряженность в рабочем классе. Намечалась явная опасность частичных, разроз-

ненных разрядов этой напряженности. Забастовка изживала себя в сознании масс, и лозунг перевода классовой борьбы в высшую ее форму, в форму восстания за власть, оказывалось, был дан Ильичем для партии вполне своевременно.

Октябрьская революция.

События развертывались с неудержимой силой. Почти повсюду, и в первую очередь во всех промышленных центрах, местные Советы Раб. и Солд. депутатов уже были в руках большевиков. По директиве партии в них спешно создавались военно-революционные комитеты, которые об'являли себя полновластными органами, подотчетными лишь перед Советами.

На 25 октября в Питере созывался 2-й Всероссийский С'езд Советов.

Почва из-под ног временного правительства уходила. Оно оказывалось правительством без страны. За ним оставался, кроме буржуазии, только дезорганизованный революцией командный армейский состав, юнкера и чиновники. Но Керенский, стянувший в Питер ближайшие преданные ему войсковые части и мобилизовавший все петербургские военные школы, попытался все-таки еще раз отыграться от наседавшей со всех сторон революции и издал 24 октября приказы о закрытии большевистских газет, об аресте всех вождей партии большевиков, о предании суду членов В.-Р. Комитета Петербургского Совета.

В ответ на эти действия войска В.-Р. Комитета (солдаты, матросы и рабочая Красная Гвардия) в ночь с 24 на 25 октября заняли вокзалы, мосты, осветительные учреждения, главный телеграф. Утром была взята телефонная станция. Осажденный с вечера 25 октября Зимний дворец, после непродолжительного обстрела и короткого штурма, сторонниками временного правительства в 2 часа ночи был сдан, при чем находившиеся в нем члены правительства были арестованы. Столица оказалась всецело в руках восставших.

В Москве революция разворачивалась приблизительно в том же порядке. Обе враждебные стороны одновременно и судорожно готовились к неизбежным предстоящим решительным схваткам: контрреволюция—вокруг городской думы и ее комитета общественной безопасности, возглавляемых правыми эсерами, а революция—вокруг В.-Р. Комитета Московского Совета Раб. и Солд. депутатов, возглавляемого большевиками. На стороне комитета общественной безопасности были буржуазия, офицеры, юнкера (военные училища) и студенты, а на стороне В.-Р. Комитета—рабочие и солдаты при дружественном нейтралитете городской бедноты. Но последние (рабочие и солдаты) здесь, в Москве, были

организованы значительно слабее, чем в Питере, оружие в начале восстания у них почти отсутствовало, и потому бои в Москве затянулись на целую неделю.

Накануне боев в Сокольническом районе большевиками были проведены по фабрикам и заводам митинги и собрания с призывами окончательной подготовки к решительным действиям. Кампания митингов закончилась пленумом Райсовета, с участием на нем представителей фабрично-заводских комитетов, полковых частей и милиционеров.

Везде выносились горящие революционным нетерпением резолюции о немедленном захвате власти Советами.

25 октября Райком большевиков наметил В.-Р. Комитет района в составе тт. Русакова, Сарры, Ефремова, Пресникова и Медведя, который затем и руководил в районе всей октябрьской борьбой.

В Райкоме, Райсовете, районной думе и на фабриках и заводах были установлены непрерывные дежурства.

Вечером 25 октября внезапно на грузовике появилась в районе юнкерская разведка. Очевидно, искали Районный Военно-Революционный штаб. Уже были рядом с ним (на углу 3-й и 8-й Сокольнической улицы), но, почувствовав, что их распознали, тотчас же трусливо укатили к себе в центр.

В тот же вечер из МК позвонили, чтобы район выслал в помощь Московскому Совету отряд в 300 чел., так как около этого момента юнкера (первыми) открыли боевые действия и заняли Манеж. Несмотря на позднее время, по телефонным звонкам в течение не более пары часов, ко двору штаба (8-я Сокольничья, 31) удалось стянуть до 600 тт. (см. сборник «Октябрьские дни в Сокольниках», стр. 15).

И работа закипела. В.-Р. Комитет немедленно организовал по району караульную службу в виде пикетов и патрулей, обратив особое внимание на охрану главных проездов, ведущих из района в центр, и на охрану своего штаба и его районной базы в Сокольничьих мастерских, которые и в Октябрьские дни были основной осью боевой работы пролетариата в районе. Здесь, в Сокольнических мастерских, сосредоточились руководящие и инструкторские кадры районной Красной Гвардии и запасы (вначале весьма жидкие) боевого снаряжения, здесь моментально развернулась работа по весьма спешному обучению владеть оружием тех рабочих, которые стягивались со всех предприятий района и даже из окрестностей Москвы (Мытищи, Колчугино и др.); здесь формировались отряды из них и посылались на бой в центр, посылались вначале почти без всякого вооружения, в надежде, что Моссовет снабдит их этим вооружением. И здесь же, в столовой мастерских (где были запасы продовольствия на целый месяц), был развернут

питательный пункт для боевиков всего района, с пропускной способностью до 10.000 человек в сутки.

На другой день, 26 октября, без всякого зова, уже бастовали рабочие почти всех предприятий района.

Разведка штаба установила, что часть милицейских комиссариатов держит дружественный В.-Р. Комитету нейтралитет, другая часть их целиком на его стороне и лишь один, 4-й Сокольнический комиссариат, в лице командной верхушки,—за временное правительство, хотя рядовики-милицейские и здесь были поголовно на нашей стороне. Пришлось десятку вооруженных товарищей, во главе с т. Русаковым, под'ехать к зданию комиссариата (недалеко от штаба), разоружить главарей и поставить начальником своего человека. В знак протеста против наших действий немедленно все служащие комиссариата забастовали. Сокольники же служили базой формирования отрядов из рабочих окружных предприятий. Наконец, железнодорожники района несли высокоответственную работу по охране железнодорожных путей, по обнаружению транспортов вооружения и продовольствия, по проверке движения эшалонов противника, по задержке их в пути на отдаленных от Москвы станциях и, наоборот, по быстрому продвижению отрядов, двигавшихся в помощь восставшему московскому пролетариату.

Вот страничка из личных воспоминаний активного участника октябрьских дней, тов. М. З. Андреева:

«На следующий день в завод (Сокольнические мастерские), как базу штаба, начали прибывать партии рабочих: первыми прибыли кольчугинцы (600 чел.), за ними коломенцы (75 чел.), мытищенцы (150 чел.), мызараевцы (200 чел.) и с заводов Сокольнического района: деревообделочного (200 чел.), Варц-Мак-Гиль (100 чел.), Ново-Сокольнического и Рязанского трамвайного парков (300 чел.) и др. предприятий, а также солдаты разных частей (до 1000 чел.); в общем количестве до 5.000 чел. День и ночь шло обучение стрельбе из винтовок (а впоследствии и из пулеметов). Первым сформировался отряд в 100 чел. под командованием т. Маленкова, вторым—отряд трамвайщиков в 300 чел., третьим—колчугинский в 600 чел. и затем два отряда из солдат по 500 чел. каждый. В первые дни за неимением хороших винтовок отряды вооружили берданками и иностранными винтовками. Затем, когда захвачен был на Казанской ж. д. состав поезда с винтовками русского образца, районная заводская база в разгар боев в числе своего вооружения уже имела четыре 6-дюймовых орудия, до 10.000 винтовок, около двух миллионов патрон, до 300 ящиков бомб, большое количество снарядов и т. д.

В.-Р. Комитет района и Райком партии зорко следили за выполнением директив, данных В.-Рев. Комитету завода (два большевика тт. Шумкин и Андреев и анархист, т. Козловский), которые, надо сказать, выполнялись в точности, как требовал момент революции.

Работа кипела день и ночь. Шло непрерывное обучение прибывающих товарищей. Безостановочно функционировала столовая, пропускная способность которой была доведена до максимальных размеров; даже и для отрядов смежных районов отпускались обеды, ужины и чай. И все это носило организованный характер и учитывалось.

Когда было предложено перемирие со стороны штаба белых (второе), рабочие отрядов Красной Гвардии на это реагировали дружным отказом, говоря, что это провокация, и требовали добить противника, а потом уже и разговаривать с ним о сдаче на милость пролетариата.

Задачей первых трех отрядов было занятие телефонной станции (в Милютинском пер.) путем наступления по Мясницкой ул. и Милютинскому пер. и со стороны Большой и Малой Лубянки. Остальные отряды были брошены на участок около Кудринской площ. в направлении к Никитской и Поварской улицам. Все отряды имели свои резервы, так что смена уставших и пополнения происходили регулярно.

«Телефонная станция была взята в двухдневный срок, несмотря на большие жертвы со стороны отряда кольчугинцев. Со взятием станции фронт отрядов продвинулся на Лубянскую площадь и занял линию: Никольские ворота—Софийка—Неглинный и Театральный проезды.

Одними из первых погибли смертью беззаветных смельчаков двое из нашей революционной молодежи Сокольнического района: т. Барболин (Сокольнические мастерские) и т. Жебрунов (завод Земгора). Здесь фронт задержался на трое суток».

Все новые и новые отряды бойцов шли на смену уставшим выбивать белогвардейцев из их последних позиций. Энтузиазм ожесточенной борьбы за действительное раскрепощение трудящихся захватывал даже тех рабочих и солдат, которые по недоразумению еще оставались в организациях меньшевиков и эсеров, и многие, очень многие из них, не стерпев подлейшего предательства своих вождей, целиком оказавшихся в одной шайке с контрреволюцией, рвали последние связи с ними и шли вместе с нашими отрядами на смертный бой против приспешников буржуазии. Оставались в стороне от общего пролетарского дела только те рабочие социал-соглашательского лагеря, которые слишком глубоко были пропитаны и отравлены идеями этих мелкобуржуазных партий. Но и они, эти рабочие-соглашатели, внутренне опу-

Здание Сокольнического Совета и Ревкома. (8-я Сокольническа улица).

стошенные бурей революции, не были в состоянии активно помогать контрреволюции и только хныкали и плакались на революцию: «Ходили, понурив головы, как будто чего-то потеряли», говорит о них в своих воспоминаниях т. Бакин и тут же весьма метко и остро добавляет: «правда, потеря была велика: они потеряли рабочий класс».

С 31 октября ясно почувствовалось, что дни белогвардейщины сочтены. Юнкера в этот день были вытеснены из Рогожско-Симоновского района и теряли важнейшие свои опорные пункты в Хамовниках вообще и в Дорогомилове в частности. С 1-го ноября белогвардейщина совершенно отрезана от районов, а 2-го Красная Гвардия занимает уже весь Китай-город и штурмует последнее ее убежище—Кремль. И, наконец, получаются сообщения, что в 5 час. вечера того же дня комитет общественной безопасности подписал условия своей капитуляции, пред'явленные ему В.-Рев. Комитетом Моссовета.

Упорному врагу со скрежетом зубовным пришлось сдаваться на милость рабочего класса. Впервые победила мозолистая рука и победила для себя, для своего собственного раскрепощения от цепей векового рабства, насилия и гнета,—во имя организации светлого царства труда, во имя коммунизма—через диктатуру пролетариата, через власть Советов.

К. Касаткин, Кох, Ефремова, А. Герасимов, П. Новиков, Пресняков, В. Огурцов, С. Бродская, П. Ростовщиков, М. Андреев, С. Волконская.

Работа районного Совета.

После изгнания временного правительства совместно с меньшевиками и эсерами, когда к власти пришел рабочий класс, перед районным Советом Раб., Кр. и Солд. Депутатов стали серьезные задачи по организации дела управления районом, по снабжению населения продовольствием и т. д. Райком Сокольнической парторгинизации выдвинул на пост первого председателя Райсовета тов. Маленкова, который горячо отдался работе по построению Совета, как органа районной власти, с его отделами. Ему, однако, не пришлось долго работать в Совете. Белогвардейцы наступали на красную столицу со всех сторон, и т. Маленков уехал на гражданский фронт, где и погиб в бою с чехо-словаками. Имя тов. Маленкова всегда будут помнить рабочие Сокольнического района.

Но жизнь шла своим чередом. Революция разгоралась сильнее, рабочий класс стал укреплять свою власть. Работа Совета ширилась. Были организованы отделы: административный, жилищно-земельный, финансовый, здравотдел, отдел народного образования, строительный отдел, хозяйственный отдел, отдел топлива, социального обеспечения, загс, транспортный отдел, продовольственный отдел, отдел труда, впоследствии реорганизованный в экономический отдел.

Несмотря на гражданскую войну, которая требовала больших жертв, и хозяйственную разруху, Совет начал строить свой новый порядок, свою систему управления. Это было в годы холода, голода, эпидемии, отсутствия всякого транспорта, отсутствия сырья для производства. Неотложные нужды должен был разрешать Совет. Нужно было фабрикантов, заводчиков и купцов выгонять из особняков и хором и заселять их рабочими, ибо жилища быстро разрушались. Нужно было организовывать общественные работы даже для уборки снега с улиц. Для всей этой работы требовалось время, энергия, усилия аппарата. Последний был сколочен наспех, ибо старые канцелярские и конторские работники открыто саботировали. Интеллигенция, даже самая мелкая, самая гнилая,

стояла в стороне и не хотела совместно с рабочими строить новую жизнь. Врачи не хотели лечить больных, учителя не желали учить в школах. Все ждали ухода от кормила власти рабочего класса.

Весной 1921 года Совет опять понес тяжелую утрату. Восстание в Кронштадте вырвало из рядов рабочего класса лучшего и преданного работника тов. Русакова, избранного на место председателя после смерти тов. Маленкова и незадолго до этого посланного партией на руководящую работу по народному образованию красной столицы—зав. МОНО. Его в упор расстреляли белогвардейцы. Имя тов. Русакова также осталось памятным для рабочих района, ибо дело рабочего класса для него было делом основным, за это дело он преждевременно погиб. С уходом т. Русакова на центральную работу рабочие из своей среды выдвигают нового председателя Совета—тов. Бабаева. Работа все время двигалась вперед: организация детских домов, ясель, обеспечение рабочих жилищем, топливом, продуктами и т. д. по мере сил продолжалась, но трудности все же оставались колоссальные. Работать в Совете приходилось не только днями, но и ночами. Одни работники уходили, другие приходили к ним на смену. Но приходили уже новые, прямо от станков, выдвинутые рабочим классом, которым нужно было еще самим знакомиться с делом, а им приходилось руководить ответственной работой. Положение было весьма тяжелое: хлеб приходил к концу, обуви для детских домов не было, молока для детских ясель не хватало. Работники продовольственного отдела нередко впадали в отчаяние, но т. Бабаев умел ободрить каждого работника Совета, влить в него новую струю бодрости и энергии.

Наступил перелом в отношении интеллигенции к Совласти. В отделы Совета стали приходить саботажники, которым надоело торговать газетами по площадям, голод также заставил некоторых из них пойти на работу—иначе не получишь никакой карточки. Но были и такие представители интеллигенции, особенно из молодежи, которые искренно хотели помочь советской власти. Стало больше работников, работы хватало для всех. Вскоре новый удар постиг Совет. Тов. Бабаев ушел от нас навсегда, получив на своей напряженной работе туберкулез горла. Болезнь свела его в могилу.

Трудности продолжали стоять перед Советом. Жилища разрушались, растаскивались на топливо, разрушались фабрики и заводы. Нужны были героические усилия для борьбы с разрухой. Один рабочий Казанской жел. дор (тов. Бураков) выдвинул идею субботников и провел ее в жизнь. По примеру Москвы во всей Сов. республике стали организовывать субботники. В эти

субботники рабочие помимо своего обычного рабочего дня добровольно уделяли по несколько часов для таких работ, как выгрузка вагонов, уборка разного рода материалов, постройка новых складов и т. п. Эта ударная работа проводилась из недели в неделю.

С переходом к нэпу началась быстрая реорганизация отделов Совета и сокращение их функций. Большинство из них было передано Московскому Совету. Часть отделов была слита с другими, некоторые упразднены.

В условиях новой экономической политики отделы Совета стали работать на хозяйственном расчете. Для этого требовались колоссальная экономия и правильный пролетарский расчет, в виду наличия почти ничтожных средств. Отделы начали понемногу крепнуть.

Развернувшаяся за последние годы работа Райсовета имеет основной задачей вовлечение в советское строительство новых слоев рабочих. Контроль Совета над деятельностью всех учреждений и предприятий в районе через секции, мобилизация общественного мнения вокруг совработы дали безусловно положительные результаты. Права Райсовета были вновь расширены, что привело к росту самодеятельности и хозяйственной инициативе. За короткий срок Сокольнический Совет в своем районе сумел построить прекрасную школу в Богородске, школу по улице Короленко (быв. Ермаковская) и вновь заложил школу по Ярославскому шоссе. Почти готова амбулатория по Верхне-Красносельской улице. Приведены в полный порядок все предприятия Райсовета. Расширяется кооперативное строительство, а равно и фабрично-заводское. Растут рабочие поселки (поселок «Богатырский», например). Расширилась школьная сеть. Обороты хозяйственных предприятий Райсовета с 250.000 руб. в 1922 г. увеличились до 16.000.000 руб. в 1927 г. Все это свидетельствует, насколько дело советского строительства окрепло, насколько оно идет вперед. Пойдет и дальше—нужна лишь общественная самодеятельность.

За эти десять лет сколько прошло людей, активно работавших над делом социалистического строительства, скольких, сложивших свою голову за рабочее дело, нет в живых, сколько раскинуто по Союзу Советских Республик! Сколько новых руководителей дал рабочий класс во всех областях советской, хозяйственной, партийной работы за прошедшие десять лет! А их еще много—будущих новых работников—много в рабоче-крестьянских массах и потому никакие жертвы за дело рабочего класса нам не страшны.

Запись речи тов. Ленина на митинге на Сокольническом кругу 21 июня 1918 года [1]).

— Наша партия задалась целью устроить сегодня в Москве как можно большее количество митингов для того, чтобы обратить внимание рабочего класса на положение, в каком находится Советская власть и какие усилия ей нужно произвести для победы над создавшимся положением.

Вы знаете, как за последние месяцы и даже недели подняла голову контрреволюция. Правые эсеры и меньшевики обвиняют советскую власть в том, что она предала и предает Россию германскому империализму.

Однако, мы хорошо видели, что происходило и что происходит на Кавказе, где кавказские меньшевики заключили союз с турецким империализмом. Мало того, товарищи, что там сведены на-нет все завоевания Советской власти, что там арестовывают и расстреливают рабочих, что там отняты все их завоевания, там они посадили Скоропадского. Все их мероприятия, конечно, не могут снискать им симпатий рабочего класса. Вот почему контрреволюция в настоящий момент цепляется за усталость русского народа, за голод. Она делает последние попытки для свержения Советской власти.

Теперь они ухватились за чехо-словаков, которые, надо сказать, вовсе не идут против Советской власти. Против Советской власти идут не чехо-словаки, а их контрреволюционный офицерский состав. Империализм при помощи этого состава стремится втянуть Россию в продолжающуюся мировую бойню.

И характерно то, что как только власть где-либо переходит в руки меньшевиков и правых эсеров, так сейчас же оказывается, что они хотят осчастливить нас каким-нибудь Скоропадским. И всякий раз, как только массы убеждаются, куда привели их меньшевики и правые эсеры, последние остаются без поддержки масс. Их оставляют.

---

[1]) «Известия ВЦИК Советов», № 127 (391) и 128 (392) от 22 и 23 июня 1918 г.

Тогда они в последней надежде прибегают к спекуляции на голоде, а когда и это не выходит, они не брезгают такими приемами, как убийство из-за угла.

Вы все знаете, что убит старый работник, расплачивающийся за свои убеждения страданиями и лишениями, т. Володарский. Конечно, быть может, им удастся убить и еще нескольких активных деятелей Советской власти, но это только укрепит ее в массах и подвинет нас на то, чтобы еще крепче держаться за наши завоевания.

В настоящее время два обстоятельства ставят Советскую Республику в особенно тяжелое положение: голод и международное положение.

Империализм—немецкий, французский и английский—ждет момента, чтобы вновь и вновь броситься на Советскую Республику.

Задачей нашей партии является свержение ига капитализма. Это свержение может произойти только лишь при международной революции. Но, товарищи, вы должны сознать, что по заказу революции не делаются. Мы сознаем, что положение Российской Республики создалось такое, что рабочему классу удалось первым свергнуть иго капитала и буржуазии и удалось это не потому, что он более развит и идеален, а потому, что наша страна наиболее отсталая.

Капитализм окончательно будет свергнут тогда, когда в этом порыве соединятся, по крайней мере, несколько стран. И мы знаем, что во всех странах, несмотря на всю строгость цензуры, нам удалось добиться того, что на всех собраниях упоминание партии коммунистов, имени Российской Республики вызывает взрывы энтузиазма. (Бурные аплодисменты). К каким бы последствиям ни привела война, она неизбежно вызовет революцию, которая явится и является нашим союзником.

Охарактеризовав тяжелое положение Советской России, окруженной врагами извне, подвергшейся натиску контрреволюции изнутри, тов. Ленин переходит к вопросу о голоде.

— Наша революция вызывает содрогание империалистических классов, которые ясно сознают, что их существование зависит от того, удержится ли их капитал или нет, а поэтому мы должны остаться и итти рука об руку с тем классом, с которым мы производили завоевания Октябрьской революции.

На борьбу с голодом мы идем с тем же классом.

Теперь на один, полтора или два месяца—самые трудные—нужно затратить всю силу и всю энергию.

В жизни народов бывали моменты, когда государственная власть переходила к рабочему классу, но он ее не был в силах

удержать. Мы же можем это сделать, потому что у нас есть Советская власть, которая об'единяет рабочий класс, взявшийся за свое дело.

Как ни тяжело наше положение, какие бы заговоры правые эсеры с чехо-словаками ни устраивали, мы знаем, что хлеб есть даже в губерниях, окружающих центр. И этот хлеб нужно взять, сохранив и укрепив союз рабочего класса с крестьянской беднотой.

Отряды красноармейцев уходят из центра с самыми лучшими стремлениями, но иногда, прибыв на места, они поддаются соблазну грабежа и пьянства.

В этом виновата четырехлетняя бойня, которая на долгое время посадила в окопы людей и заставила их, озверев, избивать друг друга.

Озверение это наблюдается во всех странах. Пройдут года, пока люди перестанут быть зверями и примут человеческий образ.

Мы обращаемся к рабочим с призывом дать свои силы.

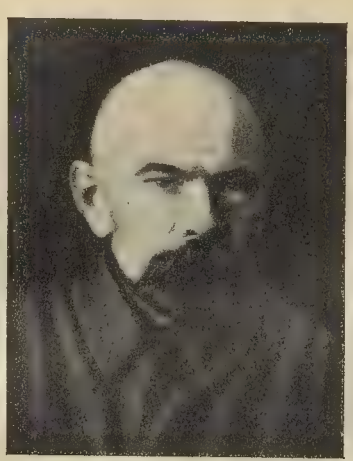
Когда я читаю сообщение, что в Усманском у. Тамбовской губернии продовольственный отряд из реквизированных шести тысяч пудов хлеба три тысячи отдает беднейшему крестьянству, я говорю: если бы даже мне доказали, что до сего времени в России есть только один такой отряд, я все-таки сказал бы, что Советская власть свое дело делает. Ибо ни в одном государстве такого отряда нет. (Бурные аплодисменты).

Буржуазия хорошо сознает свои интересы и делает все возможное, чтобы их обеспечить. Она сознает, что если крестьяне впервые после многих веков этой осенью получат плоды собственных трудов в виде жатвы и обеспечат трудящийся класс города, то рухнут все надежды буржуазии на реставрацию и укрепится Советская власть. Потому-то буржуазия и мечется во все стороны.

Необходимо напрячь все силы в борьбе с крестьянскими богатеями, спекулянтами и городской буржуазией.

Одно из самых больших зол нашей революции—это робость наших рабочих, которые убеждены до сих пор, что управлять государством могут только «высшие».

Но на каждой фабрике, на каждом заводе есть хорошие работники. Пусть они будут беспартийными,—вы их должны сковать и об'единить, а государство сделает все возможное, чтобы облегчить их трудную работу.



Б. Шумкин, один из старейших большевиков-подпольщиков, активный работник Сок. р-на.

Двор здания Совета и Ревкома (8-ая Сокольническая ул.).

Памяти т. Емельяна Маленкова.

(Речь тов. Русакова на об'единенном заседании Сок. РК РКП(б) и Сок. Райсовета в 1918 г.).

Телеграф только что принес скорбную весть. В бою с чехословаками под деревней Мамарьевской, Вятской губ., погиб командир 1-го батальона при 1-м Свободном полку, 2-й армии, товарищ Емельян Михайлович Меленков. Он шел в передовой цепи, с криком «ура» первый бросился в атаку и, не доходя нескольких шагов до неприятеля, пал пораженный вражеской пулей в голову. Отряду пришлось отступить. Тело осталось в стане неприятеля. Погиб он в расцвете сил и молодости,—ему было лишь 29 лет. Плоть от плоти, кровь от крови рабочего класса—сын сторожа, сам рабочий сталелитейного завода Варце Мак-Гиль в Москве, он являлся ярким воплощением всей той революционной энергии, на которую только способен пролетариат. Еще будучи учеником городской школы он уже выступает на рабочем собрании. Уже тогда в нем обозначился недюжинный революционер. С самого начала он примкнул к знамени большевизма, коему ни на одну секунду не изменял до конца своей жизни. В 1912 году т. Маленков получает первое боевое отличие революционера от царского правительства: три месяца Таганской тюрьмы по подозрению в принадлежности к партии с.-демократов большевиков, второе отличие в 1914 г.—своего рода Георгиевский крест за агитацию против войны—четыре года каторги в Бутырках, откуда освободила его февральская революция; наконец, третье, наивысшее—вечная память. Отрывистая, плохо скроенная речь в обыденном разговоре, казалось, не давала повода подозревать в т. Маленкове талантливого оратора-самородка. Между тем перед рабочей аудиторией он весь преображался, перед нею он был пламенный агитатор, который огнем своей речи сжигал сердца. Никогда не забудется его выступление в глухую для нас, большевиков, пору революции в июне—июле 1917 г. по рабочему контролю. Звучавшая в словах его непоколебимая пламенная вера в силы рабочего класса говорила больше и звучала убедительней для слушателей, чем логические доводы, холодные цифровые расчеты его оппонентов умников-меньшевиков. Последние должны были уступать ему поле словесной битвы. И не напрасно: жизнь показала—был прав ученик городской школы и рабочий завода Варц-Мак-Гилль Емельян Маленков, а не высокоученые социал-

предатели с их математическими выкладками. «Долой десять министров-капиталистов»—этот давно забытый нами лозунг всплывает в памяти: один из наиболее могучих ударов получили они, эти министры, от крепкой руки т. Маленкова. Далее следуют лозунги: «Да здравствует советская власть, да здравствует Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика». Для него эти лозунги не были лишь митинговыми возгласами. Советскую власть он завоевал в Октябре на баррикадах Москвы, а в фундамент невиданного еще в истории мира дивного здания

Группа участников 1-го Московского Красногвардейского отряда. (1—тов. Маленков).

рабочей Советской Республики заложил он самый большой камень, самое драгоценное, что только имел,—свою жизнь. С октября 1917 г. до конца своей жизни т. Маленков, можно сказать, не выпускал уже винтовки из рук. Он становится организатором Красной гвардии. В период наступления германцев перед Брестским миром, первый в районе бросается на фронт во главе с организованным им отрядом, лучшим отрядом. По возвращении—работа в Сокольническом Совете. Он первый представитель Исполнительного Комитета со времени коренного преобразования, со времени слияния с районными управами. Все время главным предметом его заботы и трудов служила Красная армия. Сокольнический Военный Комиссариат был его любимым детищем. Организаторская работа здесь в тылу не удовлетворяла тов. Маленкова, боевая натура все время стремилась туда, где кипела самая гуща борьбы, на фронт. Летом текущего года

берет он отпуск на месяц и едет отдыхать—украдкой ото всех—на Уральский фронт, где едва не погиб во время боя с подавляющими силами неприятеля от руки казака. С юмором рассказывал потом: «когда казак замахнулся на меня, подумалось, придется в Москву без головы ехать». Неприятель разбит был на голову. Далее вновь неутомимая организаторская работа в качестве председателя в Военном Комиссариате. Опять неудовлетворенность, опять беспрестанные просьбы отпустить его на фронт. Как незаменимого работника его не пускали. Навсегда остается в памяти минута, когда в один прекрасный день он как бы украдкой, смущенно сует в руки пишущего эти строки письмо: «Прочтите потом дома». Оно было очень коротко: «дорогой товарищ, отпустите меня на фронт, убедите других товарищей отпустить меня. Больше не могу оставаться». Вот и все. Эти короткие строки так красноречивы были, так убедительно звучали они, что ни у кого из нас не хватило решимости удерживать его дальше. Удивительная черта в нем бросалась в глаза: ее можно было бы назвать отвращением к работе в центре. Имея все данные стать крупным работником центра, он сознательно избегал работы там.

Самая гуща пролетарской массы была его стихией. Вне самого близкого, тесного общения с нею чувствовал он себя, как без воздуха. Любил он жизнь завода с его стуком молотов, с его пламенем раскаленного металла, лязгом железа, — о том говорили не раз. Казалось, сила, решимость, непреклонная воля стали в нем нашли свое олицетворение. Он — та могучая рука пролетариата, которой предназначено добиться освобождения от гнета, нищеты и рабства. Несмотря на все тяжелые утраты, когда светлый облик товарища-героя встает перед глазами, не похоронный марш звучит в душе, звучат бодрые напевы рабочего гимна-интернационала. Да здравствует герой... Сокольнический районный комитет партии и Сокольнический Совет примут все меры к обеспечению престарелых родителей и дочери 6-ти лет тов. Маленкова. Память его предположено увековечить мемориальной доской на стенах Совета, наименованием одной из улиц района его именем. Кроме того его портрет будет украшать стены Совета. Предполагается организовать музей его имени. В ближайшие дни созывается общее собрание членов партии пленума Совета, фабрично-заводских комитетов, посвященного его памяти.

Сарра Бродская.

Сокольническая парторганизация от февраля по октябрь 1917 года.

В состав Сокольнического района входили два подрайона: Богородский и Алексеево-Ростокинский. Предприятий в районе было около 70-ти, из которых 15 крупных с числом рабочих 500 и более. Были также очень крупные предприятия от 2.000 до 5.000 чел., как-то: Сокольнические мастерские, завод Михельсона, «Богатырь», фабрика Абрикосова и др. В состав района входили два трамвайных парка, несколько крупных больниц и др. учреждения. В районе находились Суворовские казармы, а в селе Богородском стояли три батареи.

Состояние парторганизации после февральской революции было таково: члены партии были только на крупных предприятиях; организованный Райком к работе еще не приступил, члены его находились на предприятиях, главным образом в Сокольнических мастерских. В Райком входили следующие товарищи: Журавлев, Русаков (расстрелянный в 1921 г. во время кронштадтских событий), Ростовщиков, Максимов, Маленков, Смирнов (погибший на фронте в 1919 г.) и я. Приблизительно 25 марта приступили к организации района. Для того, чтобы охватить все предприятия, сил у нас было мало. Наша организация состояла из одних рабочих от станка: было человек пять интеллигентов и то все они были заняты на своей повседневной работе. Из освобожденных работников в Райкоме был один секретарь. Условия, в которых приходилось работать, были крайне тяжелые. Если сравнить наши силы с силами меньшевиков и с.-р., то получалась незавидная картина. Меньшевики и с.-р. имели крупных агитаторов и нам приходилось напрягать все усилия для того, чтобы крыть их на собраниях рабочих. Первой нашей задачей была организация краткого курса для агитаторов, с которыми занимался т. Касаткин. Программа курсов была: текущий момент и как его осветить рабочим.

События так быстро развертывались, что мы не успевали за ними. Рабочие жаждали все знать: более сознательная часть рабочих вступила в партию; партийцы на предприятиях нуждались в направлении и знании: появился большой спрос на литературу по текущему моменту и другим политическим вопросам. Наша маленькая проходная комната в Совете, где помещался Райком, превратилась в бушующее море: спорили, делились впечатлениями, настроениями на предприятиях, политическими события-

ми. В течение каких-нибудь двух недель, благодаря инициативе работающих на местах, нам удалось охватить все предприятия района; на некоторых предприятиях укрепились ячейки (напр., в Ново-Сокольническом и Рязанском трамвайных парках). Стержнем нашего района были Сокольнические мастерские. Там была группа подпольщиков, которая вела работу не только в мастерских, но и во всем районе. Одним из лучших заводов был завод Вартце-Макгилль, во главе которого стоял Емельян Маленков (погибший на Восточном фронте), который своей кипучей энергией и железной волей завоевал доверие и любовь всех рабочих. Завод с первых же дней стал большевистским.

Гораздо хуже обстояло дело с заводом «Богатырь», где укрепились меньшевики, отчего мы не имели там почти никакого влияния вплоть до 1920 г. (это был один из отсталых заводов в Москве).

В конце апреля мы имели оформленную большевистскую организацию, охватившую большую часть заводов и фабрик. Подготовка к первомайской демонстрации показала, насколько выросла наша партийная организация, а сама демонстрация доказала, что руководство со стороны местных парторганизаций довольно сильно. Рабочие выступили со своими плакатами, большевистскими лозунгами, а большевики выступивших предприятий чувствовали себя вожаками и это, пожалуй, так и было. В то время мы собирали деньги для организации типографии, в которой должна была печататься наша газета—орган МК—«Социал-Демократ».

К первому маю мы организовали кружковой сбор среди демонстрирующих рабочих, которые отнеслись к этому очень сочувственно; денег было собрано много, но дело не только в деньгах, а в том, что во время сбора можно было «агитнуть» против временного правительства.

На все новые события район быстро реагировал; не было ни одного вопроса текущей политической жизни, который не обсуждался бы в районной парторганизации и своевременно не передавался бы на места. Помню брошенный впервые тов. Лениным лозунг—«вся власть Советам»—для нас был еще недостаточно ясен. Товарищи, близко стоявшие к работе Райкома, совместно с Райкомом обсуждали этот вопрос очень долго. Поздно за полночь мы разошлись с определенным мнением для того, чтобы завтра же лозунг этот раз'яснить рабочим массам.

Начавшаяся против нас травля, а затем июльские дни не остановили роста нашей организации, а укрепили ее ряды.

В Райсовет входила большая часть эсеров и меньшевиков и лишь незначительная часть наших, отчего мы могли добиться очень малого и нашего влияния в Совете не было.

В корниловские дни, когда была дана директива об организации революционной тройки для отпора наступавшим контрреволюционным силам, Райком выделил двух товарищей (покойного т. Русакова и меня) с целью добиться вооружения рабочих, но совместная работа с меньшевиками намеченных результатов не принесла, кроме разоблачения той политики, которую вели меньшевики и эсеры в Совете.

Начавшееся 25 августа (по старому стилю) корниловское совещание сильно взволновало рабочих. В знак протеста против совещания была об'явлена забастовка, в которой приняли участие следующие предприятия: Ново-Сокольнический, Рязанский трамвайные парки, заводы: Арцыш, Швабер, Кольберг, Вартце-Макгилль, Келлер, Земгор и др. Основным вопросом был вопрос о вооружении, но попытки рабочих делегаций добиться вооружения от Моссовета не увенчались успехом. Хотя к тому времени у нас в районе была уже организована Красная Гвардия, но обучалась она большей частью негодными для стрельбы винтовками. К 25 августа настроение рабочих было приподнятое (несмотря на отсутствие оружия); недовольство проявлялось отчасти по отношению к нашей организации: отчего мы медлим наступлением. Корниловское совещание было решающим моментом в нашей организации. После совещания настроение рабочих было всецело на нашей стороне: вскоре мы завоевали Райсовет, а при перевыборах Исполкома прошло большинство большевиков.

Выборы районной думы прошли с большим под'емом, несмотря на нашу бедность. Мы не могли рекламировать себя, как другие партии, но наша живая сила—энергичная, кипучая молодежь с пятым номером, прикрепленным к фуражке, во-всю агитировала на улице между выборщиками.

Не только молодежь, но и старики не отказывались от такой работы, как заклеивать плакаты противников. Влияние партии ярко сказалось в результатах перевыборов: в районную думу было выбрано от нашей партии 21 чел., от остальных партий (эсеры, меньшевики, кадеты)—19 чел.

К октябрю наш район составлял мощную часть московской организации. С первых дней революции в нашей работе принимала активное участие группа молодежи во главе с тт. Барболиным и Жебруновым, которые погибли во время Октябрьских боев. Эта молодежь была для нас большой подмогой в то время. Там, где нам было трудно пробраться (в особенности на собрания рабочих, где эсеры и меньшевики имели свое влияние), там эта группа молодежи проталкивала наших ораторов, а в крайних случаях срывала собрания. Проводимая нами кампания по заданию МК под лозунгом—«буржуазия саботирует, пролетариату необходимо сдерживать себя и накоплять силы»—еще больше убедила нас в революционном настроении рабочих и в потере всякого влияния эсерами и меньшевиками не только среди отдельных групп рабочих, но даже членов их собственной партии. К октябрю увеличились кадры партийцев, получивших подготовку в организованной нами партшколе, которой руководил т. Бухарин. Кроме того, МК прислал нам двух пропагандистов-агитаторов: тт. Иннесу и Ефремова. Тов. Иннеса пыталась втянуть женщин в политическую жизнь, но вплоть до октябрьских дней в нашей организации было мало работниц. (Мы имели одну или двух работниц-членов нашей партии на нескольких предприятиях, но эти работницы не были настолько подготовлены, чтобы вести за собой широкие массы женщин).

Одним из основных недочетов в нашей работе было то, что мы не были связаны с воинскими частями, находящимися в нашем районе, благодаря централизации работы среди воинских

частей при МК, что впоследствии, в Октябрьские дни нам сильно помешало.

Приближался Октябрь... Все больше и больше накаливалась атмосфера. Вспоминается одна очень яркая картина. Наши ночные собрания обычно устраивались в трамвайных парках. Рабочие после томительной дневной работы оставались послушать ораторов, а зачастую и выступали сами, принимая участие в горячих спорах. На этих ночных собраниях, которые часто затягивались до рассвета, мы крыли эсеров и меньшевиков, разоблачая их соглашательскую политику. В такой горячке мы подошли вплотную к Октябрю. После межрайонного совещания, созванного МК, где был решен вопрос о выступлении, мы ждали директив ЦК из Питера. Почти за неделю до 25 октября мы вели подготовительную работу к выступлению. Когда 23 октября было созвано партийное собрание по вопросу о выступлении, то большинство высказалось за выступление. 26 октября на пленуме Райсовета с фабзавкомами была оглашена телеграмма о захвате власти в Питере. Наша резолюция о выступлении была принята; со стороны рабочих было предложено переизбрать Моссовет. Настроение рабочих было боевое. Организованный еще в июне центр. Красной Гвардии и выделенная тройка, состоявшая из товарищей: Маленкова, Максимова и Журавлева, разыскивали оружие.

Еще теснее, еще крепче сплотилась наша Сокольническая организация, которая во главе с руководящим ядром района дружно выступила в бой.

М. З. Андреев.

Подпольная работа, Октябрь и гражданская война (1916—1918 гг.).

Теперь, спустя 10 лет, вспоминаются те звенья, из которых составилась общая пролетарская армия для свержения произвола и реакции в России.

1916 г.—разгар империалистической войны, поражение русской армии на фронтах, внутри страны нищета и голод. Все это давало знать о себе. Почувствовали это в первую очередь рабочий класс и беднейшее крестьянство, среди которых создавалась почва для широкого недовольства своим положением—бесправием и нищетой. Революционная партия большевиков учла этот момент, чтобы организовать пролетариат для победы над своим вековым заклятым врагом—царизмом, для завоевания диктатуры пролетариата над буржуазией.

Вспоминается первая ласточка, первая весточка в нашем Сокольническом районе: от ЦК пролетарской революционной партии большевиков, находившегося в то время в Берне (Швейцария), получили мы, Сокольническая организация РСДРП большевиков, через Марию Ильиничну Ульянову газету «Социал-Демократ», орган ЦК, где была дана оценка положения в России и директива действия местным организациям: война—войне, подготовка к решительным мероприятиям, к гражданской войне. В другом номере «Социал-Демократ» (№ 51 от 29 февраля) т. Ленин писал: «Одной из форм одурачивания рабочего класса является пацифизм и абстрактная проповедь мира. Пропаганда мира в настоящее время, не сопровождающаяся призывом к революционным действиям масс, способна лишь сеять иллюзии, развращать пролетариат внушением доверия к гуманности буржуазии и делать его игрушкой в руках тайной дипломатии воюющих стран». Разоблачая социал-шовинистическую (оборонческую) позицию российских ликвидаторов-легалистов, В. И. Ленин писал про лозунг меньшевиков «мир без аннексий»: «нет сомнения, что Николаю кровавому очень выгодно теперь выдвигание его верноподданными такого лозунга... Все, кто не хочет быть на деле социал-шовинистом, должны поддерживать те элементы социалистических партий всех стран, которые прямо, непосредственно, тотчас работают за пролетарскую революцию внутри своей страны; не мир без аннексий, а мир хижинам—война дворцам, мир пролетариату и трудящимся—война буржуазии».

Затем получились брошюры: «Война и дороговизна в России», «Социализм и война» и листовки: «Товарищи социалисты, работницы всех стран». Впоследствии налажено было регулярно получение газеты «Социал-Демократ» и другой литературы. Каким огромным подспорьем для нашей большевистской организации завода была получаемая от руководящего центра партии литература по основным задачам момента. Она являлась пищей для руководства и подготовки масс к решающим боевым дням борьбы за власть советов.

В первую очередь наша заводская организация выдвинула лозунг—повышение заработной платы рабочим. Для этой цели намечен был ряд организационных мероприятий: установление связи с другими заводскими, фабричными и ж.-д. организациями на предмет оформления большевистских ячеек, изучение настроения масс и экономического положения, подготовка совместных выступлений за свержение власти царя и капиталистов. Организаторами связи с заводами, фабриками и ж. д. были товарищи, прошедшую суровую школу царских застенков и ссылки, приобревшие достаточный революционный багаж—знание как строить подпольные организации большевиков и как проводить директивы партии в широких массах рабочих при невероятных условиях царского режима, провокации и произвола над рабочим классом. В то время работали следующие товарищи: со СВАРЗ'а (старое название завода ГЖД) — Максимов, Ростовщиков, Шумкин, Андреев М. З., Журавлев, Котов, Огурцов; с завода Варц-Мак-Гиль (теперь им. Маленкова)—Маленков; с Мытищенского вагонного завода—Титов; с Перовских мастерских—Андреев, М. А.; Трамвайного Сокольнического парка—Жикин, Панков, Кольцов; с Ж. Д.—Амосов. Теоретическими руководителями были—Тер-Ваганян, Федоров, Островетянов и др.; это был сгусток,—руководящее ядро большевиков в Сокольническом районе в годы империалистической войны, собиравшее и организовавшее силы рабочих и разоблачавшее империалистическую захватническую политику царского правительства.

Когда оформился условный, руководящий партией большевиков, центр района—так назыв. «пятерка», намечено было провести для пробы сил и влияния большевиков на массы забастовку протеста против войны на заводе СВАРЗ под предлогом повышения заработной платы; почва для этого имелась. Так, из 5000 рабочих, средний заработок большинства (исключая высококвалифицированных рабочих—300 чел.) равнялся при тогдашней дороговизне 30—57—60 руб. в месяц. В основное ядро членов организации РСДРП больш. входило до 180 чел.; распределялись они по отделениям и цехам завода так, что в каждом отдельном звене были товарищи и группы для исполнения директив организации.

Политическая стачка подготовлялась в течение недельного срока и, как видно теперь из документов, охранное отделение не было достаточно информировано о дне стачки, несмотря на многочисленную сеть провокаторов на заводе.

День 21/X—1916 г., как гром среди ясного дня, неожиданно грянул для тогдашних властителей Москвы. Стачка началась; рабочие пред'явили следующие требования: увеличение заработ-

ной платы на 15%, оставление бесплатного проезда в трамвае (кажется был отменен проезд в трамвае), вежливое обращение администрации с рабочими, выдача спецодежды, улучшение питания в столовой, прекращение братоубийственной войны и долой самодержавие. Стачка продолжалась до 25 октября. Первый день был ознаменован грандиозным, по своим размерам, митингом; в то время это было большое событие для нашего района. Пятитысячная армия рабочих вышла с завода на улицу, а в это время на площади «Матросская тишина» шло летучее заседание руководящей организации района партии большевиков. На нем решались вопросы, как лучше в интересах рабочего класса использовать данную стачку и какие лозунги предложить на митинге. Решено было использовать главным образом по линии экономи-

Фасад здания Сокольнического Вагоно-ремонтного завода.

ческих требований и в конце митинга вынести протест против братоубийства, войны. В это время никто из полиции и охранного отделения не нарушил порядка митинга.

По поручению подпольной организации РСДРП(б) выступали с речами товарищи: Тер-Ваганян, Виктор и др. В речах было отмечено тяжелое положение рабочего класса в связи с дороговизной жизни и низкой заработной платой, а также бесправное положение рабочих; отсутствие легальных революционных организаций, каковые необходимы для защиты интересов рабочего класса. В заключение было указано на необходимость повести решительную борьбу против империалистической войны, которая велась в интересах буржуазии, царя и помещиков. В конце митинга появились подозрительные лица, распространявшие провокационные слухи, что нужно, мол, расходиться, иначе дело будет плохо, сейчас идет наряд полиции и т. д.; только окончили митинг и прокричали три раза во весь голос: «Долой войну!» и не

успели еще разойтись, как вдруг неожиданно раздались крики: «полиция!». В это время один, оказавшийся провокатором, забрался на фонарный столб и начал громким голосом призывать расходившихся рабочих продолжать митинг. Посоветовавшись на лету между собой члены большевистской организации (т.т. Максимов, Ростовщиков, Журавлев и другие) решили агитировать за немедленное расхождение по домам до следующего дня. Толпа стала быстро расходиться и по истечении 10 минут на месте оставались только одиночки,—возможно, агенты охранного отделения. Наши руководители во-время сообразили, что полиция хочет устроить кровопускание собравшимся рабочим завода, но это ей не удалось. Годы классовой борьбы показали рабочим, на что способна царская власть и ее опричники, рабочие не дали себя поймать на провокацию.

Забастовка продолжалась четыре дня. Второй день забастовки ознаменовался собранием в помещении завода; обсуждались вопросы, связанные с пред'явленными требованиями администрации. На этом собрании, по предложению эсеров и меньшевиков, была избрана комиссия, которая должна была вести переговоры с Городской Думой в лице председателя Челнокова и с военно-промышленным комитетом, в лице г. Гвоздева. Большинство комиссии состояло из эсеров, меньшевиков и только один от большевиков—Комаров (оказавшийся провокатором).

В нашу задачу входило: поддерживать настроение рабочих в пользу забастовки, раз'яснять им необходимость удовлетворения выставленных требований, разоблачать махинации меньшевиков и эсеров.

На третий день администрация завода заявила: «если в течение завтрашнего дня рабочие не станут на работу на старых условиях, то завод будет закрыт». Результатов от комиссии до четвертого дня не было. Обсудив создавшееся положение, наша организация большевиков решила забастовку продолжать до удовлетворения выставленных требований и к этому решению присоединились все рабочие завода, после чего разошлись по домам до следующего дня. Мы же, большевики, в этот вечер назначили заседание районной организации с представителями МК, где стоял вопрос о том, как реагировать на дальнейшие события, которые назревали в связи с неудачей на фронтах и массовым дезертирством солдат, дороговизной, нехваткой продовольствия, в первую очередь хлеба, в тылу. Характерно отметить, какие трудности представляло получение фунта черного хлеба. Для этого нужно было становиться в очередь с ночи и только на следующий день получишь фунт хлеба. Все это нужно было учесть, чтобы не остаться в хвосте событий. Решение нашей заводской организации о продолжении забастовки до удовлетворения требований было санкционировано на собрании районной организации большевиков.

Четвертый день забастовки рабочие продолжали стойко держаться за свои требования, и это оправдалось. К 10 час. утра, как было условлено, стали собираться в здание завода. В 11 час. утра на воротах было вывешено следующее об'явление администрации: «по постановлению городского головы, завод с сего числа считается закрытым, основанием к этому послужило нежелание рабочих стать на работу»... Конечно не обошлось без агитации,

что, мол, отечество в опасности и т. д. В конце текста об'явления предлагалось всем рабочим, желающим стать на работу, записываться в конторе с тем, чтобы на завтра выдти на работу. Не желающим начать работу, предлагалось брать расчет.

К 11 час. у стен завода находилось около 1000 рабочих, но никто из них не шел записываться на возобновление работы. В это время недалеко от завода, примерно на расстоянии 3-минутной ходьбы по направлению к площади «Матросской тишины» в сторону полицейского участка, стали появляться подозрительные личности, которые, останавливая отдельных рабочих, идущих к заводу, распространяли среди них панику, говоря, что собираться большой массой возле завода строго запрещено военными властя-

Манеж для обучения красногвардейцев Сокольнического района в дни Октября.

ми; предлагали не слушаться изменников отечества и родины и становиться на работу на тех условиях, которые предлагает администрация завода. Но все это не оказало большого влияния на основную массу рабочих, находившихся к этому времени у ворот завода в количестве 2.500 чел.

Большевистской районной организацией было дано задание нашему заводскому ядру большевиков всемерно поддерживать настроение рабочих в пользу забастовки до конца удовлетворения выставленных требований, обращая особое внимание на своевременное рассеивание возможных провокаций со стороны охранки и полиции. Для этой цели были выделены до 12 товарищей (тт. Максимов, Ростовщиков, Журавлев, Андреев и другие), на обязанности которых лежало: организация разведки, в задачу которой входило взятие под строгое наблюдение того участка (улицы Матросская тишина), откуда предполагался налет полиции

или войск. Остальные участки улиц, прилегающие к заводу, хотя и считались второстепенными, но все же было обращено внимание на выделение разведки и на них.

Географическое расположение завода было не в нашу пользу, а в пользу полиции и царских войск. Завод находился как бы на острове. В любом месте можно были проникнуть во внутрь завода и для окружения завода, несмотря на его большую территорию, требовалось небольшое количество войск или полиции. Квадратное расположение его облегчало полиции вести всестороннее наблюдение за всем, что происходило вокруг завода, не затрачивая много сил. Наше же положение требовало от нас много сил и находчивости в трудной обстановке. Все же наш план, как оказалось впоследствии, был довольно удачным. Полиция не рассчитала нашей стратегии, а заключалась она в следующем: мобилизованный актив был переведен в распоряжение 6 пунктов разведки, а всеми действиями руководила головка большевистской организации завода в количестве п я т и человек. (Тогда еще не было бюро и не знали про такую структуру организации). В этом центре были сосредоточены все донесения от ответственных товарищей, заведующих пунктами наблюдения, отсюда давались соответствующие указания, что делать, чтобы не допустить близко войска и полицию. Наблюдательные пункты были расположены таким образом, чтобы немедленно, как только покажутся наряды полиции или же войск, по сигналу передавать сообщение об этом по цепи пикетчиков, поддерживающих связь с руководящей пятеркой.

Организация большевиков как района, так и завода не ставила перед собой специальной задачи вооруженного столкновения с полицией, а тем более войсками, в задачу ее входило приобщить массы к революционной борьбе грядущих дней. Но решено было, если бы схватка с полицией и войсками стала неизбежной (хотя плана на этот случай выработано не было), в ответ на провокацию полиции и жандармов выступить с тем, чем могли располагать тогда рабочие завода: ломами, кирками, камнями и всем, что попадет под руку. По крайней мере, таково было настроение у масс.

Примерно, часам к 12 дня от пункта, занимавшего Тишенское направление, было получено донесение, что высылается наряд полиции для разгона собравшихся у ворот завода рабочих. Здание, где помещалось полицейское управление, выходило на улицу, тут же помещалась пожарная команда. Проникнуть во двор для наблюдения не составляло трудности, поэтому о намерениях полиции было своевременно сообщено. Охранка в свою очередь не дремала, распространяя тревожные слухи, что вот, мол, добастовались, послушались изменников отечества и германских шпионов, а теперь за них придется отвечать всем рабочим, вот, мол, сейчас придет наряд полиции и войск. В это время без малейшей паники было решено выбрать два пути отступления: первый путь один из надежных—выходил сразу на несколько улиц и переулков и большую площадь—по близости от завода «Проводник». По этому пути решено было направить значительную часть рабочих—всего к этому времени у завода собралось около 3.000 рабочих. Второй путь по Бахрушинской улице тоже

имел несколько выходов на смежные улицы. Недалеко от завода остались небольшие кучки рабочих—чел. 150 по одной стороне и на другой около 200 чел., остальной же массе рабочих было сказано, что нужно вернуться обратно часам к 5-ти вечера, так как к этому времени должна прибыть выбранная на собрании делегация и сообщить о результатах переговоров с Городской думой. Минут через 15 наряд полиции, во главе с приставом, в количестве 20 городовых прибыл к заводу, где застал небольшие группы рабочих, обсуждающих положение. Пристав громко крикнул, что возле завода воспрещается большое скопление, на что последовал иронический смех со стороны оставшихся рабочих. Пристав все время угрожал применить оружие, если будут громко разговаривать и вести себя, как на базаре, но предпринять что-либо серьезное, повидимому, не решался. Часам к 4-м вечера наряд полиции был снят, возможно потому, что было достигнуто со-

Место стрельбища на СВАРЗ'е.

глашение между делегацией от рабочих, городской думой и промышленным комитетом на основе удовлетворения требований, выставленных рабочими.

К 5-ти часам вечера у завода было уже около 4.000 рабочих. Делегация приехала в 6-м часу, с ней же явился и известный меньшевик Девяткин, работавший в военно-промышленном комитете. Делегацию пропустили на завод минут через 10, а всех рабочих только спустя 30 минут, вероятно потому, что происходили телефонные разговоры с высшей администрацией. Ворота открыли в 6 часов, вся масса хлынула в здание завода, где к этому времени была выставлена военная охрана. Несмотря на это, настроение рабочих было веселое. Собрание открылось речью Комарова. С речью выступил меньшевик Гвоздев. Вся его речь носила характер оборончества и трусости, что я, мол, тоже не гарантирован от того, что меня завтра могут взять и посадить в тюрьму; одним словом, работайте, но не бастуйте, так как это вредит интересам обороны. Удовлетворения своих требований добивайтесь мирным путем, не оставляя работы. Одним словом,

пропел соловьиную слащавую песенку о том, что нельзя бастовать, не спросив на то разрешения военно-промышленного комитета.

После знаменитого буржуазного холуя, выступил Комаров и огласил, что большинство наших требований удовлетворено и что завтра нужно возобновить работу. Условия, об'явленные администрацией завода, аннулируются. С предложенными условиями большинство рабочих согласилось.

Когда мы вышли из завода, к нам, большевикам, по дороге приставали подозрительные подвыпившие типы, которые говорили: «это ты, что ли, взбудоражил рабочих на забастовку», и сыпали ругательства по нашему адресу. Видя, что против актива большевиков что-то затевается, мы не замедлили уйти по направлению расходившихся большими партиями рабочих и незаметно скрылись от глаз, избежав трепки со стороны наймитов царской охранки. По дороге нас (большевиков) шло человек 10 и мы разговаривали о результатах забастовки и дальнейших событиях, которые надвигались в связи с разрухой в стране и поражением русской армии на фронте империалистической войны. Некоторые из нас думали, что придется в эту же ночь быть арестованными, что охранка нам не простит проведенной забастовки. Но наш тогдашний лидер тов. Максимов рассеял наши преждевременные предположения. Несмотря на все, что ожидало некоторых из нас, было решено созвать районную конференцию большевиков. Тов. Котову было поручено подыскать для этой цели соответствующее убежище, где бы могла собраться районная конференция.

Хотя мне не хотелось идти на квартиру, но слова тов. Максимова подействовали, убедив меня, что не следует ожидать ареста именно в эту ночь. Не успел я, однако, притти домой и убрать все необходимое (у меня хранились списки членов партии большевиков завода и литература, которую я передал жившему на кухне т. Агапкину, работавшему, как военно-обязанный, в качестве слесаря в одной из нестроевых частей армии), как ровно в 1 час ночи пришли с обыском. Но желательных для охранки результатов обыск не дал. Несмотря на это, мне все же пред'явили обвинение в принадлежности к подпольной организации РСДРП (не обмолвились, что я большевик) и предложили следовать за ними. охранниками. На одного меня пришлось человек 7, кроме оцепления: подумаешь, какого кита поймали! В эту ночь, как впоследствии выяснилось, арестовано было 16 человек, в том числе с завода 4 человека.

В апреле 1917 года я вернулся из города Мариуполя в Москву на тот же завод; наша организация большевиков уже имела до 200 членов партии и вела ожесточенную борьбу с эсерами и меньшевиками. Несмотря на слабость нашей организации, выражавшуюся в отсутствии достаточного кадра хороших ораторов при наличии в то же время у эсеров и меньшевиков хорошего состава краснобаев, преимущественно из состава служащих и администрации, масса рабочих завода все же постепенно переходила на нашу сторону—сторону большевиков. Успех наш об'яснялся Ленинскими лозунгами: «Долой войну», «Долой десять министров, капиталистов», и т. п., которые были близки, по-

нятны рабочим. На рабочих собраниях выступаешь от имени большевиков: что война ведется в интересах капиталистов, а рабочим, кроме вреда и нищеты, ничего не дает, или же по вопросу заработной платы, что дороговизна бьет по карману рабочих, дети голодают, необходима прибавка заработной платы,— и пусть пробуют эсеры и меньшевики возразить, что война, мол, нужна, что все это и делается в интересах рабочих,—чорта с два! Не доказать им этого, как не доказать, что ты—гусь...

Партийное внимание и задачи районной организации большевиков были сосредоточены главным образом на завоевании масс рабочих через завкомы и фабкомы, основной экономической задачей было повышение заработной платы; этим лозунгом мы, большевики, добились большинства в завкомах.

Второй задачей дня было: приобщение широкой массы рабочих к революционной борьбе за захват власти пролетариатом, за свержение буржуазии, за Советы. Третьей задачей было организация вооруженной силы пролетариата — Красной Гвардии. Для этой цели были выделены в районе т.т.: Маленков, Максимов и Журавлев. По ряду предприятий были также выделены соответствующие товарищи для непосредственного руководства организацией и обучением Красной Гвардии.

Отмечая, как слагалась организованная вооруженная сила рабочего класса в то трудное, материально-тяжелое для большевиков время, вспоминается, с каким энтузиазмом и бережливостью в то время относился каждый большевик к своему детищу—будущей вооруженной силе своего класса. Каждый мало-мальски знакомый с военным делом партиец был на учете—не на карточке, как теперь, нет,—слишком мало было для этого времени,—а в голове каждого большевика такой партиец был жемчужиной пролетарской революции. Добыча оружия считалась и отмечалась, как победа, как большое достижение и событие.

В июне наша заводская большевистская организация добыла пять винтовок, одну русского образца, остальные иностранные. Приобретение оружия не было централизовано, это было предоставлено местам; теперь смешно вспоминать то, чем тогда считалось приобретение одной винтовки. Какую детскую радость переживали мы, большевики, на заводах и фабриках, как рьяно принимались за обучение военному искусству, готовясь бить капиталистов! В заводе обучалось около 300 красногвардейцев, к заводу, как к базе, был прикреплен ряд предприятий: Ново-Сокольнический Трампарк, завод Маленкова и др. Обучение шло полулегально во дворе завода, на пустыре, обнесенном забором и заводской стеной, куда редко кто заглядывал. Заведующий заводом знал об этом, но никаких мер не предпринимал. Занятия военным делом происходили по вечерам, после работы, три раза в неделю; за неимением достаточного количества винтовок, в программу обучения входила строевая служба, гимнастика и «словесность», т.-е. вопрос о значении империалистической и гражданской войны. Стрельбу проходили в стенах завода очень осторожно, дабы не вызвать подозрения. Наши меньшевики и эсеры относились к нашим затеям пренебрежительно и считали, что это утопия, говоря, что никакой, мол, классовой армии все равно не создадите и не может такой быть, в природе

этого не существует, все это выдумка Ленина и т. п. Но, несмотря на всю их интеллигентскую слюнявую агитацию, массы рабочих инстинктивно нас, большевиков, поддерживали и оказывали нам всяческое содействие; примером этому может служить общее собрание, на котором обсуждался вопрос о вооружении рабочих и был решен положительно, хотя в то время еще большая часть рабочих шла за эсерами.

Нужно вспомнить, какие только грязные комбинации не проделывала буржуазия так называемой «Свободной России» времен господства Керенщины, натравляя солдат и крестьян на рабочих. Где только была возможность, буржуазия говорила, что солдаты сидят в окопах, защищая свободу любимой матушки России в тяжелых условиях недоедания и лишений, что крестьяне работают 20 часов в день на своей кормилице-земле, в поте лица добывая хлеб, а вот, мол, рабочие-лодыри воевать не хотят и другим мешают, работают только 8 часов в сутки; где же, дескать, равенство и братство и т. п. И все-таки эта грязная агитация не действовала и не нарушала союза рабочих с солдатской массой и беднейшим крестьянством.

Вопреки всем буржуазным и мелко-буржуазным партиям, мы сколотили в районе стройную группу красногвардейцев в количестве 300 человек, большая часть из нас приняла (правда, без оружия) участие в первой политической боевой демонстрации за захват власти Советами. Это были Июльские дни.

В этот день, после окончания работ на заводах и фабриках, пошли мы в районный комитет обсудить создавшееся положение в Петрограде: по газетным сведениям точно установить, что там делалось, нельзя было. Районный комитет большевиков помещался по 8-й Сокольнической, в здании Совета в проходной комнате, там же помещались и комитеты меньшевиков и эсеров, но в более изолированном помещении, чем большевики. В этот вечер, как всегда, мы, большевики, были подготовлены ко всяким неожиданностям.

В нашем штабе—районном комитете большевиков собралось нас около *ста* человек, вся руководящая партийная головка была налицо: секретарь РК т. Бродская (Сарра), Русаков, Ефремов, Максимов, Ростовщиков, Касаткин, Волконская, Смирнов А., Чистяков и др. Мы все отдавали себе отчет в том, что один петроградский отряд большевиков не сможет удержать власть, так как к этому не были еще достаточно подготовлены другие отряды большевиков, большинство рабочих еще были на стороне меньшевиков и эсеров и даже в Москве большинство в советах принадлежало не нам. Но партийная дисциплина была для нас все,—это ясно доказали Июльские дни. Часам к 6 вечера часть товарищей стала расходиться, так как не знали, будем ли выступать сегодня. Не прошло, однако, и нескольких минут, как тов. Сарра сообщила нам, что МК решил поддержать Петроград демонстрацией, все районы должны немедленно собраться у здания большого Совета (б. Скобелевская площ.). Были приняты меры к сбору по предприятиям всех большевиков и сочувствующих рабочих, но отовсюду получали ответ, что все разошлись. Собравши всех, кто был налицо (человек 75), мы взяли одно знамя и пошли к Совету.

Не успели мы дойти до Каланчевской площади, как совсем неожиданно на нас напали человек *двадцать* пьяных хулиганов и вцепились в наше знамя, у которого сломали древко. Но все же мы знамя не отдали, только ряды наши расстроились. Мы шли дальше неорганизованным порядком до Совета, где, однако, развернуть знамя тоже не представилось возможным за малочисленностью прибывших из других районов, в то время как приспешников буржуазии и их лакеев было сравнительно много—около 1.000 человек и очень много было подозрительных типов, подонков Хитрова рынка. Часам к 8 стали прибывать из других районов, тоже со свернутыми знаменами. Пока мы стояли там, к нам подходили группы подозрительных лиц и требовали развернуть наше знамя, спрашивая, что за лозунги на них. На это мы отвечали: «не торопитесь—все покажем».

Через некоторое время, стройными рядами прошел (не помню какой) большевистски настроенный полк без оружия. В это время тов. Бухарин из окна Совета крикнул что-то—в роде (точно не помню): «да здравствует социальная революция и московский пролетариат»,—на что раздались возгласы стоящих на балконе Совета меньшевиков и эсеров, что тов. Бухарин провоцирует, что, мол, т. Бухарин не имел права от имени Совета провозглашать социальной революции.

Несмотря на свист бродячей толпы, истерические крики «благородных дам» и тверской буржуазной шпаны, Московским Комитетом большевиков был открыт митинг, где первым выступил тов. Бухарин, а за ним и другие. В речах был призыв—поддержать восставших за власть Советов питерских рабочих.

После митинга, стройными колоннами мы прошли к Московскому Комитету большевиков (в Гнездниковском переулке). На пути нашего следования по обеим сторонам выстроилась вся буржуазная челядь и кричала нам, что большевики ведут страну к гибели, хотят отнять собственность и национализировать женщин. Но видя, что стройные колонны идут и ни на что не обращают внимания, они устроили кошачий концерт.

В демонстрации участвовало около 7.000 чел., это было первое наше революционное крещение в Июльские дни, первая подготовка и проба силы.

На другой день, после демонстрации было учтено, что с голыми руками идти в бой с буржуазией нельзя, а нужно нажать все кнопки для добычи оружия, хотя бы в минимальном размере. Источником получения оружия на первое время являлась связь с воинскими частями и огне-складами. Партийным комитетом района был намечен ряд практических задач по связи и работе с солдатскими массами. Были выделены товарищи: Медведь Ф. Д., Маленков и др. для практической работы.

Также было обращено внимание на связь с деревней: каждое воскресенье мы выезжали в деревню, где удачно вели агитацию среди крестьян по различным, интересующим крестьян, вопросам как хозяйственного положения, так и политического момента. После таких бесед раздавали литературу, устраивали своими силами нечто в роде концерта (в программу входило исполнение революционных песен и декламация).

Август, время было тяжелое. Буржуазное правительство не в состоянии было справиться с тем хаосом, который имелся налицо. На фронтах империалистической войны не все обстояло благополучно, намеченное решительное наступление сорвалось и закончилось сдачей города Риги. Все это не могло быть скрыто от рабочих Сокольнического района, они чувствовали на своих плечах: и дороговизну, и никому не нужную войну, которая уносила много средств и людей—близких и родных. Эти обстоятельства создавали почву для влияния большевиков на рабочие массы. В завкомы, фабкомы все больше и больше выбираются большевики, а меньшевики и эсеры, как квасные пробки из бутылок, вылетают из фабзавкомов, а потом и из Советов. Вся эта ситуация создавала обостренную борьбу классов, и мы, большевики, это понимали.

Наш районный комитет зорко следил за событиями и во-время сигнализировал рабочим района об опасностях черной реакции.

Приближались Корниловские дни: выступление Корнилова с программной речью в так называемом государственном совещании; запрещение с'езда фронтовых и Армейских комитетов. Как же реагировала Московская организация большевиков на затею контрреволюционных господ Корниловых. Было решено об'явить всеобщую однодневную стачку на 26-е августа—в день слета черных воронов.

Рабочие Москвы (и наши, Сокольнического р-на) отозвались на призыв большевиков и забастовали. Стали заводы и фабрики, трамвай, вся жизнь Москвы и района,—несмотря на бешеный вой эсеров и меньшевиков.

Эта забастовка определила соотношение сил пролетариата и буржуазии, дала возможность большевистской партии учесть и взвесить силы рабочего класса, готового идти на борьбу с буржуазией под руководство революционной, не на словах, а на деле, большевистской партии. Эта забастовка дала крепко почувствовать буржуазии и ее прихвостням: эсерам и меньшевикам, что рабочий класс под руководством большевиков не желает больше буржуазной власти и готов в любую минуту выступить с оружием в руках против буржуазии.

В конце августа разыгралось Корниловское восстание. Корниловский заговор грозил смести не только большевиков, но всю революцию вместе с ее правящими партиями. Эсеры и меньшевики, имевшие в то время большинство в Совете, пригласили большевиков принять участие в подавлении мятежа генерала Корнилова; наш районный комитет принял это приглашение, выделив трех большевиков в состав комиссии при Районном Совете: И. П. Русакова, еще одного товарища (фамилии не помню) и пишущего эти строки.

На первом же заседании комиссии по ликвидации Корниловского мятежа, нами были выставлены требования: немедленное вооружение всех рабочих, демонстрация с лозунгами: «Вся власть Советам», «Долой империалистическую войну», «Немедленный мир» и «Перевыборы Совета», на что эсеры и меньшевики упорно не соглашались. Но все же на заседании было принято решение—предоставить большевикам право большей самостоятельности в действиях, чем раньше. Это предрешило скорейшую смерть со-

глашателям и буржуазии; началось быстрое полевение рабочих масс и перевыборы Советов дали большинство большевикам.

МК было решено немедленно приступить к усиленному обучению и вооружению рабочих для создания боевых отрядов Красной Гвардии. Районный комитет всеми средствами изыскивал оружие для Красной Гвардии; в этом отношении наиболее обеспеченным был отряд Красной Гвардии завода ГЖД, состоящий из 200 товарищей, вооруженных револьверами и 7 винтовками и имевший 10 хорошо обученных инструкторов по военному делу.

Приближались Октябрьские дни, шла лихорадочная работа районного большевистского комитета; подсчитывались боевые силы и ресурсы. Недостаток оружия сильно действовал на настроение Красной Гвардии, жили только тем, что в нужный момент арсеналы будут наши: необходимо было усилить агитацию среди солдат. Для связи с воинскими частями был выделен тов. Ф. Д. Медведь, и к Октябрьским дням одна часть солдат была уже за активное участие в борьбе под руководством большевиков, а другая часть, высказываясь за нейтралитет, стремилась скорей по домам.

Сокольнический район к Октябрю уже был готов к вооруженному выступлению и ждал сигнала партии большевиков.

Как только весть о 25-м Октябре дошла до Москвы, в Сокольниках был выделен из состава большевистского Райкома Ревком из *пяти* товарищей: И. П. Русакова, Маленкова, Сарры Бродской, Ф. Д. Медведя и Преснякова. На нашем заводе также организован был Революционный Комитет, в состав которого были приглашены анархисты. В первый день эсеры просили предоставить им место в Ревкоме, но им было отказано. Ревком состоял из большевиков: Шумкина, Андреева и анархиста Козловского. На первом своем заседании он организовал базу Сокольнического района по обучению, вооружению, комплектованию, снабжению и питанию Красной Гвардии.

Завод ГЖД был очень хорошо приспособлен для вышеуказанных целей: он имел достаточное помещение, большие залы для обучения стрельбе в ночное время, гараж, где помещался броневотряд (прибывший из Петрограда, правда, с некоторым опозданием), оборудованную столовую, работавшую круглые сутки, обеспеченную продуктами на месяц с пропускной способностью на 10.000 чел. в сутки, хорошо оборудованную амбулаторию, изолированные подвалы для хранения: патронов, снарядов, пороха, оружия и т. п.

Накануне боев под 26/X Сокольнический район навестили юнкера на двух грузовиках, вооруженные винтовками. Прогастролировав возле Саперного баталиона, они наткнулись на выставленные караулы; проехав мимо завода и повернув по направлению к Штабу Ревкома Сокольнич. р-на, они на пути обезоружили 5 красногвардейцев, шедших на караул в штаб завода, и больше ничего не предприняв,—вернулись во-свояси. На заводе ГЖД развернул свою работу штаб воинских частей, примкнувших к большевикам; работая в контакте с военной организацией, Ревком завода в первую очередь поставил работу по формированию отрядов Красной Гвардии.

На следующий день на завод начали прибывать партии рабочих: первыми прибыли Кольчугинцы—600 чел., за ними Коло-

менцы—75 чел., Мытищинцы—150 чел., Мызараевцы—200 чел. и заводы Сокольнического района: Деревообделочный—200 чел., Варц-Марк-Гиль—100 чел., ГЖД—500 чел., военных до 1.000 чел. и другие, в общем количестве 5.000 чел. День и ночь шло обучение стрельбе из винтовок и пулеметов в помещении завода. Первым сформировался отряд в 100 чел. под командованием тов. Маленкова, второй отряд в 300 чел. ГЖД, третий отряд 600 чел. Кольчугинский и два военных отряда по 500 чел. В первые дни, за неимением хороших винтовок, отряды вооружались берданками и иностранными винтовками. На третий день боев был захвачен на Казанской ж. д. полный состав поезда с винтовками русского образца, в количестве 10.000 штук. Районная заводская база в разгар боев в числе своего вооружения уже имела четыре 6-дюймовых орудия, до 10.000 винтовок, около двух миллионов патрон, до 300 штук ящиков бомб, большое количество снарядов и автомобилей.

Переброска отрядов к месту боев совершалась посредством грузовиков и трамваев, которыми мы были вполне обеспечены. Революционный Комитет района и районный комитет партии зорко следили за исполнением своих директив Революционным Комитетом завода ГЖД; где директивы, надо сказать, выполнялись в точности, как требовал момент революции.

Работа кипела день и ночь: обучение прибывающих товарищей, питание. Пропускная способность столовой была доведена до максимальных размеров; ряд смежных районов получали для своих отрядов обеды, ужины, чай и все это носило организованный характер и учитывалось. Первым предвестником победы было занятие телефонной станции и грохот орудийных выстрелов рабочих районов Москвы по белогвардейцам. Когда было предложено перемирие со стороны штаба белых, рабочие отряды Красной Гвардии реагировали на это дружным отказом, видя в этом провокацию, и требовали добить противника, а потом уже разговаривать с ним о сдаче на милость пролетариата.

1 ноября старого стиля белогвардейцы были разбиты плохо опытными в искусстве военного дела рабочими. Поистине героической была эта борьба. Рабочий класс разбил своих белых господ, несмотря на их опыт и превосходство в военном деле и теоретическую грамотность в руководстве организацией своего класса. Мы, большевики, в то время имели наш генералитет в составе: врача И. В. Русакова, техника Ф. Д. Медведь, Ефремова со средним образованием, работницы Сарры Бродской, рабочего Пресняков и весь наш военный актив состоял из рабочих, кроме одного инженерного офицера тов. А. Лозовского. Райком тоже состоял из рабочих: т. Ростовщикова, Касаткина, Маленкова и др.; устанавливать орудия приходилось также самим рабочим. Был такой курьезный случай: искали мы подходящее скрытое место для установки 6-дюймового орудия и, облюбовав место во дворе, где проживала администрация завода ГЖД, стали обсуждать вопрос, как удобнее его поставить, чтобы полет снаряда имел направление на Кремль. В это время выходит заведующий заводом инженер Н. И. Гущин и, обращаясь к нам, спрашивает: «Что вы думаете делать». Зная его лойяльность к нашей борьбе, мы ответили, что думаем установить орудие. Он улыбнулся и спросил: «разве кто из вас знает артиллерийское дело». Мы ему

ответили: «да, знаем».—«Вот как?»,—воскликнул он изумившись: «да как же ваше орудие будет стрелять, если здесь кругом постройки, которые выше орудий и будут мешать полету снаряда? Да при том же здесь много детей, вы можете всех их перепугать» и т. д. После этого решено было установить орудие в другом месте, в чем помог т. Лозовский. Орудия были установлены в следующем порядке: в Сокольнической роще 3 орудия, на Ермаковской 1 орудие и в селе Богородском 2 орудия. Боевые участки отрядов Красной Гвардии находились: 1-й отряд по линии Мясницкая ул.—Телефонная станция, 2-й отряд—Мал. Лубянка—Телефонная станция, 3-й отряд—Б. Лубянка—Мал. Лубянка, 4-й отряд находился в Красно-Пресненском районе на участке Кудринской площади по линии улиц: Никитская, Поварская. Все отряды имели свои резервы, так что смена уставших и пополнение происходили регулярно.

Задачей 1-го и 2-го отрядов было в двухдневный срок выбить белых и занять Телефонную станцию. Эта задача была выполнена, несмотря на большие жертвы со стороны второго отряда (кольчугинцы). Момент взятия Телефонной станции описывает в своих воспоминаниях тов. Щербаков, рабочий завода ГЖД. Со взятием Телефонной станции фронт отрядов продвинулся на Лубянскую площадь по линии: Софийки, Неглинной, Театрального проезда, Никольских ворот; здесь погибли два первых храбрых комсомольца Сокольнического района—рабочие тов. Борболин с завода ГЖД и тов. Жубрунов. На этом участке фронт задержался на трое суток, и на четвертые сутки, после артиллерийского обстрела штаба белых и городской думы,—белые сдались.

Примерно, в ночь на 31-е октября с/ст. был получен приказ от Ревкома Москвы об условиях сдачи белых: разоружение, признание Советской власти и т. п. В приказе было указано прекратить стрельбу, но участки фронта бдительно охранять. Однако, стрельба продолжалась еще всю ночь. Среди красногвардейцев в эту ночь велись, примерно, такие разговоры: раз артиллеристы стреляют, несмотря на распоряжение о прекращении стрельбы, то и мы будем стрелять до последнего патрона; артиллеристы же говорили: прекратить стрельбу нужно, раз белые сдались, но не везти же снаряды обратно, если их осталось несколько штук, нужно напоследок попугать белых. На вопросы командного состава: «почему не прекращаете стрельбу», отвечали: «сейчас, осталось только три штучки и все будет кончено».

Но все же белые были побеждены, несмотря на их уменье воевать. Белые, повидимому, рассчитывали нанести удар в тыл красногвардейцам. С этой целью они организовали в одной из дач в Сокольниках штаб в составе—одного генерала, одного полковника, 5 чел. низшего состава офицеров и нескольких юнкеров; но, благодаря бдительности охраны района и сочувствия населения большевикам, их провокация не удалась: все они были захвачены и немедленно отправлены в Красный Штаб. Хотя охрана района отвлекала от фронта много сил, но она оправдала себя: в течение недельного боя в районе не было никаких безобразий и уголовных преступлений. Были и курьезы с нашей охраной: ночью подымали обязательно такую стрельбу, как будто белые нападали на наших. Однажды мне с тов. Шумкиным пришлось ночью опрашивать часовых, охранявших завод, и вы-

яснить, почему такая стрельба и откуда стреляют. На это один товарищ заявил: «стреляем мы, но мы хорошо знаем, что на посту попусту стрелять нельзя. Все же хочется вторить тем, кто сражается там с белыми. Когда станет скучно, возьмешь на изготовку винтовку, выберешь ближайшую звезду, один заряд выпустишь, смотришь и все за тобой,—как-то на душе легче станет».

После битвы хоронили лучших сынов Октября, павших за диктатуру пролетариата, за власть Советов, за социализм. Их было много, пролетариат принял на себя эти жертвы. Так закончились боевые дни Октября в Москве. Настали будни, но не надолго.

Побежденная буржуазия все еще лелеяла надежду, что дни большевиков сочтены и падение Советской власти неизбежно. В бессильной злобе, что большевики все еще продолжают существовать, она во время демонстрации в память 9 января устроила на некоторых улицах засаду с пулеметами для обстрела проходящих к Красной площади рабочих. Обстрел производился на Мясницкой, на Театральной площади из Метрополя, из Торговых рядов по Красной площади. Пулеметы, установленные в здании Торговых рядов, были направлены на трибуну, где выступали вожди. Сокольническому отряду Красной Гвардии и рабочим пришлось попасть под обстрел на Театральной площади. Картина в момент обстрела была такова: перепуганные лошади неслись куда попало, наблюдавший демонстрацию обыватель, не ожидая такого происшествия, в паническом бегстве усеял площадь галошами, шляпами, шапками, а Красная Гвардия, еще не получившая в то время организованных приказаний, открыла беспорядочную стрельбу по Метрополю, Континенталю и большой Московской гостинице. Так продолжалось минут 10. С прибытием коменданта города т. Берзина на Театральную площадь было дано распоряжение прекратить стрельбу, в которой в это время участвовали и другие отряды. С прекращением стрельбы выяснилось, что обстреливал демонстрацию на Театральной площади один пулемет, который и был снят. С нашей стороны оказался один убитым и 5 раненых, исключая обывателей. Несмотря на это нападение буржуазии, демонстрация продолжалась и прошла с большим воодушевлением, чем предполагалось.

В феврале—марте 1918 г. фронт еще не закончившейся империалистической войны разваливался, солдаты бросали окопы и уходили домой в деревню. Сокольническому району было предложено выделить один отряд в количестве 600 чел. для направления на фронт под Гомель против наступавшей немецкой армии; это было исполнено. Отряд под командой Ф. М. Медведя был одним из образцовых и боеспособных, назывался—1-й Московский Революционный Отряд. Отличительными моментами в работе отряда были: захват бронепоезда у противника, участие в задержке наступления противника в глубь Советской страны и поддержании образцового порядка в тылу. После заключения Брестского мира и организации Красной Армии часть отряда уехала с фронта на отдых и для поступления в военную школу. Завод ГЖД выделил на курсы красных командиров всю свою молодежь из числа красногвардейцев в количестве 30 тт.: Коха К., Микус, Монетова, Тучина, Разуваева И., Федорова, Дергачева и других.

Для руководства военной организацией был учрежден Военный Комиссариат в районе и партийная Военная Комиссия при Райкоме, в состав которой входили: М. З. Андреев, Разуваев и др.

Была также организована военная комиссия при заводе ГЖД из тов. М. З. Андреева, Котова и Кузина по обучению рабочих военному делу.

В апреле в районе прошло разоружение анархических организаций. Анархические организации насчитывали на заводе ГЖД 50 чел., деревообделочном около 60 чел., геофизика—10 чел.; разоружение происходило без кровопролития.

В дни лево-эсеровского восстания район превратился в вооруженный лагерь, были мобилизованы все члены партии, на всех стратегических пунктах были расставлены пулеметы, усилены караулы, выставлена застава по направлению к центру. Районным комитетом большевиков было предложено Военной Комиссии арестовать видных деятелей лево-эсеров. Таких в Сокольниках было двое: заведующий продовольственным отделом Совета т. Сорокин и заместитель Военного Комиссара Районного Комиссариата т. Пичугин. На второй день после ареста, они подали в Райком заявление о том, что они решительно осуждают действия своей партии левых эсеров и считают восстание против Советской власти неслыханной наглостью. На основании этого они выходят из партии и просят Районный Комитет большевиков принять их в ряды пролетарской революционной партии большевиков; они были приняты и в настоящее время т. Сорокин, член ВКП(б), работает в Центросоюзе, тов. Пичугин убит на фронте гражданской войны.

Восстание левых эсеров вызвало среди членов партии и рабочих самое сильное негодование. Решено было поддержать Районный Комитет и дать решительный отпор левым эсерам, если они появятся в районе, а также по первому требованию МК выслать отряд на помощь центру, для чего был сформирован отряд в 500 чел. Напряженное состояние в районе продолжалось три дня. От нашей разведки были донесения о том, что левые эсеры движутся по направлению к Каланчевской площади и сейчас же в этом направлении был послан дежуривший во дворе Совета броневик, вслед за броневиком два отряда в 700 чел.; остался еще резервный отряд в 300 чел. и усиленная охрана Совета. Войти в соприкосновение с восставшими нашим отрядам, однако, не пришлось: дойдя до Красных ворот, восставший лево-эсеровский отряд отступил под натиском Красной Армии по направлению к Измайловскому Зверинцу, где он и был разбит.

Август. Разгар гражданской войны, занятие чехами Казани, покушение на В. И. Ленина, угроза существованию диктатуры пролетариата со стороны буржуазии. Районный комитет направлял все усилия на мобилизацию рабочего класса для защиты завоеваний Октября, районная организация большевиков отправляла отряд за отрядом на фронты гражданской войны.

Все лучшие силы районной партийной организации были мобилизованы на защиту диктатуры пролетариата и завоеваний Октября.

Принесенные пролетариатом жертвы за период гражданской войны окупились победой над буржуазией.

Соловьев.

Сокольнические мастерские.

Февраль 1917 года для рабочих Сокольнических мастерских являлся более понятным, чем для рабочих других фабрик и заводов. Это обстоягельство об'ясняется тем, что Сокольнические мастерские впитали в себя большой процент революционно-настроенных рабочих, которые усиленно вели работу по подготовке массы не только к экономической забастовке, но и к вооруженной борьбе.

Эта работа выполнялась нашей организацией РСДРП—большевиков. Из общего числа рабочих в 5.000 чел., партийное ядро насчитывало свыше 100 товарищей, официально работающих в организации; сторонников же нашей партии было до 75%. У многих, не знающих наши мастерские, возникает сомнение в таком большом проценте поддерживающих нашу партию, но нужно вспомнить, что Сокольнические мастерские являлись горном, раздувавшим революционное пламя: не проходило ни одной недели, чтобы рабочие мастерских не подали голоса возмущенного протеста против войны. Из всех партий выступали против войны только одни большевики, вот почему рабочие им доверяли.

27 февраля рано утром получилось известие, что рабочие Петрограда вступили в бой с правительственными войсками и часть солдат петроградского гарнизона перешла на сторону рабочих. Как только это сообщение пронеслось по мастерским, наша организация выбросила лозунг—«Долой войну», «Вся власть рабочим».

На этот клич рабочие мастерских в течение 10 минут вышли за ворота, выстроились в шеренги и с красными знаменами двинулись в центр, снимая по пути рабочих с работ на фабриках и заводах и разоружая полицию, пытавшуюся разогнать твердые ряды рабочих.

К 4 часам дня мы пришли к думе, куда стекались из других районов рабочие и воинские части. Полиция и казаки, пытавшиеся оттеснить нас, были бессильны. В здании думы происходило заседание, на котором был избран Революционный комитет и решено произвести по фабрикам и заводам выборы представителей в Совет Рабочих и Солдатских Депутатов.

Наши мастерские избрали 10 представителей: нас—большевиков, было избрано шесть человек, эсеров—два, меньшевиков—один, анархистов—один. В течение первых двух недель в мастерских не чувствовалось резкого размежевания и отхода

от большевистских лозунгов. Но когда эсеры и меньшевики начали усиленно проводить замаскированную предательскую политику, то ряды рабочих поколебались, отходя к эсерам и частично к меньшевикам. Наша же организация не потеряла авторитета, сохранила твердое большевистское ядро, сгруппировав вокруг себя сознательную часть рабочих.

Несмотря на бешеную травлю, поднятую эсерами и меньшевиками против нашей организации, все же наша организация сумела вырвать массу из-под гнилого эсеровского и меньшевистского влияния. В июле большевистская организация получила большинство в заводском комитете. Одновременно начался рост нашей организации.

Перед организацией стал вопрос о необходимости введения военного обучения среди членов партии и желающих беспартийных. Этот вопрос был решен комитетом ячейки в положительном смысле и попутно с этим поставлен вопрос о закупке оружия, каковая была поручена мне. С добычей оружия дело обстояло очень и очень трудно. Первоначально мне удалось договориться с анархистами, обещающими доставить 50 штук винтовок русского, японского образца и берданок, по цене 200 руб. русского образца, 150 руб. японского и 50 руб. берданки; но из 50 винтовок получили только 5 русских от Козловского.

Спустя несколько времени мною получено 7 штук винтовок: 3 русских и 4 берданки, из 56 полка, но вскоре товарищ, доставлявший эти винтовки, был откомандирован на фронт и получить больше уже не пришлось. Вот с этим запасом оружия оставались мы до Октября.

Военная же подготовка не только членов партии, но и беспартийных шла успешно, несмотря на устраиваемые эсерами и меньшевиками каверзы. Подготовка к Октябрю носила организованный, системно-плановой характер, под руководством нашей организации при мастерских.

Накануне Октябрьского восстания рабочие на местах подготовлялись к выступлению и ждали только решения Московского Совета и призыва большевистской организации. В 9 час. вечера 25 октября этот призыв и решение широко разнеслись по фабрикам и заводам. Наши мастерские вмиг поставили себя в боевое положение: закипела живая работа по подготовке мастерских, как районной базы формирования и снабжения боевых частей, эта роль мастерских заранее учитывалась. Проявленная энергия и энтузиазм в решительный момент присущи только рабочему классу. В 12 час. ночи происходило срочное заседание партийного комитета, на котором избрана чрезвычайная тройка со всей полнотой власти на территории мастерских и в прилегающем к ним районе.

Состав тройки—2 коммуниста и 1 анархист. Коммунисты—тт. Андреев и Шумкин, анархист—т. Козловский (кавказец). Избранная тройка приступает к своей работе: первое—формирование отрядов, вооружение их, заготовление запаса продовольствия и строгий учет людей; распределяет всех по местам и дает соответствующие распоряжения. Все указанное, за исключением вооружения, выполнялось без особенного затруднения. Но вопрос о вооружении стоял чрезвычайно остро и трудно, почти безнадежно,

но все же рабочие от этого панически не настраивались, а наоборот, становились энергичнее.

С вооружением вопрос разрешился лишь на второй день. Райтройкой были обнаружены большие запасы оружия на Рязанском вокзале, откуда оно было перевезено в наши мастерские.

С поступлением оружия настроение поднялось до крайнего напряжения. Каждый из отрядов рвался и настойчиво требовал отправления его на фронт происходящих боев.

В течение 15 минут все привезенное оружие было на учете и установлено в пирамиды. Еще через 10 минут первые три отряда были вооружены и отправлены к почтамту на Мясницкую. Не прошло 30 минут, как в распоряжение тройки прибыли рабочие Кольчугинских заводов, заявляя, что они требуют срочного вооружения и отправления в бой. Из 200 чел. были организованы два отряда, которые отправились к месту боев. Отряды Кольчугинских заводов по прибытии на Лубянскую площадь были встречены противником у Никольских ворот ураганным пулеметным огнем и через 10—15 минут из строя выбыло до 50 товарищей. Но необходимо отметить героический натиск, проявленный Кольчугинскими отрядами под командой израненного пулями начальника. Несмотря на пулеметный огонь, они пробились через него, очистили Лубянскую площадь и двинулись дальше, очищая Никольскую улицу и Театральный проезд, обстреливая «Метрополь».

Отряды нашего завода были расположены под Никольскими воротами, заняв участок Варварских ворот.

К утру выбили противника из Китай-города, продвигаясь к Кремлевским стенам. Все трудности, встречающиеся на пути, были преодолеваемы.

Трудней всего стоял вопрос с санитарными частями, их у нас почти не было. Были моменты, когда носовой платок служил вместо бинта. Медицинскую помощь легко раненым оказывали товарищи С. Н. Волхонская и Смирнов. Тяжело раненых отвозили по больницам и лазаретам.

Сокольнические мастерские играли не последнюю скрипку в деле Октябрьской революции и остаются они и в настоящее время теми же ярко-красными.

К. Кох.

В рядах Красной Гвардии.

В 1917 г. работал я токарем в инструментальном цехе Сокольческих мастерских (ГЖД), которые во время подпольной работы так же, как и в момент революции, являлись центром, откуда исходила инициатива и стекались сведения о работе в районе.

В мастерских во время империалистической войны работало около 5.000 чел. и наша большевистская фракция была довольно многочисленна—около 50 чел., при чем в инструментальном цехе на число работающих 150—200 чел. рабочих 50% принадлежали к разного рода революционным партиям; большевистская фракция состояла из 60 чел. и немудрено, что все стачки и забастовки проходили под нашим руководством.

Настала Февральская революция, и мастерская, как один человек, вышла на улицу, обезоруживая полицию и снимая с работ рабочих других предприятий.

На следующий день в мастерских был устроен митинг, который тянулся всю неделю почти беспрерывно; на этом, так сказать, недельном митинге нашим лозунгом было: вооружение рабочих, вся власть Советам, предприятия рабочим, а земля тому, кто на ней работает, т.-е. крестьянам.

Через несколько дней после Февральской революции ячейка направила нас—18 человек—во главе с т. Крючковым в городскую думу за оружием, которое находилось в гостинице «Континенталь». Мы получили 18 револьверов и к ним по несколько пачек патронов.

Работа в мастерских проходила вяло, так как рабочие больше времени проводили на собраниях, обсуждая вопрос о прекращении изготовления снарядов и о переоборудовании мастерских, чтобы перейти на ремонт трамвайных вагонов и автомобилей.

Наша фракция большевиков не теряла времени даром и мы в мае месяце приступили к организации отряда Красной гвардии, организатором которой являлся т. Андреев. Первая группа красногвардейцев была очень невелика, всего обучалось около 15 чел.—все большевики, но с каждым днем стали прибывать к нам сочувствующие беспартийные рабочие и двое левых эсеров, так что через месяц нас обучалось около 50 чел., а весь отряд составляли 100 — 120 красногвардейцев. Обучение проходило успешно, обучались мы по вечерам после окончания работ в мастерских и во время обеденного перерыва на территории мастерских, не обращая внимания на уговоры заведующего мастер-

скими инженера Гущина, который пугал нас нарушением с нашей стороны законов и казаками. Плохо обстояло дело с оружием, так как на весь наш отряд была лишь одна винтовка, из-за которой происходила не одна драка между нами.

Подучившись в течение месяца на территории завода, мы перешли обучаться на площадь около мастерских, где как раз в это время обучались солдаты, глядевшие с недоумением на то, что происходит, но через некоторое время они приняли живое участие в наших занятиях, указывая на наши неловкие приемы в исполнении команды и поправляя нас. Однако, офицеры скоро пришли в себя от удивления и увели солдат. Когда же подобная картина повторилась и на следующий день, солдат перестали выводить обучаться на площадь. Вскоре нам удалось раздобыть патроны и мы могли впервые обучаться стрельбе из винтовки. Стрельбище мы устроили на свободном участке на территории мастерских, где соорудили мишень и к ужасу наших меньшевиков довольно-таки метко попадали в нее.

В июльские дни Сокольнические мастерские во главе с отрядом красногвардейцев вышли на улицу, прошли до центра и такими же стройными рядами возвратились до Красных ворот, а потом рассыпались на митинги, которые продолжались до поздней ночи.

Вскоре Сокольнические мастерские получили заказ от военного ведомства на ремонт броневых машин, одна из которых («Ахтырец») была на ползунах и с 3-дюймовой пушкой; неоднократно мы—красногвардейцы—подумывали о том, как хорошо было бы использовать машины в предстоящей борьбе, но машины были неисправны и не было бензина.

В момент восстания с 24 по 25 октября я работал в ночной смене от 6 час. вечера до 6 час. утра. Работа не вяжется и то же происходит с моими товарищами по работе, так как уже днем мы узнали, что в Ленинграде происходит восстание. В 11 часов вечера в мастерские прибыл из Райкома товарищ и сообщил, что всем большевикам следует явиться в Ревком.

Бросаю работу, наскоро умываюсь, прохожу по другим цехам, предлагаю большевикам бросать работу и итти в Ревком. Вместе с нами работу прекращают и расходятся по домам рабочие во всех цехах, кроме механического цеха, в котором работы продолжаются, так как в этом цехе работала самая консервативная часть рабочих и эсеры свили в этом цехе прочное гнездо.

В Райкоме нас распределили кого куда,—меня направляют в Московский Совет за оружием. Около Совета стоит громадная очередь пришедших за оружием рабочих. Когда моя очередь дошла до дверей Совета, оказалось, что оружия нет и мне пришлось ни с чем возвращаться в район; на обратном пути слышна была сильная ружейная стрельба в центральной части города. В Ревкоме узнаю, что разосланные красногвардейцы нашли на путях Рязанского вокзала несколько вагонов с винтовками и на Октябрьском вокзале винтовочные патроны; часть винтовок была уже перевезена и распределялась среди прибывших в Ревком рабочих, при чем винтовки раздавались в первую очередь рабочим, проходившим военную службу, а нам, молодым красногвардейцам, в них отказали.

Тов. Сарра Бродская так энергично исполняла постановление Ревкома—не дать нам, молодым, винтовок—что села верхом на ящики с винтовками. Мы, понятно, чувствовали себя обиженными и свое право на оружие взяли силой, стащив т. Бродскую с ящиков и разобрав винтовки. Тут же мы были направлены на Октябрьский вокзал за патронами и на Рязанский за винтовками и всю ночь возили патроны и винтовки. А Ревком в составе: тт. Русакова, Сарры Бродской, Ефремова, Преснякова и Медведя—вооружал и направлял красногвардейцев по нарядам Центрального Ревкома.

На следующий день при Сокольнических мастерских был создан Ревком в составе тт. Шумкина, Андреева—большевиков и т. Козловского (кавказец)—анархиста. База оружия, снаряжения и продовольствия была перенесена в мастерские; но сколько было через нее пропущено красногвардейцев никто наверное не скажет, а народу проходило много, так как наша база являлась центральной базой в Москве и каждый вновь прибывающий к нам товарищ здесь вооружался, определялся в отряд и направлялся по назначению. Очень трудно было уговорить кого-либо из нас остаться в охране при базе. Кроме прибывающих с заводов рабочих, в наш Райком явился бывший офицер т. Лозовский со своими сыновьями и предложили свои услуги Ревкому. Тов. Лозовский во время Октябрьской борьбы пролетариата с белыми шел плечо к плечу с нами.

Мне лично приходилось участвовать в уличной перестрелке с белыми только раз в окнах на Варварке: мы обстреливали Кремль и белые в свою очередь довольно-таки метко осыпали нас пулями. При взятии штаба белых в Сокольническом лесу в одной из санаторий мы взяли 8 человек бывших офицеров. Когда мы отвозили их в Московский Совет, то на Сухаревской площади попали под пулемет белых; никто из нас не пострадал, если не считать, что наш грузовик в нескольких местах был пробит пулями.

В Совете мы узнали, что в Ревком прибыли белые парламентеры с предложением прекратить бой. Возвратившись в наш районный Ревком, передали весть о капитуляции белых, которая с восторгом была встречена всеми. Однако, пулеметная орудийная и оружейная стрельба продолжались и весь этот гул сливался, наполняя ушедший в густой туман город сплошным ревом.

Закончился бой, но Красная Гвардия продолжала под руководством т. Андреева обучаться стрельбе из винтовок и пулемета. Первое упражнение стрельбы из пулемета у нас происходило в бывшей квартире заведующего мастерскими инженера Гущина, в его столовой, освобожденной от мебели; мы втащили в нее пулемет и пустили в ход, но от отбитой штукатурки и разбитых кирпичей летело столько осколков и поднялась такая пыль, что мы вынуждены были прекратить стрельбу. Потом мы перенесли стрельбище в пустую вновь выстроенную мастерскую, где от стрельбы пулями продолбили кирпичную стену; позже стрельбище находилось на свободном поле на территории мастерских.

Наступил новый 1918 год и вместе с ним праздник 9 января. Москва в первый раз увидала те громадные и стройные, тянущиеся без конца колонны, которые теперь заполняют улицы

Москвы в пролетарские праздники и в моменты, когда Союзу Советских Республик угрожает опасность от мирового капитализма. Но первая демонстрация не прошла без приключений: в тот момент, когда наши колонны поравнялись с площадью Революции, белые открыли стрельбу из пулемета и винтовок. Хотя выходя на демонстрацию мы были готовы на всякую случайность, но ни в коем случае не ожидали такого дерзкого выступления белых; при первых выстрелах в рядах демонстрантов воцарилась паника; особенно поддались панике женщины. Но красногвардейцы оказались на своем посту: часть, расположившись на площади, обстреливала гостиницу «Континенталь»—оттуда стрелял пулемет белых. Броневые машины, участвовавшие в демонстрации, выехали на середину площади и также открыли стрельбу из пулеметов по «Континенталю». Броневая машина «Ахтырец» открыла стрельбу из пушки по гостинице «Метрополь», выпустив 3 снаряда. Мы с т. Котовым, поддерживаемые группой товарищей, попытались захватить стрелявших по нас белых, расположившихся в сквере вдоль стены Китай-города.

Увидав такую дружную встречу, белые не выдержали, побежали вдоль стены к «Метрополю» и через забор скрылись во дворе дома, но там были нами настигнуты и арестованы. После кратковременной паники порядок быстро наладился и шествие продолжалось. К захваченным нами во дворе «Метрополь» пленным присоединили еще группу арестованных на чердаке «Континенталя»; таким путем всех арестованных оказалось около 30 чел. Доставить их в Совет было не так уже легко, так как демонстранты неоднократно стремились отбить у нас пленников.

В последних числах января наш отряд, прошедший бой в Москве, усиленный красногвардейцами других фабрик и заводов района, сорганизовался в 1-ю Московскую Боевую дружину и поехали на Западный Фронт. Начальником отряда был рабочий тов. Маленков. Организация отряда и обмундирование проходило в Сокольнических мастерских и главным организатором отряда являлся т. Андреев.

Настроение у всех было бодрое и боевое, так что мне, будучи занятым при снаряжении отряда, не пришло в голову пойти домой проститься, а отослав домой свое платье, я так и уехал на фронт.

В последний день перед отправлением на фронт к нам присоединился офицер Гравин, который впоследствии на фронте своим примером личной храбрости увлекал нас, красногвардейцев.

На фронте мы занимали участок на Западной жел. дороге между ст. «Ново-Зыбков» и «Злынка».

Первая наша перестрелка с белыми была неудачной, так как по нашей цепи, которой командовал т. Андреев и которая расположилась в лесу, по правой стороне железной дороги,—стрелял не только противник, но и наша собственная артиллерия осыпала нас шрапнелью и осколками сбитых сосен. Дальнейшие наши сражения были более удачными и мы заняли несколько пунктов противника, как-то пост «Закопытье» и «Добруш», но удержаться в этих пунктах нам нельзя было из-за нашей неорганизованности по сравнению с регулярными войсками немцев и нам приходилось отходить.

Получив известие, что заключен мир с немцами, наш отряд раскололся и образовалось два течения: одно за продолжение войны, другое за мир и немедленное возвращение в Москву. Невыносима была серьезная борьба слабо организованными силами, которыми мы располагали против прекрасно организованного противника и мы в большинстве возвратились в Москву.

Около месяца работали в мастерских за станком, продолжая в свободное время обучение в отряде. В это время Райком запросил мастерские о желающих итти на командные курсы. Из мастерской нас записалось: тт. Разуваев, Тучин, Кох, Микус, Таланов, Дергачев и Крымкин. Будучи на курсах мы поддерживали связь с мастерскими и приходили обучать товарищей из мастерских военному делу.

В нашу бытность на курсах нам приходилось принимать участие в борьбе с анархистами. Мы действовали против их отряда, засевшего в Покровских казармах. Мне лично пришлось также участвовать в сборном отряде курсантов при обысках и аресте группы эсеров на ст. «Перово» Курской ж. д., организовавших покушение на В. И. Ленина.

По окончании курсов мы получили назначение на Южный фронт, где еще продолжали существовать неподвижные отряды Кеквидзе, Сиверса и анархистки Маруси. Особенно занятными были отряды Кеквидзе со своими громадными обозами, переполненными семьями красногвардейцев и со стадами разного рода скота; и нет ничего удивительного, что для успешного боя они были непригодны вследствие своей малой подвижности и гибкости. Эти отряды претендовали на самостоятельность, которую нам, красногвардейцам новых красных полков, приходилось особо резко испытать, когда один или сразу два наших фланга оказывались вследствие отсутствия отрядов открытыми и неоднократно противник действовал в нашем тылу. Служа в 3-м Курземском полку и занимая участок между отрядами Сиверса и Кеквидзе, приходилось неоднократно убедиться, что отряды справа и слева были да исчезли.

В таких условиях пришлось воевать с войсками генерала Краснова осенью 1918 года.

Щербаков.

„Сварз“ в Октябрьские дни.

26-го октября я явился в ячейку при Сокольнических мастерских с наганом в руках. Юнкера уже выступили накануне. В ячейке было много рабочих, которые требовали выдачи им оружия, чтобы итти в бой, но оружия было очень мало, винтовок штук 7—8, да и те без патрон, и револьверов штук 12. Мой пистолет сейчас же был взят Ревкомом, который состоял из 3-х товарищей: Шумкин, Андреев и Козловский, а мне было предложено вести учет выдаваемого и сдаваемого оружия красногвардейцами. Днем из местных казарм пришли солдаты, вооруженные винтовками, которые сейчас же отправились в город против юнкеров. Вскоре из Райкома принесены были винтовки (штук 20—30, с несколькими патронами), которые рабочие буквально рвали из рук, чтобы итти в бой. Большинство же осталось опять без оружия.

Работницы мастерских организовали санитарные отряды, из местных больниц были взяты некоторые перевязочные материалы и несколько штук коек и одеял. Военные учреждения предоставили несколько грузо-машин и у частных владельцев были взяты легковые шоферы, кои все боевые дни работали с нами. Через несколько дней железнодорожники открыли на путях Казанской дороги несколько вагонов с винтовками, предназначенными к отправке на Германский фронт, часть коих мы на своих автомобилях привезли в мастерские. Затем привезли из Мызы-Раево несколько грузовиков патрон, что дало возможность вооружить всех рабочих и солдат, которые покинули казармы и пришли в Ревком. Сокольнические мастерские сотнями посылали в бой вооруженных красногвардейцев. Тут же в мастерских тов. Гусев и другие инструктировали и обучали стрельбе из винтовок тех красногвардейцев, которые никогда не брали винтовку в руки, например, рабочих Кольчугинского завода (около 600 чел.) и других подмосковных заводов (человек 500). Все бойцы получали в мастерских горячие обеды и чай с закуской. Продовольствия было в достаточном количестве в кооперативном магазине при мастерских. Приезжие товарищи расквартированы были в мастерских, столовая с поварами работала день и ночь. Всех сытно покормили. Столовая эта была еще организована в 1916 г. рабочими при помощи Московской Городской Управы, вернее под давлением рабочих, работающих в мастерских.

С получением винтовок Сокольнические мастерские были главной военной базой в Москве. Моя личная миссия по вы-

даче оружия красногвардейцам с каждым часом увеличивалась и удесятерялась. С получением оружия с Казанки и из Мызы-Раево в течение дней 3-х образовался склад всякого оружия, вплоть до орудийных снарядов с удушливым газом, которых к счастью применять не пришлось. Этот склад и после победы долгое время снабжал оружием другие районы. Грузовики сновали беспрерывно, отвозя вооруженных красногвардейцев и привозя сменившихся подкрепиться горячим обедом и чаем. Трамваи, пока не были оборваны провода, подвозили бойцов к центру. Живущие поблизости рабочие, не смогшие почему-либо участвовать с оружием в руках, всячески старались быть чем-либо полезными. Приходили в Ревком с заявлениями на спекулянтов, указывая тайные склады их с каким-либо товаром. Ревком и этому злу не давал потачки, наряжал особые отряды для проверки таких случаев, при чем обнаружил у какого-то домовладельца тайный склад автошин и камер и мануфактуры.

Крепко засели юнкера на Московской телефонной станции и чтобы вышибить их, пришлось выделить особый отряд под руководством тов. Оводова, который с кольчугинцами осадил ее почти со всех сторон. День и ночь отстреливались белогвардейцы и, наконец, сдались. Очевидцы кольчугинцы рассказывали, что когда было взято здание и в помещение проникли красногвардейцы, то все верхние этажи не имели ни одного целого стекла и были покинуты белыми. Скопились же они в нижнем этаже с убитыми и ранеными. Тут же с ними оказались телефонистки, которых белые несколько дней не выпускали, заставляя их работать на коммутаторах для связи с белыми и которые чрезвычайно рады были падению белых, так как с ними обращение было самое грубое и циничное. В боях «телефонкой» кольчугинские товарищи потерили нескольких бойцов.

Прошла неделя, в течение которой многие товарищи ни разу не заглянули домой, работая и сражаясь день и ночь. Когда победа окончательно была закреплена по всей Москве и товарищи, приехавшие из провинции, стали собираться домой, то они получили трофеи: винтовки, пулеметы для своих заводских боевых организаций.

Крылов.

Воспоминания о Красной Гвардии.

Февральская революция застала меня на заводе б. Устрицева (у Бутырской заставы), ныне «Трансмиссия». Мне было 20 лет, работал я учеником в токарном цехе. Мое участие в Февральской революции выразилось в том, что я ходил вместе с рабочими останавливать другие предприятия, затем был на митинге у б. Думы и у Спасских казарм, когда вели переговоры с солдатами. Там же у Спасских казарм во время паники, возникшей в связи с случайными выстрелами, меня изрядно помяли. Вот и все, что осталось у меня в памяти от Февраля.

В июне или в июле 1917 г. я перешел работать в Сокольнические вагонные ремонтные мастерские. В партии я ни в одной не состоял, ибо не считал себя в праве вступить в какую-либо партию до тех пор, пока основательно не разберусь в каждой из них. А партий тогда было много: большевики, меньшевики, анархисты, эсеры. Да и анархистов-то сколько: анархисты-синдикалисты, анархисты-коммунисты. Вот и изволь разобраться, да еще совершенно не будучи знаком с какой-либо политической литературой! В этот момент атмосфера сгущалась. Чуть ли не ежедневно шли митинги, особенно в августе и сентябре. Я жадно ловил каждый спор на политическую тему. А спорили так, чуть ли не вступали в рукопашную. Все больше и больше я убеждался в правильности линии большевиков.

Накануне решительного момента я записался в Красную Гвардию и был назначен в число караула при броневиках, которые находились в гараже Сокольнических мастерских. Броневики были, кажется, следующие: «Ахтырец» и два маленьких быстроходных №№ 1 и 2. В карауле состояло 10—12 человек. Старшим отряда был тов. Григорьев. Дежурили не только в гараже, но и у всех ворот мастерских.

Прошли октябрьские бои—мы победили. Опять завертелись станки, опять задымились трубы. Но винтовки из рук выпускать нельзя: развился бандитизм. Бывало и так, что чуждые революции элементы, чтобы удобнее действовать, записывались в Красную Гвардию и милицию. Они позорили Красную Гвардию и надо было с ними бороться.

В январе 1918 г. Красная Гвардия бросает призыв: «на немцев белогвардейцев». Формируется отряд. Записался в него и я. Дома об этом не сообщил. К чему, думаю, лишние слезы и все эти драмы. Все равно я решил бесповоротно. За день перед отправкой на фронт, когда получил обмундирование, на

квартиру я уже не пошел. Ночевал в штабе Красной Гвардии в трактире «Золотой Якорь». Всю ночь кипела работа.. Привозили и раздавали снаряжение. В одном углу кучка отправляющихся дружно поет «Варшавянку», в другом рыдает на груди только что одетого в солдатскую форму красногвардейца жена или мать. Дошла очередь и до меня. Жена, обеспокоенная моим отсутствием, под утро находит меня в штабе в полном вооружении и готового уже отправляться. Она поняла, что решение мое категорическое и что ей не остается ничего более, как проводить меня на вокзал. Как я ни крепился, а все-таки перед отправкой поезда, когда дали сигнал, немножко—грешен—всплакнул. Оркестр играет Интернационал и поезд двигается. Милая жена, милая старушка мать, как вы мне близки-дороги... Но ведь революция в опасности. У меня жена, мать. Мне жаль их. Другому тоже. Кто же будет тогда драться против тех, кто хочет одеть нам ярмо? Нет, все в сторону! Посмотри вокруг и все забудешь. Вот мальчик—ему, вероятно, лет 16—17. Вот старик, уже седой. Мне ли предаваться сомнениям? Поезд давно уже катит за третью станцию. Вагоны классные. Товарищи делятся впечатлениями проводов. Шутки, смех и песни. На площадке стоят и поют «Варшавянку» т.т. Медведь, Аронштам, Маленков и товарищи по мастерским—Андреев М. З., Журавлев и Григорьев («милый папаша», как мы его звали) и еще кто-то. В вагоне жизнь кипит. Кто ремень прилаживает у винтовки, кто сумку приводит в порядок, но всех забавнее «пулеметчик» Пашка (убит под Гомелем), такой юркий, лет 19—20, светлый блондин. Снаряжая ленты для пулемета, пересыпает он свою речь крепкими ругательствами в бога и всю небесную канцелярию.

Когда наш поезд от'ехал от городка Новозыбков, Полесской ж. д., по вагонам передали команду «приготовиться к бою». Толкучка, спешка, серьезность, как обыкновенно бывает в таких случаях. Пулеметы выставлены на площадках вагонов жерлами на обе стороны. По обеим сторонам ж. д. сосновый лес. Наконец, поезд замедлил ход и стал. «Вылезай»,—командует начальник т. н. взвода (чел. 12—15). Соскакиваем на полотно ж. д. Солнце светит по-весеннему, день очень хорош. Впереди чуть виден дымок от паровоза.

— Эй, ребята, это наверно наш броневик стоит!

— Ну да,—кто-то отвечает,—а ты что думал, немцы там?

Не успел отвечавший закончить свою речь, как этот «наш броневик» бухнул и недалеко от поезда взорвался трехдюймовый снаряд.

— Первый взвод направо, в лес! Второй налево! Живо!

Броневик ухнул второй раз. Опять перелет. Третий снаряд ударил в край платформы со снарядами, но к счастью не задел их. И пошла потеха. «Назад! Поезд!»—дают команду. «Снимай пулеметы!». Поезд дает задний ход и мы успеваем снять, кажется, только два пулемета. Вместе с поездом уехали и многие бойцы, не успевшие почему-либо слезть. Я попал на правый фланг. Рассыпались в цепь. Всего нас человек сорок. Медленно двигаемся вперед. Не помню, кто руководил этой горсточкой храбрецов: не то т. Маленков, не то т. Семенов. Было категорически запрещено без команды стрелять. Продвинувшись еще

ближе, мы увидели в полуверсте или меньше вагоны-площадки, на которых суетились люди. Один с левого фланга нашей цепи не утерпел и выстрелил. В ответ мы получили такой свинцовый град пуль, который заставил нас отступить. По всей вероятности, противник не ожидал, что мы так близко подошли к броневику и прицел взял выше. Мы не выдержали и в порядке отступили. По дороге бросали сумки, топоры, лопаты и противогазы. В этот момент мне пришлось убедиться, что наши начальники оказались достойными товарищами. Нужно было спасти пулемет «Максим» и ленты для него и т.т. Маленков, Ароштам, Медведь, Андреев (и еще кто-то) вынесли из-под обстрела пулемет и все ленты. Отступив версты 3—4 назад, мы сошлись у полотна ж. д., где и сели отдохнуть и держать «военный совет». Чуть было не забыл: по дороге назад был пойман шпион и тут же расстрелян. Под черным пиджаком у него был старый мундир, записная книжка на немецком языке и какие-то мелкие чертежи... Сидим, курим, смеемся. Вдруг едет наш «броневик», а «броневик» состоял из паровоза (самого обыкновенного товарного паровоза) и двух платформ. Одна впереди паровоза с трехдюймовым орудием и снарядами, другая—с пулеметами, обложена на ½ арш. по бокам цементными балками. На броневике уехавшие с поездом бойцы. Увидя нас, они остановились и, забрав нас с собою, опять поехали в бой. На этот раз победа была на нашей стороне.

Прибыв с отрядом на пополнение в Москву, я вскоре был мобилизован в ряды Красной Армии, как родившийся в 1896 г. Красная Гвардия при организации Красной Армии сыграла громадную роль. Призванные в ряды последней два года—1896—1897 уже испытали прелести «отечественной» войны и имели тенденции или к срыву этой мобилизации или к дезертирству. Вот тут-то Красная Гвардия и сослужила свою службу. Иногда в лагерных палатках на Ходынке, там, где не было красногвардейцев, создавалось определенное настроение против какой бы то ни было войны. Там же, где были красногвардейцы, дело обстояло иначе. Как только кто начнет заикаться о том, что воевать не надо, надоело и т. д., красногвардеец начинает доказывать, спорить. Побаивались также, как бы он не донес начальству. Вскоре это было учтено и в палатки стали вливать определенное число красногвардейцев, по одному, по два. Ответственные наряды могли доверять только бывшим красногвардейцам.

В 1919 г. на фронте гражданской войны я вступил членом РКП(б) и состою до сих пор.

Вечер воспоминаний на Северной жел. дороге.

(Отрывки протокольной записи).

Речь тов. Палкина.

— До Февральской революции у нас в мастерских Сев. ж. д. подпольной партийной организации не существовало и те легальные рабочие организации, которые существовали у нас перед началом революции в виде цеховых старост, действовали без определенного политического руководства, на свой страх и совесть, занимаясь, главным образом, вопросами чисто продовольственными и по улучшению материального положения рабочих. Поэтому естественно, что при возникновении революции мы были предоставлены самим себе. Тем не менее, как только получили известие о рабочих забастовках в Петрограде, мы инстинктивно почувствовали, что надо было нам делать. И мы, наскоро заготовив флаги с лозунгом: «да здравствует свобода» всеми мастерскими двинулись в город.

Первое столкновение с правительственными войсками было у Южного моста. Но под нашим давлением солдаты быстро отступили, не сделав нам никакого вреда. Встретившие нас на Садовой-Сухаревой казаки также пропустили нас без всякого сопротивления. Таким образом, мы беспрепятственно подвигались вперед, увлекая за собой все новые и новые толпы. Между прочим, у Сретенских ворот с нами произошел следующий инцидент: цепь солдат во главе с юнкером загородила было нам дальнейшую дорогу, при чем юнкер, отдав распоряжение стрелять в толпу, выхватил револьвер и шашку, но был тотчас же разоружен каким-то инвалидом. В общем можно сказать, что первый день революции прошел спокойно.

На второй день у нас был митинг, на котором производились выборы в 1-й Московский Совет. Благодаря нашей неорганизованности в Совет прошли чисто случайно интернационалист Рудкий и эсер Потапов. Но вскоре после этого мы уже имели партийную большевистскую организацию, которая стала завоевывать себе авторитет среди рабочих.

На первом делегатском собрании всех служб тов. Парфенов, выделенный на это собрание от малярного цеха, сумел наладить связь с выступавшей на этом собрании от РСДРП (большевиков) тов. Машей Черняк, которая и собрала первое организационное собрание, положив начало нашей партийной ячейке. Собрание это было созвано в бараке Сл. Пути (ныне там помещается Местком № 4). На нем присутствовали товарищи из 1-го участка Службы тяги: Парфенов, Евсеев, Ежак, Ши-

матурин, Палкин и др. Был заслушан доклад тов. Маши Черняк о задачах партии и об уставе. По ознакомлении с последним мы сразу стали перед затруднением: по уставу для приема в партию требовалось не меньше 2-х чл. партии поручителей. Но мы вышли из этого затруднения круговой порукой.

Вскоре нам удалось нашу работу развернуть довольно широко. Запись в нашу партию шла, что называется, самотеком и некоторые из бригад, как например, бригада под'ема, вступили целиком в нашу партию. Таким образом, на происходившей в апреле 1917 г. партконференции Московской организации РСДРП (большевиков) мы уже имели 6—7 представителей.

К этому времени на участке начали оформляться и другие политические партии: меньшевики, эсеры и т. д. Характерно отметить, что они начали строиться по цехам. Так, столярный цех выдвинул своего руководителя эсера Лукичева и весь цех шел за этой партией. Меньшевики группировались среди более привилегированной части рабочих-токарей, машинистов и конторских служащих.

Развернувшиеся события и предательская политика временного правительства с его прихвостнями—меньшевиками и эсерами заставляли рабочих все ближе подойти к нашей большевистской партии и симпатии к нам все больше и больше росли. На всех митингах, устраиваемых нами в мастерских, именно наша партия имела больше всего сторонников.

Только травля, поднятая против нас после июльских событий 1917 г., несколько поколебала наименее устойчивую часть нашей ячейки. Некоторые из членов ячейки стали сдавать свои партбилеты. Но и это до некоторой степени улучшило и укрепило нашу организацию. Остались в ней твердые и выдержанные товарищи. Количеством поменьше, но качеством получше. Уже тогда в воздухе чувствовалась гроза. Лозунг, выкинутый нашей партией: «вся власть советам», подхватывался все большей и большей массой рабочих и к этому времени ячейке удалось развернуть довольно широко агитационную работу и работу по связи с вышестоящими партийными органами. Мы установили связь с железнодорожным партийным комитетом, наладили связь с нашими партийными организациями на линии Сев. ж. д., а также и с представителями нашей партии в Л. Н. (Главный Комитет ж. д.)—товарищами Позднеевым, Кастиным и впоследствии с тов. Мироновым.

Наша партия уже вела тогда горячую подготовку к вооруженному восстанию. На места по ячейкам были даны директивы о выборе начальника Красной Гвардии и о подготовке организации к оперативным действиям.

Перед самым октябрьским восстанием нашей ячейкой был устроен грандиозный тысячный митинг, который затянулся до глубокой ночи и на котором присутствовал весь цвет эсеро-меньшевистской головки. Но все их попытки убаюкать рабочих были тщетны. Они встречали рабочие хлопки со стороны присутствовавших управленцев, вся же остальная рабочая масса была солидарна с большевиками.

На этом собрании была принята резолюция, призывающая к активному действию всех рабочих, после чего ячейкой была

открыта запись рабочих в Красную Гвардию. Правда, на этом собрании записалась небольшая часть рабочих, но это нас нисколько не огорчало, ибо мы были вполне уверены, что не настал еще час действия и в нужную минуту рабочие окажут свою поддержку нашей партии, что вполне оправдалось впоследствии.

Вторая и более трудная задача, ставшая перед нами,—это изыскание оружия и снабжение им рабочих, ибо наша ячейка тогда совсем не имела оружия, за исключением 2—3-х товарищей, имевших револьверы и те без патрон. Но при первых же выстрелах в Москве все рабочие были на ногах и группировались вокруг месткома, превратившегося в это время в революционный штаб. Выделенные ячейкой тт. Ежак Яков и Захаров Павел заняли должности начальников Красной Гвардии. Они имели тесную связь с Военно-Революционным Комитетом ж. д. Моск. узла. К сожалению, трудно мне описать то настроение, энтузиазм и бешеный под'ем, охвативший всех рабочих, чтобы молодые наши товарищи, не принимавшие участия в Октябрьских днях, могли перенестись в полные бурь и героической борьбы дни.

Так организовалась, росла и крепла в первых боях наша ячейка.

Речь т. Кузьмина.

У паровозников из числа первых социалистов, работавших в подполье, были: Новгородцев, Колесников (эсер) и Фитье. Первые двое были арестованы, а Фитье, получив полный паспорт, скончался во время своего скитания где-то у Ростова. Таким образом, в начале революции наиболее левыми революционерами из паровозников оказались я и Гричинин.

Я помню, как мы еще перед революцией, собравшись у меня на квартире, обсуждали с тов. Гричининым вопрос, как поднять дух у паровозников и решили тогда же написать коллективное требование об увеличении заработной платы. Выбранными делегатами оказались я, Гричинин и Якубовский. Предполагался наш арест и мы остались только благодаря совершившемуся перевороту, благодаря революции. В первый состав месткома паровозников были избраны Таранов и я. Мы вели усиленную агитацию против войны и достаточно преуспели в этом.

Пользуясь своим авторитетом среди рабочих, мы подготовили забастовку, которая должна была произойти 20 июля. Был избран стачечный комитет в лице Григорьева, Таранова и меня, но ЦК нашего союза забастовку проводить не разрешил. Видя такой консерватизм ЦК и учитывая вообще обстановку, в которой нам приходилось работать, мы стали вести агитацию и добились уничтожения месткома паровозников и слияния его с об'единенным рабочим месткомом. Во время Октябрьской революции мы разоружили на станции проезжающих офицеров, и, наблюдая за генералом Рузским, все время держали связь с Петроградом.

Речь т. Миронова.

Революция застала северян врасплох. Она была подготовлена репрессиями администрации. Нашим первым выступлением

и первой победой было—снятие военного патруля, который поставили нам в мастерские. Как только мы увидели солдат, мы тотчас же собрались на канаву и потребовали к себе начальника участка. Растерявшийся нач. участка Якобсон тщетно пытался успокоить, об'ясняя, что это не его распоряжение, а коменданта. «Давай коменданта», требовали мы. Еще больше растерявшийся комендант принужден был подчиниться нашим требованиям и патруль был снят. Дальше—Февральская революция, которая, кроме призрачных и заоблачных обещаний, ничего не дала рабочим и, наконец, Октябрь. Во главе с председателем Лосино-Островского месткома Михаилом Ивановичем Лопаревым мы расставили патрули, приняли на себя охрану станции, разоружали проезжавших офицеров. И только когда власть перешла в руки рабочих, мы вздохнули свободно.

Речь т. Хрулева.

Подпольная работа на Северной ж. д. велась усиленным темпом. Основным хребтом можно было назвать Вологду, где работала в то время сестра т. Ленина, затем Ярославль, Званку и Вятку.

Революция тогда чувствовалась весьма основательно и в Ярославле за три дня рабочие вышли на канаву, запрятав в мешок и избив мастера. За что 80 чел. рабочих были арестованы.

Лидеры эсеров—Лукичев и Потапов—не пользовались успехом среди рабочих и мы, выступая тогда вот в том самом здании, где теперь народный дом, уговаривали рабочих на Октябрьское выступление и имели колоссальный успех.

Речь т. Семенова.

Смешно сказать, с чем мы начали бороться в Октябрьские дни: мы имели тогда только семь винтовок и те без пуль. Начали задерживать автомобили. Бывало остановишь, спрашиваешь у шофера: «А что, товарищ, нет ли у тебя, брат, пуль, а то стрелять нечем».

Но вот пронюхали ребята, что на Казанке оружие есть. Мы туда. Пришли. Получили 200 винтовок, а пуль опять нет. Послали тогда меня и Голубева за патронами и доставленные нами 2 фунта патрон были первыми ласточками. Только дня через 2—3 нам удалось припереть из Лосино-Островской 2 вагона патрон и уже тогда мы вздохнули свободно, т. к. могли даже снабжать других.

Речь т. Лукина.

Приведу эпизод Октябрьского боя.

Я в числе других представителей был послан вести переговоры с белогвардейцами. Держали мы демаркационную линию около Александровского военного училища. Медлительность в сдаче юнкеров до того разозлила наши партизанские войска, что, когда юнкера сложили оружие, красногвардейцев и солдат едва удалось сдержать, уговорить не производить самосуда.—«Вы перейдете только через мой труп!»—обратился тов. Смидович,

к красноармейцам. Впоследствии юнкера зло отплатили нам за наше великодушие.

Речь тов. Зимина.

Железнодорожники вообще сыграли громадную роль в Октябрьском восстании. Те отряды казаков и солдат, которые были посланы на помощь белогвардейцам, преспокойно возились по окружной дороге, не будучи пропущены в Москву. Все вокзалы были в руках ж.-д. рабочих, которые твердо стояли на своих постах, не допуская ни откуда никакой помощи белым.

Все дороги имеют историческое прошлое: Казанской принадлежит идея субботников, Курская является родоначальником проф. организации, а Северная в дни Октября помогала рабочим Москвы и Петрограда быть в курсе всех политических событий. В недельный перерыв, когда работал только один Николаевский провод под контролем пресловутого Викжеля, северяне одни давали точную информацию по своему телеграфу. В тяжелые дни для республики, когда на других дорогах было не совсем спокойно, Северная одна работала без перебоя.

Я надеюсь, что и в дальнейшем Северная дорога окажется одной из передовых жел. дорог и отдаст все силы Советскому государству.

Главные паровозные мастерские Октябрьской жел. дороги.

Канун февраля.

Канун февраля застал меня на работе в главных паровозных мастерских. Расценки там были низкие. В 1916 г. хотя заработок наш немного и увеличился, нам давали копеечные прибавки и так называемую плехановскую прибавку, тем не менее наш заработок отставал на 100—200% от заработка на других заводах. Если мы получали 60—70 рублей, то на заводе получали 200 руб. и больше. Зато наши мастерские работали почти ежедневно вечерами и каждый праздник и выгоняли до 42 дней, а некоторые и до 60 дней. Рабочий день—9½ час., да вечер 2½ часа, всего рабочий день продолжался 12 часов. Заработок увеличился в 2 раза, но дороговизна увеличивалась еще быстрее, очереди становились длиннее и некоторым рабочим часто приходилось сидеть без хлеба, так как в обед в лавке была большая очередь, а вечером из-за сверхурочной работы и совсем нельзя было попасть в лавку.

Однажды вечером ко мне подходит помощник мастера Козловский и спрашивает, почему я не работаю. Я говорю, что сегодня я ничего не ел, а потому и не могу работать. Несмотря на его угрозы я все-таки вечер не работал. На утро я собрал человек 25 и мы пошли все гурьбой к Данилову и Масленникову и заявили, что часто приходится голодать из-за отсутствия хлеба. В результате этого через три дня мы получили хлеб в столовой, Масленников сказал нам, чтобы мы за это лучше и больше работали.

По мастерским работы было очень много, так как паровозы требовались в усиленном количестве, но в сырье ощущался недостаток.

Среди рабочих и крестьян царило недовольство. Имея соприкосновение с крестьянами Тамбовской губ., мы знали, что молодежь в деревнях не хотела итти на войну и убегала в города и на жел. дороги. Старые солдаты, раненые на войне, по дороге к себе в деревню во всеуслышание агитировали против войны и указывали на воровство и грабеж высшего военного состава и поставщиков.

В наших паровозных мастерских ропот из-за недостаточного заработка получал чисто-политическую окраску. Декла-

раций Госдумы нами читались и обсуждались, а потом распространялись в массах. Недовольство все увеличивалось. Весной стали поговаривать о забастовке. В июне и июле стали собираться в одном трактире по Рязанской ул. в доме 2, всегда в обед. Делегация и более передовые товарищи весь обед посвящали выработке плана действий и текста требований, которые мы собирались пред'явить. Над этим работали представители от всех цехов, человек 40—50. Масса в мастерских была хорошо подготовлена. Решено было начать забастовку с первых чисел июля. Все ждали сигнала. На пред'явленные рабочими требования администрация не уступала. Были введены жандармы. Они находились в проходных табельных будках и часто ходили по мастерским. У администрации были свои осведомители в роде Ив. Яковлева, о котором еще будет сказано ниже.

Недели за две до забастовки я наколол себе палец правой руки, но продолжал ходить на завод, не желая оставлять товарищей перед самой забастовкой. Получилось заражение крови, осложнившееся неправильным лечением и я едва не остался без руки. Болезнь продолжалась весь июль.

1 июля 1916 г. началась общая забастовка. Она проходила очень дружно, хотя жандармы и администрация разгоняли сходки, призывали к работе, начальник мастерских Харечкин просил приступить к работе, обещая прибавить расценки и грозя отправить на войну. Приехал и управляющий дорогой Воскресенский и, узнав в чем дело, стал ругать нас и пугать войной. «Отсылай всех, войны мы не боимся, но работать вам задаром никто не будет!»—кричали ему. Воскресенский пригрозил закрыть мастерские. Пред'являлись нами и политические требования о прекращении войны и 8-часовом рабочем дне.

Настроение у бастующих было бодрое, никто не хотел приступить к работе, угрозы и уговоры не действовали. Об'явили, что мастеровые и рабочие, не приступившие к работе, считаются уволенными. Мастерские закрыли. Начались аресты, но арестовывали не активных рабочих и руководителей забастовки, например, Кравца, И. А., по сборному цеху, по механическому Попова, М. Н. и др., а арестовали своего верного слугу Колобова (нашего бывш. бригадного). Это, думается, было сделано с известной целью. Через 5—6 дней было вывешено об'явление о наборе на службу. Мы стали приступать к работе. В табельной будке стояли жандармы. Они по указанию администрации здесь же арестовали 33 человека и отправили в Таганскую тюрьму. Стали собирать для арестованных деньги. Рабочие хорошо откликнулись, дал порядочную сумму и медицинский персонал. Сбор был организован фельдшером Андреем Павловичем (кажется Дьяченко), ныне он большевик. Деньги были переданы мне и я вместе с другими товарищами передал деньги арестованным, каждому по 35 рублей. Рабочие обратились к генералу Чердынцеву с просьбой освободить арестованных и не допустить их отправку на войну. Все приступили к работе, администрация торжествовала, рабочие, затаив злобу, молчали. Но не падали духом те, кто остался на заводе, а они-то и нужны были для политработы.

В мастерских были большевики—Кравец И. А., Попов М. Н., Кузнецов Иван, Жедаев Н., Мотурин, Машаев, Давыдов Яша

и др. Несколько раз во время обеда в механической мастерской под руководством М. Попова и Кравец собирались политические собрания. К нашим товарищам—Кравец, Попову и другим—массы относились очень хорошо.

Я был членом партии СР, крайнего-левого ее крыла. Тогда я представлял себе партию СР самой опасной для царизма. Я все время вел в мастерских работу по распространению литературы.

В конце 1916 г., по инициативе большевиков—Попова М., Кравца и др., было устроено общее собрание партий, куда приглашены были эсеры. Собрание было на Домниковской ул. на квартире столяра или модельщика Гриши, где обсуждался вопрос:—надо ли 9 января 1917 г. об'явить всеобщую забастовку и начинать революцию. На собрании ни к чему не пришли, обсуждение затянулось. Боясь попасть в руки городовых, которые жили над квартирой Гриши, мы ушли в трактир на Домниковскую улицу, где и решили голосованием 9 января 1917 г. не выступать и не об'являть всеобщей забастовки. Рабочие наших мастерских доверялись не партиям, так как редко кто их рабочих умел в партиях разбираться. Рабочие шли за некоторыми товарищами, которых они хорошо знали, как например, Поповым М. Н., Кравец, Давыдовым Я., Старостиным, Писаревым А. И. и др.

До войны в работе по пропаганде, агитации на собраниях, разброске листовок и раздаче литературы у нас участвовало не более 10—20 чел. рабочих.

От Февраля к Октябрю.

По указанию Попова почти все рабочие, несмотря на предупреждение администрации, вышли на улицу. Мы пошли к Сухаревским казармам, потом сквозь строй солдат, которые держали ружья на перевес, но нас не трогали, затем к Городской Думе, где тов. Давыдов Яша (ныне убит) был представителем от нас. В то время на собраниях большевики, меньшевики, эсеры и др. вели усиленную агитацию и вербовку членов в свои партии. В Московский Совет были выбраны персонально от большевиков—Давыдов Яша, Попов М., остальных не помню, от эсеров несколько позднее был выбран я (Старостин). Был избран и местный комитет.

В июле была демонстрация под лозунгами: «долой буржуазных министров, вооружение пролетариата» и др. Большевики энергично выступали в защиту петроградского восстания и призывали рабочих к свержению буржуазных министров и Керенского. Нашими рабочими было принято мое предложение—бороться с Керенским всеми имеющимися в наших руках средствами и была дана телеграмма по линии с просьбой поддержать постановление общего собрания о борьбе с керенщиной. Линия присоединилась. Вообще преимущество в наших мастерских имели большевики, хотя против них были конторские служащие и администрация—эсеры, меньшевики.

Отношению наше к Московскому совещанию было весьма враждебное, так как по этому вопросу велась усиленная аги-

тация со стороны большевиков, а также наиболее преданных рабочему классу эсеров.

Агитация против большевиков велась меньшевиками и анархистами. Последние все-таки советовали рабочим на собраниях, чтобы они шли за большевиками, так как они одни только могут дать для рабочих и крестьян землю, фабрики и заводы. А меньшевиков и эсеров они называли предателями и изменниками рабочего класса, слугами буржуазии.

В конце лета к нам с северного фронта приехали мнимые солдаты. Эти представители не пришли прямо к рабочим организациям, а в Правление и Главн. Дор. Комитет. Мнимые солдаты в своем заключении сказали, что «пуля солдата не будет искать и разбирать, кто прав, кто виноват, а будет стрелять по всем». Представители Дор. Комитета тоже выступали против рабочих, укоряя нас, что мы якобы мало работаем. Мне, как председателю местного комитета, пришлось опровергнуть эту ложь и доказать, что мы очень много работаем, не менее 15—17 паровозов выпускаем в месяц. Пришлось указать также на саботаж всей администрации. Представители фронта ушли не солоно хлебавши.

На одном из общих собраний мною было внесено предложение о двухнедельных отпусках. Рабочие дали обещание, что производительность не только не упадет, а наоборот, поднимется.

Почин отпусков в республике принадлежит нашим мастерским.

Бернацкий, начальник дороги, признал отпуска правильными и дал обещание на них не посягать, а также работать в контакте с нами на пользу рабочему классу. Когда же начальник тяги Жмайлович не стал давать отпусков рабочим, а начальнику мастерских Богушевскому, любимцу рабочих, делал строгие замечания за то, что тот идет в контакте с рабочими, я взял с собой нескольких товарищей и отправился на автомобиле к зданию Тяги (напротив Северного вокзала), чтоб арестовать Жмайловича. Жмайловича, однако, не оказалось, ибо он с Л. Н. Бернацким был в этот день на линии.

На следующий день Бернацкий сам распорядился убрать Жмайловича, а нам дал Д. А. Штонге, который дал клятву, что будет работать с нами в контакте, и, действительно, он работал на славу.

Очень часто были случаи на районных собраниях в зале Правления, когда нам совершенно не давали говорить правленская белогвардейщина и меньшевики с эсерами. Тов. Кравец не редко угрожал за такие выходки тюрьмой.

После московского совещания по предложению большевиков и левых эсеров, в частности, М. Попова, наши товарищи стали частично вооружаться. Под руководством М. Попова организовалась Красная Гвардия, которая достала на вокзале у охраны ружья «Гро» и дежурила в конторе мастерских по ночам, а большой отряд также и днем.

Однажды происходило весьма важное узловое собрание, которое началось с 12 часов под председательством Соина Н. Ив. Правленцы, зная о важности собрания, бросили работы и пришли в зал. Вопрос, кажется, шел о вооружении рабочих и переходе власти к пролетариату. Когда говорили Грязновы, Шехановы—

либералы и меньшевики—их слушали со вниманием, а когда же выступал Кравец, Попов и др., то поднимался шум, свист и стук. Тогда я послал одного рабочего в главные мастерские к дежурному по караулу: «скажи тов. Крысину, что они нам не дают говорить и срывают собрание. Когда он придет с отрядом, вызови меня из зала». Рабочий прибежал к тов. Крысину и говорит ему: «Иди скорей с отрядом в правление, наших бьют». Тов. Крысин, не вызвав меня, влетел в зал со своим отрядом. Я предложил тов. Крысину занять все двери и тотчас водворился порядок. Меня крыли меньшевики и эсеры и правленские представители перекрестным огнем, тогда я взял слово и сказал в заключение, что если кто будет срывать собрание, то он пойдет в Бутырки. Вопрос прошел в нашу пользу.

Когда появились слухи, что белогвардейские офицеры хотят взорвать наши мастерские, Н. Поповым было предложено усилить охрану и установить дежурство, ночное в особенности; мы человек по 40 и больше дежурили каждую ночь.

Работа в наших мастерских протекала интенсивно, несмотря на то, что меньшевистские и эсеровские организации явно вели антибольшевистскую пропаганду в массах. Рабочие на 95% были на стороне большевиков. Неоднократные резолюции и постановления общих собраний требовали полного вооружения рабочих. В одно из дежурств в субботу на воскресенье мы не уходили из мастерских трое суток под ряд, неся усиленное дежурство. Все были сильно утомлены, шел проливной дождь. М. Попов получил извещение по телефону со ст. Сокольники, что на станции имеется оружие. Тов. Попов поехал с отрядом человек в 20 и у них завязалась перестрелка с охраной. По выяснении, их все-таки пропустили на станцию. Взяв маневровый паровоз, они сперва привезли два вагона с ружьями и разгрузили на дворе и в мастерских, затем поехали еще раз и взяли 4 вагона, при чем два вагона оказались с мануфактурой и были возвращены дороге. Попов сообщил Сокольническому району о ружьях и оттуда стали приезжать автомобили и вывозили ящики с ружьями. Привезенные нами в мастерские ружья были разосланы по районам Москвы, а также по всей дороге; таким образом были снабжены оружием главные боевые пункты дороги.

В понедельник после привоза ружей было устроено общее собрание о переходе власти в руки советов рабочих, крестьянских, казацких депутатов. Мы все, кто дежурили по несколько дней, были настолько переутомлены, что едва двигались и походили на пьяных.

На одном собрании большевиков была выделена революционная пятерка, меня же большевики взяли в эту рев. пятерку шестым, а потому она стала называться уже революционной шестеркой. С данного момента, вся руководящая и хозяйственная роль перешла в руки революц. шестерки, в которую вошли: Попов, Яков Петрович Давыдов, Шелаев Никита, Смирнов Иван Николаевич, Шлепкин и Старостин Я. Н. Меньшевики и эсеры вели агитацию, чтобы все рабочие бросили работать, но ничего сделать не смогли, так как рабочие были на стороне большевиков.

Тов. М. Поповым было предложено организовать Красную Гвардию, в которую вошли человек 60—80. На одном из общих собраний поставили вопрос, чтобы рабочие содержали Красную Гвардию за свой счет, т.-е. кормили ее из столовой за счет рабочих. Рабочие согласились, меньшевики и эсеры тут тоже вставляли палки в колеса, но и здесь потерпели поражение. Наш отряд Красной Гвардии принимал активное участие в восстании и охране Запасного дворца, как узлового центра. Тов. Смирнов Иван Николаевич с несколькими товарищами взял автомобиль и поехал по деревням Московской губ. с целью агитации. Рабочие главных мастерских в большинстве своем стояли за большевиков и за Советскую власть.

Конторщики наших мастерских имели свой местный комитет. По окончании работ они устроили свое собрание, на котором решили этот день не работать. Когда мне сообщили об этом, я пошел к ним на собрание и заявил, что если они завтра не будут работать, то они больше не служат на дороге. Меня за это предложение ругали самыми отборными словами, при чем т. Берухов—в то время был заядлый правый эсер, ныне большевик,—отличался больше всех. Все же конторщики побоялись быть выброшенными и решили, что они не пойдут на похороны, но за это и не пойдут на похороны красногвардейцев, а будут работать обычным порядком. Позднее пришлось конторский комитет распустить и отобрать у него печать.

На технических и делегатских собраниях стали выдвигать своих администраторов по цехам. Были выдвинуты товарищи по токарному цеху, по сборке, кузнице и др. цехам. Летом 1917 г., когда этот вопрос я поднимал на общих собраниях, то вопрос отклонялся—рабочие почему-то боялись, но после Октябрьских дней товарищи стали втягиваться в работу администраторов.

Революционная шестерка, взяв всю полноту власти в свои руки, входила во все поры работ мастерских. Хотя администрация и стояла у старого аппарата, но только, как техническая сторона, а руководство работой и распоряжения были от Месткома. Даже до Октябрьского переворота местком созывал делегатские и технические собрания, где вырабатывался график и план работ на будущий месяц. Работа протекала очень успешно. В 1917 г. в среднем выпускали 17 паровозов в месяц, больше, чем при царизме. Местный комитет устанавливал новые расценки, следил за своевременным выполнением работы. Инженер Б. И. Котляренко много нам помогал в технической части работ, а инж. Мих. Ір. Васильев (правый эсер), будучи главным в дор. комитете, все время тормозил нам.

Руководителем всего восстания был М. П. Попов. Наблюдение за Викжелем шло через посредство тов. Кравца, а красногвардейцы следили за их действием и охраняли Викжель, а также и район, имели полную связь с районом,—с Запасным дворцом и др. Крестьянские группы по Казанской ж. д. поднимали многочисленные восстания, наши красногвардейцы ездили усмирять их под руководством тов. Прохорова и др.

Против Октябрьского переворота была почти целиком вся администрация мастерских, а главное—меньшевики и эсеры правого толка.

Несколько женщин принимало активное участие в восстании, имена их я, однако, не помню. Молодежь, хотя и не вся, также принимала активное участие. Профорганы в большинстве своем были на стороне большевиков. Столкновений вооруженных с белогвардейцами никаких не было, лишь только на собрании были стычки на словах. Окончательно установилась Соввласть с момента об'явления Советской власти.

На одном из партийных собраний эсеры меня исключили из партии за то, что я агитировал всю ячейку эсеров, чтобы ячейка называлась крайне левой.

С первых дней Октябрьской революции активными работниками были М. Попов, И. А. Кравец и другие.

Наступило тревожное время, носились слухи, будто бы белое офицерство хочет взорвать железнодорожные мастерские. Тов. Поповым была сорганизована своя охрана мастерских. Охрана установлена была каждую ночь, но не было оружия, пришлось силой взять у начальника охраны дороги старые ружья и тут же на платформе рабочие стали строиться и обучаться. В октябре месяце было получено сведение со ст. Москва-Товарная, что там имеется оружие. Тов. Попов сорганизовал отряд и сам пошел за оружием. На пути попали под обстрел охраны, им отвечено тем же; под прикрытием сильного дождя было взято 4 вагона с ружьями. Оружием потом завалили весь двор, проходы, а также и мастерские.

Тов. М. Попов отдал мне и тов. Шелаеву распоряжение отправиться в Сокольники для наблюдения, чтобы не воспользовались оружием правительственные войска. Железнодорожная охрана нам указала, где находится оружие; идя по платформе, мы влезли в какую-то мастику, потом вылезли на двор. В'езжает грузовой автомобиль, полный вооруженных солдат. Окрикиваем: «Кто идет?».—«А вы кто?», спрашивают с автомобиля.—«Железнодорожная боевая дружина».—«А мы — солдаты. Засады нет?»—«Нет», говорим. Солдаты стали нагружать полный автомобиль ящиками с оружием. Тов. Шелаев как-то неосторожно задел своим ружьем за что-то, получился выстрел. Солдаты схватились за ружья, но их успокоили, что это нечаянно.

Пробыв некоторое время на станции, пошли обратно в мастерские. Дойдя до табельной, я вошел в будку пообсушиться и тут же заснул крепким сном.

Утром, в воскресенье, пришла за мной жена. Ищет и никак не найдет, спрашивает, не убит ли я. Меня разбудил товарищ и позвал в контору, где ждала жена. Пошли домой. Слышны сильные орудийные выстрелы: наши стреляли из Лефортова по Красным казармам. Солдаты и рабочие рыли окопы в Гавриковском пер. На автомобилях раз'езжали вооруженные солдаты.

На утро в мастерских т. М. Попов выступил с докладом об этих днях—захвата власти в руки рабочих и говорил для какой цели мы привезли оружие. Тов. Попов предложил собранию записываться в Красную Гвардию. Он указал, что Красная Гвардия будет дежурить в мастерских непрерывно день и ночь, для того, чтобы охранять мастерские и быть готовыми помочь районам в случае вызова. Для содержания красногвардейцев нужны были средства. Собрание единодушно отпустило средства из месткома,

но меньшевики и эсеры были против отпуска средств на Красную Гвардию. Один из заядлых меньшевиков назвал некоторых из нас пьяными и добавил, что эти деньги пропьют. Действительно мы были похожи на пьяных, трое суток под ряд не спали, лица у всех бледные и мятые. Все собрание заставило того меньшевика взять слова обратно и попросить извинение.

Наша Красная Гвардия московских паровозных мастерских с честью выполнила свой долг перед республикой и товарищами по работе. Сражалась с белыми офицерами и белой гвардией, вызывалась для оказания всевозможной помощи по районам. Часто выезжала на линию, развозила литературу.

В момент Октябрьского переворота меньшевики и эсеры хотели остановить мастерские и распускали слухи, что из Сокольников будут громить через наши мастерские Иванцевскую лечебницу, что снаряды будут попадать в мастерские и т. п. Но масса не попалась на провокацию, меньшевики и эсеры провалились и на этом.

М. С. Бурдомский.

Красная Гвардия на Октябрьской жел. дороге.

По примеру других организаций, у нас рабочих-большевиков Октябрьской ж. д. (быв. Николаевской) возникала мысль о создании Красной Гвардии еще до Октябрьских дней. Нами было устроено собрание и на нем был выделен организатор Красной Гвардии тов. Прохоров—столяр вагонной мастерской, который и повел запись в ряды Красной Гвардии.

Когда в Питере разразились июльские события, то сознательная часть товарищей-красногвардейцев осаждала тов. Прохорова, прося оружия, которого у него, конечно, не было, а малодушные приходили и просили, чтобы их выписали из списков Красной Гвардии.

Но вот грянула Октябрьская революция, красногвардейцы бросились искать оружия, но достать было трудно; пришлось обратиться к своему тов. Можокину, который только что принял пост комиссара жел.-дор. милиции. Тов. Можокин дал распоряжение разоружить охрану, от которой мы на 30 чел. получили 15 берданок и то испорченных, да без патронов. Но мы не унывали; хотя и с пустыми берданками, мы энергично принялись за охрану ж.-д. имущества, а часть товарищей ежедневно дежурила при станции—штабе ж.-д. узла (в царском павильоне). На следующий день нам улыбнулось счастье: тов. Можокин нашел у себя в комиссариате ящик револьверов системы «Наган». Этими револьверами тов. Можокин вооружил часть товарищей. Но нам повезло и дальше: на станц. Москва-Товарная (Казанской ж. д.) был обнаружен вагон новеньких винтовок, которыми мы воспользовались; одна беда—не было патронов. Однако, на другой же день, тов. Рябчиков привез из Твери несколько ящиков патронов. Вооружившись, мы стали проситься туда, где товарищи дрались за правое дело—за власть рабочих. Нас не пускали; нельзя было оставить одну из главных командных высот без охраны. Все же некоторые не стерпели и ушли самовольно.

У нас в вагоне был организован местный штаб и был выбран начальник штаба. Я и начальник Красной Гвардии тов. Даньшин ввели трехсменное дежурство; свободные от дежурства товарищи обучались пехотному строю и ружейным приемам.

А когда с фронта полилась лава вооруженных солдат, то нам была дана боевая задача: чтобы ни одна винтовка не ушла с вокзала. Нам пришлось перебраться на вокзал для более плодотворной работы по отборке оружия. Мы пробыли там до расформирования Красной Гвардии, когда часть товарищей ушла на поднятие транспорта, а часть пошла в Красную Армию.

В Богородском подрайоне Сокольнического района.

2 мая 1917 года (старый стиль) тов. Ястребов по возвращении из ссылки попал в село Богородское на завод «Богатырь». Из общественных организаций на заводе в то время существовал только фабрично-заводский комитет, общественно-политическую работу никто не вел среди рабочих, на заводе чувствовалось меньшевистское засилье. Но и у меньшевиков не было систематического руководства. С приездом туда т. Ястребова на заводе оказалось только 2 коммуниста (Ястребов и Факин), которые активно повели борьбу с меньшевиками, раз'ясняя рабочим массам лозунги дня, выставляемые большевиками, призывая рабочих итти за большевистской партией, и разоблачая меньшевиков, эсеров и прочую свору.

В результате такой работы эти два коммуниста завоевали огромный авторитет среди рабочих завода. При учете коммунистов оказалось, что на заводе имеется не два коммуниста, а 7, из которых 10 июня организовалась ячейка, а через некоторое время выяснилось, что в селе Богородском существует партячейка латышей, ни с кем не связанная. Во главе этой ячейки стоял тогда тов. Питкевич. Существование двух ячеек выдвинуло вопрос о слиянии таковых и об организации в Богородском подрайонного комитета большевиков, Сокольнического района. Получив на такую организацию санкцию Сокольнического районного комитета, эти 2 ячейки в скором времени устроили торжественное заседание по вопросу слияния и организации подрайонного комитета, на котором присутствовал от районного комитета тов. Русаков Иван Васильевич (ныне покойный), во главе организованного подрайона стал вначале тов. Питкевич (большевик-профессионал), которого потом сменила Вера Сапожникова, а в скором времени по окончании Октябрьских боев вследствие болезни Сапожниковой, ее, в качестве секретаря подрайона, сменила тов. Ефремова.

С организацией подрайона в селе Богородском была создана база, вокруг которой широко разворачивалась политработа и группировалась рабочая и красноармейская масса.

Здесь проводилась работа и по вербовке в партию, пропаганде идей коммунизма, по агитации, о лозунгах нашей партии и т. д. Ни один злободневный вопрос не проходил мимо обсуждения его в подрайоне и перенесения на широкие пролетарские массы Богородска. Подрайоном была широко поставлена работа по разоблачению перед рабочими экономического совещания, созванного буржуазией (временным правительством). По этому вопросу, как и по другим вопросам, собирались митинги и выноси-

лись наши резолюции. На одном нами устроенном большом митинге сами рабочие внесли предложение прекратить подачу света в то помещение, где происходит это буржуазное совещание.

После этого знаменитого совещания, когда начала проявляться корниловщина, которая хотела костлявой рукой голода задушить рабочий класс, вокруг нас все больше и больше стали группироваться рабочие «Богатыря» и находящиеся в Богородском воинские части. Существующий у них в то время полковой комитет почти целиком приходил на наши партсобрания и в результате перешел на нашу сторону.

В конце августа мы начали подготовку к выборам в учредительное собрание. В качестве председателя Богородского участка по выборам был назначен тов. Ястребов и инструкторами от Райсовета товарищи Галято и Вера Сапожникова. Подготовительная работа заключалась в агитации и пропаганде среди населения задач, стоящих перед рабочим классом и крестьянством, лозунгов большевиков и т. д. Результат нашей работы очень ярко выявился на предвыборных и выборных собраниях, где оказалось, что подавляющее большинство населения было на нашей стороне и голосовало за список № 5, который выставлялся от нашей партии.

По окончании выборной кампании нами еще шире начала проводиться работа среди рабочих и воинских частей, была развита агитация за свержение существующего порядка и передачу всей власти Советам. В частности большая работа проводилась в связи с перевыборами советов и полковых комитетов, везде и всюду мы стремились проводить как своих, так и близко к нам стоящих.

После призыва Владимира Ильича Ленина о захвате власти Советами, на заводе «Богатырь» встает вопрос о забастовке. Желание рабочих бастовать было основано исключительно на недовольстве местными условиями и порядком и нам, большевикам, пришлось посредством ряда собраний убедить рабочих не об'являть сейчас забастовки, а подготовиться к более решительным боям, которых мы ждали в ближайшие дни и которые уже надвигались. Уже в это время атмосфера была настолько накалена, что каждый из нас каждый час ждал развертывавшихся событий, чувствовался безвластный период, проявлялось много хулиганства, разнузданности, и нам непосредственно пришлось организовать охрану государственных учреждений и установить порядок в самом селе Богородском. Для этой цели была организована тройка, куда входил тов. Ястребов от большевиков и двое от меньшевиков и эсеров. Каждый из этих представителей кооптировал своих людей для несения охраны учреждений и установления порядка. В скором времени эта тройка распалась в виду того, что наш представитель тов. Ястребов потребовал раздачи оружия рабочим, которые несли охрану, представители эсеров и меньшевиков с этим не согласились и прекратили работу в тройке.

Через пару дней мы получаем сообщение, что в Ленинграде власть захвачена большевиками, что у нас в Москве уже организована тройка по организации захвата власти Советами. В эту же ночь мы связались с воинскими частями, к утру сорганизовали

свой комитет, который должен был вести всю руководящую работу по захвату власти в Богородске. В этот комитет вошли следующие товарищи: Питкевич, Вера Сапожникова, Ястребов и несколько представителей из воинских частей.

27 октября утром мы организовали большой военный митинг, на котором призывали не подчиняться старому совету, а выполнять приказы вновь организованной большевистской власти. С этого момента мы начинаем захватывать все нужные нам учреждения, как гараж, телефонную подстанцию и т. д., главное же наше внимание было обращено на казармы и военные цейхгаузы, где хранилось оружие. Призывать рабочих «Богатыря», чтобы они прекратили работу, нам уже не пришлось, так как завод стал за два дня до разыгравшихся событий.

Приостановке работы на «Богатыре» предшествовал большой митинг, на котором постановили прекратить работу. Во время развертывания боев к нам беспрерывно являлись представители воинских частей, стоящих в окрестностях Богородска, за разными директивами и раз'яснениями. Мы же получали распоряжения и директивы непосредственно от районного революционного комитета, с которым мы держали тесную связь и которого снабжали бойцами и оружием. Во всей нашей работе нам усиленно помог завод «Богатырь» в лице своего заводского комитета и всех рабочих, которые целиком стали на нашу сторону, они нас снабжали людьми, перевозочными средствами и всем, чем могли, и даже деньгами, которые мы получили по требованию подрайонного революционного комитета.

По окончании боев нам со стороны районного штаба было приказано организовать форменную власть, т.-е. создать военно-революционный комитет из определенных товарищей: Ястребова, председателя, Белова от броневого завода, третьего не помним. Последний оказался совершенно не наш и был заменен Ефремовой, на которую возложили снабжение продовольствием всего населения Богородска.

Вновь созданный военно-революционный комитет, взяв в свои руки власть, опечатал Комиссариат и Продовольственный Отдел и на другой день предложил всем сотрудникам встать на работу, но они наотрез отказались. В этот же день мы назначили своего комиссара и вторично предложили сотрудникам встать на работу. Некоторая часть сотрудников и несколько милиционеров согласились и встали на работу, остальных нам пришлось уволить и набрать своих. По проведению организационной и снабженческой работы председатель Ревкома тов. Ястребов вошел с просьбой в районный революционный комитет назначить председателя продовольственного отдела, которым был назначен тов. Думша. За все время работы военно-революционного комитета никаких беспорядков не наблюдалось, почти не было недовольства со стороны населения, ибо, насколько возможно было, революционный комитет удовлетворял все нужды населения.

Когда жизнь наладилась, мы получили из района распоряжение образовать подрайонный Совет рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов и по организации такового функции военно-революционного комитета были закончены и власть перешла Совету, которому мы всячески помогали в работе.

Костерев.

Красная Гвардия в селе Богородском.

Только после Октябрьской революции с. Богородское получило право на организацию подрайонного Совета рабочих и солдатских депутатов, который и был организован в начале ноября 1917 г. На первом же заседании президиума Совета было вынесено постановление об организации штаба Красной Гвардии, утвержденное Исполкомом Совета. Организация Красной Гвардии была поручена президиуму Совета, в который входили: Костерев—председатель Совета, Фролов—член Совета и Коситкин — секретарь. К концу ноября президиум Совета организовал основное руководящее ядро—штаб Красной Гвардии, который был составлен из следующих товарищей: 1 от президиума Совета—Костеров И. Н.—начальник штаба Красной Гвардии, 2 от Исполкома—Рязанцев, пом. нач. штаба Красной Гвардии (анархист), 3 от подрайкома — Лисовский, пом. нач. Красной Гвардии (РКП(б), 4 Новицкий—от подрайкома, начальник Красной Гвардии, член РКП, был еще один товарищ, которого фамилию не помню. При штабе имелись отделы, как-то: военно-боевой, в задачи которого входило формирование, обучение, снабжение боеприпасами, оперативная работа и проч., в задачу которого входила охрана района и борьба с контрреволюцией. Формирование Красной Гвардии началось с создания двух десятков красногвардейцев из коммунистов завода «Богатырь», из Кожзавода, а также товарищей из литовской секции РКП(б), работавших в Москве и освобождавшихся от работы по месту службы для несения дежурств. После создания двух коммунистических десятков Красной Гвардии началась организация Красной Гвардии из рабочих, сочувствующих коммунистам, и демобилизованных артиллеристов, стоявших в с. Богородском. Было создано еще два десятка; десятниками были назначены тт. Дурнопейко и Шишловский. Красная Гвардия вооружилась в большинстве за счет демобилизованных артиллеристов (винтовки и наганы), снабжалась же продовольствием через центральный штаб Красной Гвардии; позднее часть оружия была по наряду центрального штаба Красной Гвардии привезена из Тульского оружейного завода (револьверы), а два пулемета получены из центрального штаба Красной Гвардии. Вооружение же рабочих происходило позднее и с большой осторожностью, так как значительная часть рабочих еще не изжила меньшевистского угара. Обучение красногвардейцев не носило регулярного характера, что об'яснялось тем, что все красногвардейцы были фронтовиками

старой армии и оружием владели прекрасно. К демонстрации 9 января 1918 г. Богородский штаб Красной Гвардии мог выставить около сотни красногвардейцев-коммунистов и приблизительно столько же беспартийных рабочих, вооруженных револьверами и двумя пулеметами Кольта. Рабочая масса числом около 500 человек во главе с коммунистами и Красной Гвардией с пением революционных песен направилась через Сокольники на Театральную площадь. По дороге, начиная от Орликова пер., начинают изредка раздаваться выстрелы, на Театральной площади начался сильный пулеметный обстрел демонстрации. Наш отряд частично замешкался, не зная в чем дело, часть красногвардейцев начала стрелять из револьверов по тому направлению, откуда исходили выстрелы, часть же безоружных рабочих стала разбегаться; через несколько минут (а возможно секунд), была дана команда: «ложись». Вскоре на автомобиле появился т. Усиевич (член МК), призывая не поддаваться панике. Тут же силами Красной Гвардии и коммунистов были окружены Большой театр и дом, где сейчас помещается редакция «Рабочей Газеты», в этом доме произвели обыск и арестовали нескольких переодетых студентов, которых отвели в Моссовет. Мы же вернулись в Богородск в меньшем количестве, так как часть беспартийных разбежалась в момент обстрела. После демонстрации 9-го января нашему штабу Красной Гвардии пришлось обратить особое внимание на прекращение бесцельной и хулиганской стрельбы, а также из'ять оружие у обывателей, хулиганов и домовладельцев, что и было вскоре осуществлено путем издания приказа о воспрещении стрельбы и сдаче оружия. Во время обхода района и обысками было отобрано до 30 шт. револьверов и около 10 шт. винтовок разных систем. В феврале месяце из нашего отряда регулярно посылались красногвардейцы в центральный штаб для несения караульной службы, а в марте часть была отправлена в распоряжение центрального штаба для посылки на фронт (кажется, 8 человек). В марте Богородская милиция (остатки керенщины), прослышав, что в Петрограде милиция заменена Красной Гвардией, прислала делегацию с ультиматумом выдать ей за три месяца жалованье и дать гарантию, что у нас милиция не будет заменена Красной Гвардией (в числе делегатов был коммунист Кунда и беспартийный Князев). Переговоры с делегатами затянулись до часу ночи, когда я сказал делегатам, что мы подчиняемся Моссовету и что у нас нет от Моссовета никаких сведений относительно замены милиции Красной Гвардией. Мне не поверили, почему-то решив, что Богородский Совет скрывает распоряжение Моссовета о замене милиции Красной Гвардией. При уходе делегаты заявили: «если нам не выдадут за три месяца жалованье, то милиция оружия не сдаст». (Милиции было около 130 чел.). Угрозы делегатов по адресу совета заставили на следующий день устроить заседание «президиума совета совместно со штабом Красной Гвардии специально по вопросу о политической неблагонадежности милиции». На заседании было установлено, что милиция состоит из случайных элементов и не может служить опорой Советской власти. Было постановлено милицию распустить, делегацию арестовать, охрану же района временно возложить на штаб Красной Гвардии.

Вся работа по роспуску милиции была возложена на меня и т. Лисовского. На следующий же день началась подготовительная работа по роспуску милиции: затребовали от Сокольнического района 30 красногвардейцев (прислано только 10 человек, остальные 20 человек были получены от центрального штаба Красной Гвардии), привели все вооруженные силы штаба в боевую готовность, а уже вечером расклеили приказ о роспуске милиции. Кроме того, после решения о роспуске милиции, штаб Красной Гвардии связался прямым проводом (полевой телефон) с милицией, поставив у телефона своего дежурного и снабдив его условным шифром на предмет информации о настроении милиции и на случай выступления против Совета. К 12 часам ночи дежурному начальнику милиции был вручен лично приказ о роспуске милиции и о немедленной сдаче оружия и обмундирования всей милицией, так как в противном случае милиция будет обезоружена силой и арестована. Дежурный начальник милиции отказался подчиниться приказу. Тогда штаб отдал распоряжение начать снятие с постов милиционеров, для чего было послано по 4 красногвардейца на каждый пост. В течение получаса большинство постовых милиционеров было обезоружено и доставлено в штаб Красной Гвардии. После этого начальник милиции был вызван к телефону и вторично предупрежден, что если он сейчас же со всем резервом милиции не явится в штаб Красной Гвардии для сдачи оружия, то будет немедленно начат обстрел комиссариата, на что он заявил: «ответим через полчаса». Спустя указанное время милиция вызывает штаб Красной Гвардии к телефону и говорит: «милиция к сдаче оружия готова, приходите и получайте». Тут же я, отобрав 16 красногвардейцев, вооружившись винтовками и револьверами, а также взяв несколько бомб, явился в комиссариат, где милиционеры были выстроены, а оружие сложено в козлы. Все они (кроме двух скрывшихся—Князева и еще одного, с которыми исчезла и книга личного состава милиции) были об'явлены временно арестованными. Около двух недель штаб Красной Гвардии нес охрану района и уже после создали новую Советскую милицию из числа 10—15% старой милиции, влив туда часть красногвардейцев и рабочих заводов. После разгона милиции штаб Красной Гвардии занялся организацией конного партизанского отряда для отправки на фронт; часть необходимого снаряжения для отряда, а также и фуража и амуниции, как-то: седла, уздечки, овес—были получены от центрального штаба Красной Гвардии, а часть—от демобилизуемых артиллеристов. Во главе конного отряда стоял т. Герасимов. В конце апреля я заболел и болел 2 месяца, на мое место—начальника штаба Красной Гвардии—был назначен т. Рязанцев, а председателем Совета т. Кролов. Тов. Рязанцев в 1918 г. был убит на восточном фронте, т. Фролов пропал без вести, Новицкий и Лисовский неизвестно где находятся, Шишловский служит в Красной армии, Дурнопейко где-то в Москве, Куряков работает на заводе «Красный Богатырь», я же в октябре 1917 года находился в сборном отделе при революционном военном комитете Моссовета, 29 октября на Дмитровке был ранен в обе ноги, а в июле 1918 г. уехал на восточный фронт.

Бакин.

В Октябрьские дни на машине.

Октябрьский переворот не был неожиданным для рабочих Русаковского трамвайного парка. Работа кипела. Была организована Красная Гвардия, организаторами которой являлись тт.: Бакин, Панкин, Жикин, Филиппов и ряд других товарищей, которые после своих занятий ходили ежедневно на практические занятия в Сокольнический вагонно-ремонтный завод (завод ГЖД); занятия шли успешно, но вся беда в том, что не было оружия для обучения, за исключением нескольких старых берданок, приходилось обучаться палками. Не успели закончить свои занятия, как уже приблизился Октябрь. Рабочие к Октябрю были готовы, настроение у всех было боевое, только меньшевики и правые эсеры ходили понурив головы, как будто что-то потеряли. Правда, потеря была велика: они потеряли рабочий класс, отвернувшийся от них.

23—24 октября меня вызывает в Ревком т. Сарра Бродская. От имени Ревкома она предложила мне в срочном порядке найти шофера и автомобиль. Я, как знающий шоферское дело, пред-

Фасад здания Русаковского трамвайного парка.

ложил ей свои услуги. Она думала, что шучу и сильно обиделась, тогда я вынимаю из кармана документ на право управления автомобилем и аттестат, выданный школой ответственных шоферов, где я окончил курс. В это время шофера очень трудно было достать, это была находка для Ревкома. Я получил в помощь товарища Сосновикова и документ на право взятия автомобиля во временное пользование. Автомобиль мы достали без труда на фабрике Арцеш. В месткоме ребята были боевые и тут же пошли с нами к своему хозяину, которому мы пред'явили документ, выданный Ревкомом, на право взятия автомобиля во временное пользование. Хозяин был сильно перепуган, машину выдать отказался, ссылаясь на то, что она неисправна и на ней ездить нельзя. Он сел в машину и не слезал с нее. Тогда мы силой стащили его с машины и поехали в штаб. Оттуда мы с Саррой поехали в Московский Совет для получения директив. Когда тов. Сарра ушла в Московский Совет, а я остался на площади возле машины, меня окружили солдаты и стали расспрашивать, где достать оружия для борьбы с юнкерами. Они все принадлежали к 56-му полку, снятому с фронта, как большевики. 500 человек из них были посажены в Бутырскую тюрьму, где просидели более 2-х месяцев, и только по об'явлении голодовки были освобождены и теперь пришли в Московский Совет просить оружия.

По возвращении в штаб, я тут же, не слезая с машины, был командирован в Богородск с тт. Медведем, Паперном и Верочкой (фамилию ее не помню) для выявления настроения артиллерийских частей. В Богородске были расположены 1-я, 2-я и 3-я батареи. Здесь мы пробыли всю ночь, в это время в центре уже началась пулеметная перестрелка. По выполнении задания Ревкома мы в 4 часа утра вернулись обратно в штаб, который помещался по 8-й Сокольнической улице. Здесь также не дали нам отдохнуть: пересадили нас на другую машину и мы с т. Паперном направились в Московский Совет. В это время на улицах были организованы пикеты, которые останавливали всех прохожих и проезжих. Проехать центром уже было нельзя, мы направились по Садовому кольцу и по Тверской улице к Московскому Совету, где также нас останавливали и спрашивали документы на право проезда. У Московского Совета стояла артиллерия и настроение солдат было боевое. Наконец, мы вернулись в наш Сокольнический трамвайный парк (ныне Русаковский). У нас в парке рабочие и работницы, за исключением меньшевиков и правых эсеров, были организованы в рабочие дружины. Кроме того, у нас в парке был организован санитарный отряд из женщин, которые энергично работали по подбиранию и оказанию помощи раненым. Но у нас не было оружия. За получением его рабочие дружины направились в Московский Совет. Здесь они получили оружие, но в недостаточном количестве. Ревком наш получил сведения о том, что на железной дороге имеются вагоны с оружием и патронами, туда были направлены автомобили для захвата их. Оружия стало достаточно и мы смогли снабжать им не только нашу рабочую дружину, но и помогали другим районам.

Я получил распоряжение от Ревкома взять трамвайные вагоны и направиться в село Богородск за расположенными там

солдатами. По приезде в Богородск я обратился в организованный ими местком и спросил, есть ли у них желание поехать бороться против юнкеров. Желающих оказалось очень много, набились в вагон и поехали. Настроение было у всех боевое, раздавались нетерпеливые голоса: «поедемте скорей». Но не успели мы тронуться, как вагон остановился; оказывается, был выключен линейный ток. Решили итти пешком. Подходим к заводу «Богатырь». Один из товарищей говорит, что здесь есть грузовые автомобили, только беда в том, что у нас нет шофера. Я им заявляю, что я шофер. Выкатили машину, сели и поехали. Но народу было так много, что грузовику было не под силу всех везти: с горы и по ровному месту мы ехали на автомобиле, а в гору шли пешком. По приезде стали организовываться в отряды и получать оружие. Только что отправили один отряд на грузовике и стали формировать другой, как подходит один товарищ с разряженным патроном и показывает, что патроны начинены не порохом, а антрацитовой золой. Сейчас же была послана легковая машина, чтобы вернуть обратно посланный отряд для проверки выданных ему патронов.

Рабочие районы, узнав о получении штабом оружия, стали приходить целыми толпами требовать оружия для борьбы с юнкерами, но оружие выдавалось только организованным порядком. Тов. Сарра села на ящик с оружием и заявила: «Организуйтесь в рабочие дружины и тогда получите оружие». Рабочие настойчиво требовали немедленно выдать оружие и даже угрожали расправой, но все обошлось по-хорошему. Рабочие поняли, что нельзя выдавать оружие каждому в отдельности и стали строиться в отряды. После этого я получил распоряжение от Ревкома заняться подвозкой артиллерийских снарядов.

Новиков.

Ячейка ВКП(б) Русаковского трампарка.

Перед Февральской революцией в Сокольническом районе было две крупных большевистских ячейки: ячейка Русаковского трампарка и ячейка Сок. вагоно-ремонтного завода (СВАРЗ), сильных не только по численности, но и по составу работников.

Февральская революция застала наш парк вполне подготовленным. Тогда в парке работало более 1.000 человек: в службе движения было более 800 человек, а остальные в службе подвижного состава. Весть о петроградских событиях докатилась до Москвы и, в частности, до нашего парка. С энтузиазмом было подхвачено массой это известие. Трамвайное движение остановилось, все рвались на улицу. Помнится, мы наскоро написали на знамени лозунг: «да здравствует демократическая республика», и с этим лозунгом отправились к городской думе.

В эти дни начинается оформление местных организаций. 29 февраля рабочие службы движения избирают представителя в Московский Совет. Выбраны были товарищи: Филиппов и Коновалов. В начале марта происходили выборы в местный комитет. В состав первого местного комитета вошли: Филиппов, Жикин, Новиков,, Шведов, Бец, Бакин и Митрофанов. Эти же товарищи положили основу и организации ячейки РСДРП(б). 28 марта тов. Филиппов, Жикин и Шведов стали производить запись желающих вступить в партию. Запись происходила в маленькой комнате, в помещении месткома. Записавшимся выдавали талончики, членских книжек в то время не было. Записалось более 30 чел.: Филиппов, Жикин, Панкин, Филонов, Бакин, Шведов, Белоков, Крючков, Фролов, Новиков, Ульянов, Комаров, Морозов, Соцкин, Макаров, Артемов, Артюхов, Заболотников, Носов, Гардюшин, Калашников, Спицын, Михеев, Кондаков, Барабанов, Хренов, Филатов, Думша, Шамшин, Шестопалов, Сарафина и др. Многие товарищи погибли на различных фронтах, оставшиеся же и по сие время в различных организациях ведут активную работу.

По организации ячейки мы связались с Сокольническим районным комитетом в лице его секретаря тов. Бродской и районного организатора тов. Конокотина. Сконструирование самого бюро произошло 1 апреля 1917 г. В бюро были избраны из состава президиума месткома председателем тов. Филиппов, секретарем тов. Шведов и казначеем тов. Жикин.

Правые эсеры стали также организовываться. Главным организатором их был Карельский. Он начал производить запись, вербуя рабочих (кондукторов и вагоновожатых) в ожидальне, стараясь всучить им талончики (вместо партбилетов) партии правых эсеров. Так создалась эсеровская организация в нашем парке.

В конце апреля 1917 г. нашей партией был выброшен лозунг: «долой министров-капиталистов из временного правительства». Тут произошла первая стычка с эсерами. Эсеры стали защищать временное правительство. Но, несмотря на их защиту, мы провели на общем собрании резолюцию о недоверии временному правительству. С этого момента начинается жестокая борьба с эсерами. Несмотря на малочисленность эсеровской ячейки, она упорно старалась защищать свои позиции, пытаясь оспаривать у нас влияние на рабочие массы. Но это им не удавалось. Главная борьба велась вокруг состава местного комитета, ибо тогда происходили частые перевыборы местных комитетов. Но несмотря на эсеровский натиск, наша ячейка всегда проводила свой список и эсеры имели в месткоме ничтожное меньшинство.

Ожесточенная борьба с эсерами началась с середины мая, после приезда тов. Ленина в Петроград. Против выдвинутых им лозунгов: «долой войну», «вся власть Советам», эсеры повели отчаянную борьбу. Вместе с капиталистами и обывательской массой они защищали лозунг войны «до победного конца». Буржуазия тогда начала неистовый вой и эсеры подхватили вымыслы буржуазии, открыто заявлявшей, что большевики—германские шпионы и что они работают на германские деньги, что тов. Ленин прислан из Германии Вильгельмом в запломбированном вагоне.

Своей демагогией эсеры натравляли несознательных рабочих на нашу ячейку. Нужно отметить, что некоторые неустойчивые члены партии заколебались и в конце мая стали выходить из наших рядов. В то время временное правительство выпустило знаменитый заем свободы, и наш представитель в Московском Совете, тов. Коновалов, голосовал за этот заем. В связи с этим нами был поставлен вопрос об отзыве его из Московского Совета. На его место был выдвинут тов. Жикин и следующим тов. Фролов, который вскоре вышел из нашей партии, вошел в партию меньшевиков. Это был первый момент отсева из нашей партии неустойчивого элемента. Оставшиеся члены партии стали энергично работать и товарищеская спайка и дисциплина среди нашей ячейки стала еще крепче.

В начале июня мы стали чувствовать, что нам придется вести вооруженную борьбу. И в первых числах июня нами был поставлен вопрос о создании Красной Гвардии. С этой целью выделили тов. Морозова, которому и поручили организацию Красной Гвардии на предприятии и руководство ею. Нашлись инструктора из наших товарищей. В Красную Гвардию записались все члены ячейки. Ученье началось за парком на поляне. Имелась одна винтовка. В середине июня, по распоряжению районного комитета, военные занятия Красной Гвардии были перенесены на СВАРЗ, где была создана Районная база Красной Гвардии. Городская управа стала чувствовать, что в ее предприя-

тиях неблагополучно, что рабочие организации находятся в руках большевиков. Учитывая серьезную опасность она начала хлопотать в военном ведомстве о возвращении старых служащих трампарка с фронта, чего ей и удалось добиться.

К 10 июня стали возвращаться с фронта старые служащие. В наш парк вернулось много фронтовиков, как-то: Корчатов, Терентьев, Шипилев, Стариков, двое Новоселовых. Вернувшиеся на работу фронтовики действительно оправдали доверие Городской Управы. Мы здесь совершили громадную ошибку. Мы приняли этих фронтовиков с распростертыми об'ятиями. Они же создали у нас «комитет фронтовиков», меньшевитскую организацию. До этого момента в парке не было меньшевистской организации; были лишь отдельные меньшевики, которые почти ничем себя не проявляли.

После «июльских дней» в Петрограде меньшевики и правые эсеры повели бешеный натиск против нашей ячейки, воспользовавшись тем, что в то время в парке работало много оборонцев, могущих поддержать их. Меньшевитская и эсеровская организации натравили массу на нашу ячейку и захватили местный комитет в свои руки, получив абсолютное большинство в нем. Мы остались в месткоме в меньшинстве.

Впрочем такое положение оставалось недолго. Временным правительством был поставлен вопрос о введении смертной казни на фронте, и эсеровско-меньшевистская городская дума стала поддерживать это предложение. Второй момент, это знаменитое июньское наступление Керенского на фронте. Тогда нашей партией был брошен лозунг: «долой смертную казнь», а в противовес тактике наступления на фронте в окопы был брошен лозунг братания солдат. Наша ячейка указывала для кого вводят меньшевики и эсеры смертную казнь. Провал июльского наступления способствовал успехам большевистской пропаганды.

Интересны были тогда общие собрания: чувствовалось, что масса уходит из-под влияния эсеров и меньшевиков. На этих собраниях нередко дело доходило до рукопашных схваток. Тогда эсеры и меньшевики, чувствуя свою слабость стали приглашать своих партийных вождей выступать в ячейке. Появлялись в парке Дан, Гоц и Мартов. Наша ячейка в противовес им также вызывала сильных товарищей. От нас выступали т. Юренев и другие. Мы мобилизовали все свои силы против соглашательских лидеров и, как ни старались удержать свои позиции меньшевики и эсеры, мы окончательно выбили их из месткома.

В дни знаменитого Московского Всероссийского Совещания и корниловского наступления меньшевистские и эсеровские заправилы стали сговариваться сами с Кишкиным, Бурышкиным и Бубликовым о подавлении рабочего движения. Керенским была брошена фраза на этом совещании по адресу его левого крыла о том, что нужно подавить железом и кровью всякое движение против правительства. Рабочие массы поняли, что Керенский хочет им преподнести черносотенного генерала Корнилова и окончательно отвернулись от меньшевиков и эсеров. Наша ячейка пользовалась громадным авторитетом. Мы снова захватили местный комитет в свои руки. Ячейка стала быстро расти и к сентябрю

у нас было более 60-ти членов ячейки, среди которых было много женщин.

Широкие рабочие массы стали чувствовать, что им придется взяться за оружие. Тогда Красная гвардия стала пополняться беспартийными товарищами. Сентябрь весь прошел для ячейки под знаком лихорадочной работы по вооружению рабочих, созданию Красной Гвардии и обучению их военному делу и управлению винтовкой. Рабочая масса готовилась к окончательному генеральному сражению.

В начале Октября началась волна экономических забастовок, сопровождавшихся локаутом во многих промышленных предприятиях. Самой серьезной была борьба рабочих—кожевников, которая длилась чрезвычайно долго. Тогда нашей партией был брошен клич о помощи товарищам-кожевникам. Ячейка Русаковского парка созывает общее собрание, на котором представитель кожевников делает доклад о тяжелой борьбе и тяжелом положении кожевников в связи с локаутом. По предложению ячейки общее собрание постановило сделать отчисления из заработка в пользу бастующих.

Волна экономических требований не прошла бесследно и для городских служащих. Союз наших городских служащих и рабочих под влиянием нашей агитации пред'явил ряд требований к эсеровско-меньшевистской городской думе. В воздухе пахло порохом. Наша ячейка в Русаковском трамвайном парке в эти дни была единственной выразительницей воли масс, а меньшевики и эсеры совершенно не имели никакого авторитета. Рабочие не давали им говорить. С их стороны раздавались только жалобы на то, что, мол, большевики затевают что-то, призывают рабочие массы к восстанию и пролитию крови.

Накануне Октябрьских дней ячейка Русаковского трамвайного парка была в полной боевой готовности и первая весть из Петрограда о начале восстания ячейкой была встречена дружно. Наши представители в Сокольнической Районной думе, товарищи Жикин и Думша, вернулись с общего заседания всех районных дум и сообщили нам о начале восстания в Петрограде. Многие товарищи в этот же вечер отправились на Тверскую по кофейням отбирать оружие у буржуазии. Совершенно не имея оружия, они по возвращении принесли много отобранных наганов и маузеров.

Началу Октябрьских дней в Москве предшествовал ультиматум командующего войсками полковника Рябцева Московскому Совету о роспуске Военно-Рев. Комитета. Это послужило сигналом к восстанию в Москве. 26 октября был созван районный Совет с представителями местных комитетов. На этом собрании т. Русаков сделал доклад о развертывающихся событиях, по которому была принята резолюция о немедленном захвате власти. Это собрание происходило в электротеатре «Наполеон» на Русаковском шоссе. Выйдя с собрания, мы боевым маршем направились на свои посты. Интересный случай произошел здесь. Нами был задержан автомобиль с его владельцем, ехавшим без шоффера. Тов. Бакин забежал перед автомобилем, наставил наган на ехавшего и попросил его слезть. Тот немедленно отдал без сопротивления свой автомобиль, только спросил, где же его отыскать. Ему ответили, что автомобиль можно найти в Революционном Комитете.

Тов. Бакин сел в автомобиль вместе с тов. Бродской, повез ее в Московский Совет. Так как тов. Бакин хорошо управлял автомобилем, то он и в дальнейшем остался при Революционном Комитете и сыграл немалую роль в перевозке из Симоновских складов патронов для Московского Совета.

Все остальные вернулись в парк и сейчас же об'явили рабочим о начале вооруженного восстания в Москве. Немедленно было отдано распоряжение об охране парка. Некоторые отправились в Районный Комитет на охрану района. Эсеры и меньшевики в эти дни стали расклеивать прокламации от «Комитета Спасения Родины». У нас расклеивал их Карельский. Но наши товарищи тотчас же срывали прокламации, в конце концов, вырвали их из рук Карельского и тут же изорвали.

Вечером к нам позвонили из Ревкома, что необходимо отправить шанцевые инструменты к Московскому Совету. Нарядив вагон, тов. Жикин и т. Хренов отправились с вагоном, набрав достаточное количество шанцевых инструментов (кирки, лопаты, ломы) к Московскому Совету.

Оставшиеся в парке товарищи стали формировать отряд Красного креста. Желающих записаться в отряд было много среди женщин; нашлись и фельдшера. Взяв из местного приемного покоя медикаменты и перевязочные средства, мы взяли три вагона, на их лобовые вывески надели красные кресты и отправили в район. Нашей ячейке были даны задания от Ревкомитета прислать людей для охраны района, вывести из Богородска артиллеристов (туда были посланы вагоны), выделить товарищей для связи с Районной думой и Революционным Комитетом, устроить в нашей столовой питательный пункт для прибывающих на отдых бойцов из центра с места боев, установить дежурства на Сокольнической станции и ряд других поручений. Многие товарищи выполняли в районе сложные поручения, например, по перевозке оружия с Казанской ж. д. и патронов из Симоновского склада. Работа кипела. Многие по несколько дней не видали семьи. Спали в парке, готовые по первому зову Ревкома исполнить всякую работу, не считаясь с жизнью. Энтузиазм масс был велик.

Несмотря на распоряжение партий меньшевиков и эсеров, чтобы их члены были нейтральны, некоторые члены этих партий принимали активное участие в ночной боевой работе, как например, тов. Иванов (вожатый), последний заявил: «Я не могу оставаться в стороне, когда решается серьезный вопрос, когда наши рабочие на улицах Москвы проливают кровь, я хочу быть с вами». Но большинство меньшевиков и эсеров ушли из парка и не показывались, но на стороне старались настроить против выступления несознательных рабочих, используя задержку в выдаче жалования, которое обыкновенно выдавалось в этих числах. Мы своевременно учли и это и под обстрелом послали т. Жикина с кассиром за деньгами и выдали жалование. Меньшевикам и эсерам и в этом случае не удалось ничего добиться своей демагогией.

Так закончились славные Октябрьские дни. В эти боевые дни рабочие Сокольников с доблестью выполнили свои боевые задачи.

По заключении перемирия для нашей ячейки настала более ответственная и серьезная работа,—это восстановление нормальной жизни парка. Но тут мы столкнулись с серьезными событиями—с саботажем высших городских служащих, вплоть до счетчиков от нашего парка. Потребовалось много товарищей, которые бы умели более грамотно писать, их послали в Управление городских железных дорог. В парке пришлось заменить контролеров, счетчиков и конторский персонал. Для этого мы выделили некоторых товарищей из кондукторов и вагоновожатых. Мы быстро замещали эти должности своими ребятами. Не отстали от саботажников и работники медицинской помощи, которые покинули парк: забастовали врачи и фельдшерицы, и приемный покой остался пустой, если не считать сторожа. И здесь ячейка немедленно приняла соответствующие меры: отыскала врача, выделила военных фельдшеров из кондукторов. Приемный покой вновь начал функционировать.

Не успев отдохнуть от боевых дней, мы начали строить новое хозяйство не забывая того, какую ответственность взяла на себя наша партия и в то же время не забывая нашу основную партийную работу, подготавливаясь к выборам в учредительное собрание, раз'ясняя рабочим первые декреты Соввласти—о земле, об отделении церкви от государства и т. д.

Вместе с тем наша ячейка продолжала и активную работу по восстановлению хозяйства, напрягала все усилия в помощи Управлению Гор. ж. д., чтобы уничтожить разрушения, произведенные в дни боев на улицах,—исправить мачты воздушной линии и произвести ряд других работ.

В январе 1918 г., когда было разогнано учредительное собрание, меньшевики и эсеры выползли из своих нор и стали вести свою пропаганду, пользуясь нашими затруднениями. Главное затруднение заключалось в продовольственном кризисе и в ряде мелких внутренних вопросов (например, в вопросе об обмундировании), которые было в первый момент трудно разрешить. Все эти недочеты выдвигали в своей агитации меньшевики и эсеры, стараясь разжечь массу и натравить на нашу партию. Характерные собрания происходили тогда. Вопросы ставились местного значения и всегда меньшевики и эсеры выдвигали требование созыва учредительного собрания. Эти собрания никогда не разрешали ни одного местного вопроса без боевой схватки и рабочие обычно расходились по домам не разрешив местных нужд. Все эти злободневные вопросы развинчивали массу и, в конце концов, эсеры и меньшевики разложили ее, что дало возможность захватить местком в свои руки. Подобного рода демагогия дала им возможность держаться в комитете некоторое время.

Вначале у нас было в парке два месткома: службы движения и службы подвижного состава, а также было и две ячейки.

На собрании ячейки службы движения после лево-эсеровского восстания в июле 1918 г. был поставлен вопрос о слиянии ячеек, о чем поручено было председателю ячейки договориться с районным комитетом. После получения соответствующих директив районного комитета немедленно было созвано совместное заседание обеих ячеек. На нем был избран единый президиум ячейки.

В июле был выдвинут Уравлением Гор. жел. дор. вопрос о сокращении штатов по городским жел. дор., так как в военное время было набрано много лишних кондукторов, обслуживавших вагон по два человека, а между тем трамвайное движение (из-за военной разрухи) было сокращено. Приказом гор. жел. дор. было указано сократить служащих, набранных за время войны. Положение было тем более тяжелое, что согласно этого приказа подвергались увольнению многие члены партии. Ячейкой был составлен протест против приказа, передан в Районный Комитет. Было созвано совещание председателей трамвайных ячеек, на котором был выработан новый проект о сокращении штатов, более осторожно подходивший к сокращению. Было созвано общее собрание службы движения, где был оглашен подработанный список подлежащих сокращению (около 70-ти чел.). Меньшевики и правые эсеры выступали на общем собрании с протестами, заявляя что, мол, большевики совершают насилие. Но наша ячейка раз'яснила массам, что создавшееся положение в парке не дает уверенности в дальнейшей работе и что та демагогия, которую ведут меньшевики и эсеры, явно враждебна пролетарской диктатуре.

Поставленный на голосование список был принят абсолютным большинством. Так решилась участь меньшевиков и эсеров в нашем парке. Левым эсерам поставлен был прямой вопрос—разделяют ли они взгляды и тактику своей партии после ее июльского выступления. Лево-эсеровская группа была малочисленна. В нее входили следующие товарищи: Тарасов, братья Чуйкины и др., всего не более 6-ти чел. Все они тут же отказались от принадлежности к партии левых эсеров и подали заявление о принятии их в нашу партию. Так кончилась меньшевистско-эсеровская склока в парке. Железная рабочая метла вымела дочиста этот мусор, ибо перед пролетарской диктатурой стоял вопрос о беспощадной борьбе со всеми ее врагами.

Очистив парк от врагов пролетариата, мы занялись деловой работой. Через неделю было созвано общее собрание службы движения и подвижного состава, на котором был избран единый местный комитет рабочих и служащих Русаковского трамвайного парка. Выставленные нашей ячейкой кандидатуры прошли единогласно. Никакой демагогии на собрании не было. Собрание быстро разрешило ряд вопросов местного значения; чувствовалась единая семья и единая мысль. Рабочие были довольны, что прекратилась грызня в их семье.

Во время тяжелой гражданской борьбы многие товарищи были взяты из парка, брошены на фронт и на разные районные и другие ответственные работы. Оставшиеся же в парке товарищи продолжали выполнять возложенную на них работу у себя на месте.

Многие погибли за дело пролетарской диктатуры: Денисов, Мулешкин, Берзин, Аркасов и ряд других. Вечная память им! Но многие товарищи и до сих пор ведут активную работу в наших рядах на разных участках Советского хозяйства.

Шарашкин.

На огнескладе Мыза-Раево.

Гарнизон на огнескладе составлял около 9-ти тысяч: около тысячи человек старого чиновничества из бывших приставов, земских начальников и проч. и около 8 тыс. солдат. Среди последних было довольно много заядлых меньшевиков и эсеров. Я лично пришел на склад 12 апреля 1917 года и сейчас же ротными солдатами был выбран в гарнизонный комитет, который на 99% состоял из меньшевиков, эсеров и кадет. Однако, к августу 1917 г. уже весь гарнизон был на стороне большевиков. Большевистскую пропаганду на складе вел тов. Ярославский, которому стоило больших трудов пробраться на склад, потому что охрана его от большевистской заразы была поставлена крепко: т. Ярославскому всегда приходилось украдкой от охраны лазать через забор. Вопреки усилию керенщины большевистская зараза пустила свои корни, так что к Октябрьской революции уже все депутаты, меньшевики и эсеры, как в Московском солдатском Совете, так и в местном комитете были отозваны, а на их место поставлены большевики и гарнизон в целом вполне был готов выступить на баррикады для захвата власти в руки рабочих и крестьян.

В начале переворота на огнескладе был организован Революционный комитет из 5 человек. Доставку снарядов в Москву удалось организовать удачно потому, что Мытищенский завод согласился передать в наше распоряжение около 40 грузовых автомобилей, да кроме того из московских частей приезжали за снарядами. Доставка снарядов началась с 8 ноября. Снаряды подавались для красных исключительно из Мызы-Раево, потому что остальные склады были в руках белых. Для быстрой отправки снаряда была назначена самая надежная рота—23-я, в которой я состоял и которая до окончания переворота занималась исключительно погрузкой, так что на долю 23-й роты пришлось 8 суток без выхода и без сна быть на складе; тут же обед и чай готовили, что, конечно, при нормальных условиях недопустимо, но в то время некогда было остерегаться, а нужно было скорей подавать снаряды. Что касается отправки в Москву подкреплений, то только с 9 ноября склад мог давать людей, потому что на складе не было никакого оружия, кроме снарядов. Только с момента захвата на станции Лосиноостровской 9 вагонов русских винтовок удалось вооружить и отправить в Москву несколько рот. Насколько помню, это были 1, 2, 3, 4 и 19 роты, которые все время были в Москве. Оставшиеся охраняли склад

и задерживали белых, пробиравшихся по Сев. ж. д. в Москву; конечно, приходилось вступать с ними в бой и могу с гордостью сказать, что раевцы всегда выходили победителями и никого не пропускали для подкрепления белых. 9 ноября из Сергиева пробиралась в Москву банда белых человек в 80, которым как-то удалось проехать Лосиноостровскую. Тогда один из товарищей—Аникеев—сел на паровоз с семью солдатами и пустился в догонку за белыми. На 6-й версте от Москвы т. Аникеев догнал белых, когда они выходили из вагона, чтобы итти в Москву пешком. Тов. Аникеев с 7 товарищами не растерялся и начал их обстреливать. В результате около 10 белых было ранено, 3 убито и 60 чел. были взяты в плен и привезены в Раево. Взятые винтовки были направлены в Сокольнический район к командующему войсками Московского округа Рябцеву.

Теперь хочу вспомнить, в каком положении находился Раевский гарнизон в первые два дня Октябрьской революции, т.-е. 7 и 8 ноября. Склад охранялся не Раевским гарнизоном, а охраной из 84 пехотной дружины, которая квартировала на станции Перловке Сев. ж. д. и которая про большевиков и слышать не хотела, потому что командный состав дружины—из старой армии—сумел внушить солдатам, что большевики—враги народа. Необходимо было сменить охрану и поставить свою. Разоружение охраны дружины было произведено путем неожиданного нападения. Поставили свою охрану, а в запасе оружия нет. Один из товарищей—Лепский—просит три грузовика для разоружения штаба 84-й дружины, где имелось до 1000 штук берданок. Я долго не отпускал, но выхода не было—пришлось отпустить. Не думали, что они вернутся обратно. Однако, часа через три вбегает тов. Лепский и кричит «ура» от радости. Штаб дружины разоружен и ружей привезли около 1000 шт., которые, конечно, сейчас же поторопились раздать красногвардейцам.

Каким же порядком т. Лепский разоружил штаб дружины? Он приехал в штаб всего с двумя товарищами и об'явил, что штаб окружен девятитысячным Раевским гарнизоном, а потому он требует от штаба безоговорочно выдать оружие. Штаб струсил, сейчас же наложил ружья на автомобили, которые Лепским и были доставлены в Раево. В заключение могу сказать, что Раево в Октябрьские дни сыграло громадную роль не только для Москвы, но и для всей республики, потому что выбить белых из Кремля, Александровского училища и проч. было невозможно иначе, как орудийными выстрелами. Раево успевало подавать снаряды вовремя и этим способствовало победе красных.

Хватов.

На заводе „Геофизика“.

Меня Октябрьский переворот застал работавшим на фабрике «Геофизика» (б. Швабер). На фабрике до переворота велась борьба с меньшевиками, которых было засилье, а большевиков было всего 4 человека: Шаминков, Хватов, Сосновиков и Матия (последний был убит во время демонстрации 9 января 1918 года).

Организации Красной Гвардии на фабрике не было, потому что примыкавшие к меньшевистскому течению участвовать в таковой не хотели, только мы четверо были членами Красной Гвардии. Связь держали с районом, выполняя все задания, а в районе руководителями Красной Гвардии были тогда Завидонов, начальник Красной Гвардии Симаков, помощник начальника штаба Алферов и тов. Маленков. Анархисты в организации Красной Гвардии влияния не имели.

Участвовать в боевых схватках во время Октябрьского переворота нам не пришлось, так как мы были направлены на разгрузку винтовок с Казанского вокзала, а потом снабжали таковыми Симоновский и Хамовнический районы; с Симоновского порохового склада брали патроны и развозили по тем же районам и снабжали патронами свой Сокольнический район.

Во время демонстрации 9 января, когда колонны всех районов подошли к центру, начался обстрел демонстрации с нескольких сторон. Произошла паника. Было скомандовано колоннам: «ложись». Бывшие с нами пулеметы начали обстреливать те здания, из которых была стрельба. Перестрелка продолжалась 20 или 30 минут не больше. Красной Гвардии было отдано распоряжение обыскать здание гостиницы «Метрополь» и Большую Московскую гостиницу. Обстрел был произведен с целью срыва демонстрации соглашателями и контрреволюционерами.

Эйхман.

Как мы боролись.

После свержения царизма общим собранием рабочих я был избран членом Московского Совета. Месяца за два до Октябрьской революции во фракции РСДРП уже поднимался вопрос о вооруженном восстании рабочих против временного правительства и, насколько я помню, особенно интенсивную работу вели товарищи: Смидович, Аванесов, Ногин и др., которые и были фактическими руководителями фракции.

На заводах организовываются нелегально особые дружины из рабочих для обучения владеть оружием. Примкнув к такой дружине, организованной на заводе Михельсон, я недели две обучаюсь с винтовкой под руководством тов. Верземнека, Петрова и анархиста Бекренева.

Начинается Октябрьское восстание. Тов. Бекренев берет отряд красногвардейцев и отправляется в Кремль, где попадает в плен к юнкерам. В это время я находился на дежурстве на Дроболитейном заводе. Тов. Петров и Верземнек поручают мне организовать собрание рабочих, разъяснить последним предпринятую рабочими борьбу против Временного Правительства и создать дружину для помощи нашим рабочим, уже сражающимся на баррикадах. Созываю срочно собрание, на котором и удается организовать дружину в количестве 30 человек. Разбиваю дружину на два отряда по 15-ти человек в каждом. Вооружение отрядов чисто примитивное—лопаты, кирки и два револьвера с четырьмя патронами, отобранные у администрации завода. Один револьвер отдаю старшему отряда, отправляющегося в Сокольнический район, другой оставляю себе и вместе с остающимся отрядом иду в Революционный Комитет Городского района, в то время находившийся на Сухаревской площади. Сейчас же по прибытии в комитет нас разбивают на группы: одних с лопатами посылают рыть окопы, других—в боевые дружины. В последнюю категорию попадаю и я. Вооружение слабое: старая винтовка и 8 патронов. Тов. Верземнек, бывший при Ревкоме Городского района, назначается начальником Красной Гвардии Городского района. Происходит неудачная стычка у телефонной станции. Тов. Верземнек идет на разведку и смерть отнимает его от нас. В этот же день в Городской район прибывает к нам на помощь часть солдат из Спасских казарм, вооруженных винтовками. Положение наше улучшается. Вместе с ними получаем распоряжение выбить из телеграфа укрепившихся там юнкеров, что и удается сделать с помощью других районов.

Три дня борьбы с юнкерами были для нас особенно тяжелы. До получения смены—неустанная борьба на баррикадах, в разведке, недостаток продовольствия, оружия, патронов; спать не приходится.

Узнаю, что в Городском районе нехватает бензина и масла для автомобилей. По счастью вспоминаю, что на заводе всего этого в достаточном количестве; получаю распоряжение забрать. На заводе забираю все нужное для машин и устраиваю тут же базу по снабжению наших грузовиков горючими материалами.

Закончилась Октябрьская борьба. Тов. Верземнек, руководитель нелегальных десятков Алексеевско-Ростокинского района, убит и я получаю назначение от Райкома быть начальником отряда Красной Гвардии из 25-ти человек, сформированного преимущественно из рабочих заводов Дроболитейного, Коса, Ферман, Сусоколова, Аркина и др., помимо Водокачки.

Борьба еще не закончилась вполне, осталось еще очень много офицерства и юнкеров, готовых задушить рабочий класс. Красная Гвардия Городского района, подчиненная распоряжениям штаба, получила приказ не расстреливать эту свору, несмотря на то, что мы резонно указывали на возможность для офицерства вновь организоваться в других городах и напасть на рабочих. К сожалению, в дальнейшем это и оправдалось, как это мы видим из наступления Деникина, Колчака и прочей белой банды.

С маленьким отрядом красногвардейцев я веду охрану района, произвожу обучение и посылаю добровольцев на фронт. Довольно мирный порядок нарушается борьбой с восставшими анархистами. На 1-й Мещанской ул., в д. № 43, была организована типография анархистов. Под моим руководством отряд красногвардейцев забирает дом, арестует и разоружает анархистов и отправляет их в 8-й Мещанский Комиссариат.

Происходит реорганизация Красной Гвардии в Красную Армию. Отряд красногвардейцев в большинстве переходит добровольцами в Красную Армию.

Вечная память погибшим товарищам в борьбе с буржуазией за власть трудящихся!

Винзберг.

Санитарное дело в Октябрьские дни.

Много есть воспоминаний о боевых операциях в Октябрьские дни, но очень мало сказано о том, какова была постановка санитарной части в то время.

Приблизительно 25 октября я был послан Военно-Революционным Комитетом Сокольнического района совместно с другими красногвардейцами (Маленков и первые комсомольцы нашего района Жебрунов и Барболин) в качестве пикетчиков к зданию Московского Совета. Когда мы прибыли туда, санитарная часть там совсем отсутствовала. В ту же ночь прибыла от нашего района Софья Николаевна Волконская, принявшая участие в организации перевязочного пункта в самом здании Московского Совета совместно с доктором Верховским. Во главе санитарной части при Военном Революционном Совете, как мне помнится, был доктор Верховский, руководивший налаживанием перевязочных пунктов, как в здании Моссовета, так и вне его, а также и эвакуацией раненых красногвардейцев в различные лечебницы Москвы.

Работа санитарной части состояла, главным образом, в том, что она отправляла летучие санитарные отряды на место боев на помощь раненым красногвардейцам, главным образом, вблизи здания Моссовета, а также и в другие районы.

Санитарные отряды формировались, главным образом, из числа работниц, приходивших на помощь санитарной части из разных районов Москвы. Многие из участников совсем не были знакомы со способами оказания медицинской помощи и тут же на месте перенимали их у других, более опытных, служивших раньше в армии в качестве фельдшеров и санитаров.

Перевязочный материал мы доставали из лазаретов через тех немногих представителей медицинского персонала, которые сочувствовали нам (их в то время можно было по пальцам сосчитать).

Медицинская помощь состояла в том, что раненым красногвардейцам накладывали сухую перевязку и на носилках, в автомобилях или военно-санитарных повозках отвозили в лазареты, находившиеся поблизости здания Моссовета.

Я был во главе одного из летучих отрядов и оперировал около здания быв. гостиницы «Националь». Не доходя до нее, мы наткнулись в переулке на ресторан, где юнкера, не успев пообедать, оставили нам шикарный обед. Здесь я кстати устроил

перевязочный пункт. Там мы не только перевязывали раны, но и кормили раненых и те, кто был в состоянии, шли опять в бой.

Интересно отметить один характерный случай. Один раз я встретил на улице двух красногвардейцев: один из них, вооруженный, сопровождал своего раненого товарища. Я остановил раненого с предложением перевязать ему рану, но другой возразил мне: «нечего перевязывать рану этому мерзавцу, он грабит часовой магазин за спиной тех, кто проливает свою кровь за революцию».

Иногда примазывались к нам гимназистки из противоположного лагеря и шпионили: узнавали расположение наших красногвардейцев, и, улизнув обратно, передавали все в главный белогвардейский штаб в городской думе. Мы раз поймали троих таких подозрительных гимназисток, примазавшихся к нашему отряду и носивших красный крест. Мы их задержали и отправили в Военно-Революционный Комитет. Там было произведено дознание, присутствовали при допросе Верховский и я. По ходатайству Верховского их отпустили с условием больше не показываться.

В последние дни октябрьских боев летучие санитарные отряды стали отправлять раненых непосредственно в лазареты, руководствуясь указаниями центрального перевязочного пункта при Военно-Революционном Комитете.

Бизякин.

В плену у юнкеров.

Наш 56-й запасный, караульный батальон находился в Кремле. 25 октября пришли мы из караула к Кремлю, видим Кремль оцеплен юнкерами и нас не пускают, а почему и что случилось, нам не говорят. Тогда мы решили разойтись кто куда, ночевать. Нас не пустили в Кремль, а внутри Кремля были две наши роты, оставшиеся от караула, и 1 рота с Ходынки: из них никого не выпускали из Кремля.

26-го утром пошел к своим товарищам в Кремль узнать, что с ними делается. Подхожу к Кремлю и вижу, что оцепление снято, ворота Кремля все закрыты, кроме одних—Троицких, и у них стоят наши часовые, которые пропускают в Кремль своих солдат и жителей Кремля по удостоверениям.

Собрались мы в казарме, а караул не назначается и из Кремля никого не выпускают. Мы все находились в казармах и в клубе, а офицерство у нас словно сгинуло, только одни солдаты остались. В 9 часов утра этого же дня (26 числа) приходят к нам двое,—один в форме прапорщика, а другой в вольном пальто,—т. Берзин и т. Ногин:—«пришли поговорить с вами. У нас идут переговоры с командующим войсками Москвы и мы согласились на том, чтобы командующий снял оцепление с Кремля, а мы бы выпустили роту солдат с Ходынки из Кремля; кроме того командующий просит нас, чтобы вы отдали Арсенал под охрану юнкерам. Что бы на это скажете»? Тогда мы все, как один сказали, что мы Арсенала под охрану юнкерам не отдадим. Они ушли и опять мы остались одни.

Вечером (уже стало смеркаться) по подложным удостоверениям прошли в Кремль два переодетых юнкера и пришли к нам в клуб, но мы узнали, что это не наши солдаты; в разговоре они сознались, что они юнкера, тогда мы их арестовали и при обыске нашли у них две бомбы. Когда мы их посадили в карцер, они сказали: «все равно мы вас сегодня ночью будем брать штурмом». Затем узнали, что прапорщик Берзин в Кремле и вызвали его. Он об'явил себя комендантом Кремля и говорит нам: «без моего приказания никакой стрельбы не открывать». Потом приказал одеваться, брать винтовки с патронами и каждому взводу занять ворота Кремля. Когда мы вышли из казармы и заняли все ворота, то к нам еще присоединились рабочие Арсенала и рота, прибывшая из окопов на отдых. Из разговоров с рабочими Арсенала выяснилось, что в Арсенале есть 6 пулеметов. Они вытаскивают их все во двор Кремля, а среди нас нашлись умею-

щие владеть пулеметами. Мы стали на страже у всех кремлевских ворот. Слышим началась где-то стрельба, и мы почувствовали себя оборонителями Кремля. В это время под'езжают какие-то всадники к воротам и мы слышим их разговор, что надо привезти пожарную лестницу и втащить пулемет на стену и продолжать стрелять. Тогда мы поставили часовых на стену.

В 12 часов ночи юнкера бросают бомбу в Спасские ворота и двоих наших ранило. Тогда наши со стены дали залп по их патрулю. Слышится стрельба в городе все сильней. В 1 час ночи из сарая выезжают броневики, которые находились у нас в Кремле, но мы этого не знали. Мы окружили их и спрашиваем: «вы куда?». Они говорят: «нам надо за ворота Кремля для переговоров». Но мы запротестовали и заставили их в'ехать обратно в сарай; хотя им было и не по нутру, но пришлось покориться. Мы продолжали держаться до утра без смены.

Утром 27 октября в 7 час. тов. Берзин собирает нас и говорит: «товарищи, мною получен ультиматум и дано на размышление 20 минут. Весь город перешел на сторону командующего войсками». Было очевидно, что остались мы одни, и мы были так изолированы, что ничего не знали, что там за стенами делается. Мы решили вместе с тов. Берзиным сдаться, как военнопленные, так и сделали. Стащили пулеметы к Арсеналу, открыли ворота и пошли в казармы. Не прошло и 30 минут поступило приказание выходить во двор Кремля и выстраиваться по-ротно. Выходим и видим, что к нам пришли гости—роты юнкеров, те же задержанные нами ночью броневики, и одно орудие—трехдюймовка. Выстраиваемся, а юнкера нас окружили и ружья наготове, а часть из них заняла казармы, стоят у всех дверей и окон. Не поспели как следует разобраться, слышим от Троицких ворот затрещал пулемет, стреляющий в нашем направлении. В панике бросились кто куда: кто хотел обратно в казармы, а там штыками порют; часть бросилась в школу прапорщиков, а в них бросили бомбу. Очутились кругом в мешке. Стон, крик, на камнях двора раненые и убитые наши товарищи.

Минут через 8 стрельба прекратилась, выходят офицера и машут руками: «Стой, стой,—это ошибочно». Подымаемся с земли и опять совещаемся друг с другом.

И что же, только что скучились, опять затрещали выстрелы по нас и еще оставили мы на камнях раненых и убитых товарищей. И опять выходят офицеры и говорят: «это ваши стреляют, встаньте же». Но рабочие Арсенала видели, как нас расстреливали, и, поняв, что и с ними то же будет, поставили в окнах Арсенала пулеметы и открыли по цепи юнкеров стрельбу. Я лежал за ящиком японских винтовок, которые были около Арсенала, вдруг вижу выскакивает женщина в форме прапорщика, вокруг плеча пулеметные ленты, выкатывает пулемет, ставит около «царь пушки» и—давай стрелять по окнам Арсенала.

Потом все утихло, но нам кричат: «становись». Выходит седой полковник и кричит: «всех их на лобное место». Но оставшихся построили в две шеренги, обыскали, отобрали ножи, у кого они были, затем скомандовали: «направо» и повели во двор окружного суда. В воротах поставили часовых, и мы находились с 8 часов утра до 1 часу ночи 28-го числа, как скотина

в вагоне. К нам стали приводить и других пленных. Потом взяли несколько человек из нас, чтобы убрать убитых и стаскать их в сарай.

В час ночи нас выстроили, пересчитали и повели в казарму на третий этаж, где раньше помещалась одна рота, а теперь нас всех туда набили, принесли нам парашу, а в дверях наставили часовых. Утром из нас отобрали 70 человек и повели во второй этаж; сформировали из нас роту, назначили ротного командира—прапорщика Хорошкова—и мы, эти 70 чел., выполняли под конвоем работу: возили убитых товарищей на грузовиках в университет, нагружали, сгружали. Потом заставляли нас носить мешки картошки на себе, а юнкер идет сзади и подгоняет.

Дня через три нашего плена стали нас по одному вызывать и допрашивать,—сколько кому лет и тем, кому было сверх 35 лет, давали пропуск за ворота и говорили: «мы вас выпускаем, идите, куда хотите». Но никто не решался выходить, потому что за воротами Кремля стояли посты из офицеров и юнкеров и угрожали нам штыками. Они же гоняли нас загораживать, под обстрелом, арки Иверской часовни, чтобы им можно было ходить в думу на совещание.

На четвертый день нашего плена стали обращаться с нами мягче. Вечером собирает нас ротный Хорошков, стал рассказывать, что делается в городе: все бьют, грабят, растаскивают. Затем началась стрельба по Кремлю. Нам передают: «вот что ваши делают». Действительно, стрельба идет. Разбили малый Николаевский дворец, пробили Ивана Великого и, наконец, попал снаряд в наши казармы. Мы ждем: вот сейчас все рухнет. Но нас никуда не выпускают.

Наконец, под 2 ноября к нам приходит какой-то офицер и говорит: «вот что, друзья, мы, жалеющи вас, хотим вас выпустить, но боимся, что вас всех перестреляют из пулеметов, подумают, что это наши идут. Мы решили выпускать вас группами. Сейчас первую партию выпустим, а если стрельбы не будет, то будем и дальше выпускать». Направление нам дали на Покровские казармы. Выпускали нас в Спасские ворота. Измученные, идем; ночь темная. Проходим Василия Блаженного, на углу Варварки горит фонарь, смотрим, магазины—все в порядке думаем; нагло врали наши враги.

Идем дальше, слышим: «стой, кто идет». Отвечаем: «товарищ, пленный из Кремля»,—«проходите».

Подходим к Варварских воротам, смотрим—целая застава наших товарищей, с таким восторгом встречают нас и направляют в чайную на Солянке...

Иванов.

Мастерские автомобильной роты в Октябре.

В Февральскую революцию я был в Мариуполе на службе в царской армии—24 пех. зап. полка рядовым. Активного участия в революции не принимал, кроме лишь участия в манифестациях солдат с рабочими и горожанами города Мариуполя. 6-го мая 1917 года откомандирован в Москву во 2-ю зап. автомобильную роту, как специалист-токарь. Был назначем во 2-ю мастерскую роты у Преображенской заставы.

Проработав около недели в мастерской по сборке, стал знакомиться с жизнью роты и прислушиваться к событиям тогдашних дней. В роте было много сторонников разных революционных партий, в которых я тогда еще не разбирался и не знал, кому верить, правы ли они в своих убеждениях или нет.

В июльские дни 1917 г. стало как-то оживленно на улицах и в роте и в особенности это ярко отражалось на Преображенском рынке, где выступали всех мастей ораторы. Помню, как одного гражданина, выступившего против всех предыдущих ораторов, чуть ли не избили; впоследствии оказалось, что он большевик. После этого в роте очень часто стали устраиваться собрания солдат. Тут я стал немного разбираться, что такое большевики, меньшевики и эсеры и т. д. Должен при этом заметить, что в роте преобладали рабочие-пролетарии (до 80%), из крестьян была остальная часть, но и крестьяне были не такие, как в пехоте, где почти все крестьяне от сохи, тут же, хотя и крестьяне, но работавшие где-либо на заводе или в мастерской.

Особенно ярко выделялись на собраниях и по ротам в беседах с солдатами т.т. Есин и Блохин (других товарищей забыл теперь фамилии). Большая часть солдат заметно стала чувствовать симпатию к большевикам, что показали голосования по типу буржуазной демократии,—опускание номерков в урну: почти вся рота отдала свои голоса за 5-й номер (большевиков). Как теперь вспомнишь, поставили всех в затылок, предварительно снабдив «номерками». Стоит много урн и каждая под номером. Стали подходить по очереди. Урна пятого номера получила больше других голосов. После этой победы пятого номера, т.-е. большевиков, масса солдат еще тесней сплотилась вокруг идей большевизма, и кто бы ни выступал на собрании, верх брали большевики. Этому много способствовало то обстоятельство, что группа большевиков все время находилась в роте на нарах с солдатами и раз'ясняла разницу между буржуазной революцией и пролетар-

ской. Бывшая в роте часть меньшевиков и эсеров перестала пользоваться каким-либо авторитетом, потому что они все гнули до победного конца войну, а из этого впоследствии солдатам стало ясно, что они—охвостье буржуазии вместе с их временным правительством.

И вот подходит Великий Октябрь. Как раз накануне приходим в роту из театра и слышим что-то неладное: заводят грузовики, бегают в кладовку за бензином и вообще сначала показалось, что происходит какая-то суматоха. Потом слышим, что подготовляется восстание для захвата власти Советами и что против выступили юнкера во главе с тогдашним командующим Моск. Воен. Окр. генералом Рябцовым.

Делают наряд машин во все районы Москвы. Я попадаю со своим приятелем Яковлевым на легковую машину в помощь ему, так как одному с машиной было трудно справиться тогда, и мы едем в Рев. Военный Комитет и Штаб Красной Гвардии Городского района; последние помещались на М. Сухаревской в трактире бывш. Бакастова. Там мы получаем удостоверения, пропуск на машины и вооружение.

Раз'езжали по городу с отрядом двинцев, производившем аресты буржуазии, подвозили новые пополнения на передовые линии к Кремлю, а больше всего приходилось ездить с ответственными товарищами из Красной Гвардии и Ревкома по городу и в Центральный Штаб Красной Гвардии. По дороге частенько были аварии: то прострелят покрышку с камерой; то так, сама по себе, закапризничает машина; тут уж приходилось работать не мешкая. Весь обдерешься, измажешься, лазая под машину. Один раз разбили передние стекла машины и пуля счастливо проскочила мимо меня и лишь задела рикошетом рукав кожаной куртки; хорошо еще то, что в это время в кузове машины не было никого из товарищей. Во время езды по городу частенько подвергались обстрелу с чердаков, крыш и из-за углов домов. Особенно серьезному обстрелу подверглись, стоя у Московского Совета на площади у памятника Скобелеву: как раз часов в 12 дня слышим треск пулемета: та-та, та-та, та-та... Смотрим, пули стучат по крыше; направление стрельбы от Страстной площади. Впоследствии оказалось, что стреляли юнкера с колокольни Страстного монастыря.

Во время обстрела гостинницы Метрополь 1-й зап. арт. бригадой с площади Моссовета, мне пришлось быть на площади. От первого же выстрела в бывш. гостинице Дрезден против здания Московского Совета повылетели почти все стекла.

Не помню: на 5-й или 6-й день боев, глядим—по Тверской снизу к зданию Московского Совета идут попы с крестами, иконами и другими поповскими принадлежностями. Остановившись, они стали уговаривать солдат прекратить бои, так как, мол, вы бьете своих же братьев и т. д. На это солдаты и красногвардейцы, усмехнувшись, сказали: «бросайте вы очки втирать». Было ясно, что юнкера слабели и, чтобы не быть наголову разбитыми, послали попов уговаривать красных прекратить бои. К концу боев, когда юнкера были уже разбиты, мы принимали пополнение из Нижнего, из какого-то зап. пех. батальона; это пополнение было уже не нужно, но радостно было чувствовать братскую солидар-

ность, что к нам шло пополнение против юнкеров. Конечно, все приехавшие солдаты шли добровольцами, а не по приказу.

После окончательного поражения юнкеров, мы были с машиной отозваны обратно в мастерскую роты.

По приезде в роту начались разговоры, кто где был, кто из наших убит, ранен или пропал без вести. А без вести пропасть было не мудрено, так как убитых подбирали с улицы и свозили в морг, где, конечно, в груде трупов найти кого-либо было трудно.

На третий день состоялось собрание, где был избран на должность командира роты т. Блохин, на место бывш. командира—князя Кропоткина.

П. Королев.

Штаб Красной Гвардии и военный комиссариат Сок. района.

24 ноября 1917 г., выписавшись из лазарета Ермаковского распределителя, я явился в Сокольнический Комитет РСДРП(б) для перемены своего партийного билета и регистрации, так как партийный билет у меня был Северо-Западной областной организации. Меня направили работать в Штаб Красной Гвардии, помещавшийся в бывш. ресторане «Золотой Якорь», по Ивановской улице (ныне улица Маленкова). Как только я явился на следующий день в штаб, мне было поручено работать пом. коменданта Штаба Красной Гвардии. На последнего была возложена охрана особо важных складов, расположенных в Сокольниках, как-то: склад удушливых газов на территории бывших складов Готье, инженерное имущество бывшего 1-го прожекторно-телефонного полка и целый ряд других складов. Кроме того, на моей обязанности было вести учет красногвардейцев и их наряды на обыски, аресты и проч. Высылались отряды красногвардейцев и в распоряжение Центральн. Штаба Кр. Гвардии.

В этот момент Штаб Красной Гвардии состоял из след. лиц: начальника Красной Гвардии т. Шумкина—рабочего Сокольнических мастерских, начальника Штаба т. Завидонова—вагоновожатого Рязанского парка, коменданта Штаба т. Симакова—из Ново-Сокольнического трамвайного парка (ныне Русаковского), заведующего оружием т. Сацкова—из того же парка, т. Кривоносова—завед. хозяйством—из Сокольнических мастерских и целого ряда других товарищей.

К этому времени все солдаты старой армии расходились по домам, а немцы начали наступление, заняв территорию на западе и Украину. В рядах Красной Гвардии солдат было незначительное количество, преобладающее же большинство красногвардейцев составляли рабочие. Таким образом, наш штаб получал бойцов с заводов и фабрик, находящихся на территории района. Рабочие направлялись в штаб Кр. Гвардии фабрично-заводскими комитетами. В Сокольнических мастерских был в то время как бы подрайонный штаб во главе с т. Андреевым. Откуда, главным образом, и шла боевая сила на пополнение красногвардейских отрядов. Много красногвардейцев давали Ново-Сокольнический трамвайный парк, заводы Варц-Мак-Гиль, Абрикосова и др. предприятия; даже Ермаковский Дом Трудолюбия направлял инвалидов.

Работа Красной Гвардии состояла не только в охране ценного имущества, но выполнялась и чисто оперативная работа: производились аресты и обыски, велась борьба со спекуляцией, контрреволюцией и бандитизмом. Каждую ночь штабом отправлялось несколько команд красногвардейцев в ночные чайные и др. притоны, где ими арестовывались разные подозрительные лица, отбиралось большое количество винтовок, револьверов и шашек. Арестованные и забранное оружие доставлялись в штаб, где у задержанных проверялись документы. Арестованные для дальнейшего выяснения передавались милиции; оружие, конечно, оставалось в штабе.

В таком же направлении проводили работу в то время и анархисты, у которых имелись свои штабы черной гвардии. В нашем районе такой штаб помещался в богадельне Геер (ныне это помещение занято Сокольн. Райкомом ВКП(б). При поездках на грузовике по какому-нибудь поручению нередко команды красногвардейцев по пути встречали автомобили с такими же вооруженными командами красногвардейцев из других районов и анархистов. Команды останавливали друг друга для проверки документов. Документы—мандаты на право обыска и ареста подозрительных лиц в районе—выдавались старшему по команде, чуть ли не на клочках бумаги, за подписью дежурного по штабу, скрепленные печатью штаба Красной Гвардии. Вся работа штаба Красной Гвардии проводилась под руководством партийного комитета и в тесном контакте с административно-юридическим отделом, коллегия которого состояла в то время из т.т. Мессинга, Гарютина и Кочеткова.

Вскоре в районе началась работа по организации отряда для отправки на фронт, а вместе с тем было решено организовать и какую-либо отдельную воинскую единицу для регулярного несения караульной службы. Это было уже в декабре м-це 1917 г. К этому времени в штабе Красной Гвардии произошли перевыборы руководящего ядра: начальником Красной Гвардии был избран т. Завидонов, начальником штаба т. Пичугин (быв. прапорщик, левый эсер); и назначены: начальником хозяйственной части Жонэ — чл. РСДРП(б), прапорщик, и я—заместителем коменданта штаба.

Начала развертываться вербовка рабочих в отряды. Подвинулось вперед дело организации караульно-рабочей команды. Один отряд был отправлен на фронт, кажется, в январе м-це 1918 г. Караульную команду удалось быстро организовать из числа бывших солдат прожекторно-телефонного полка. Командование ею было передано б. прапорщику Ковалеву. В обязанность этой команды входила, главным образом, охрана имущества (очень ценного) полка. Кроме того, нередко часть команды вызывалась по тревоге.

Надо заметить, что по тому времени наш район был очень силен, благодаря сплоченности парторганизации, дисциплины рабочих и наличия подсобных технических сил. В Сокольнических мастерских стоял прибывший из Петрограда броне-отряд, в нашем районе находился также автомобильный склад, который давал в наше распоряжение автомобили.

После отправления на фронт первого отряда во главе с товарищами Маленковым, Емельяном, Медведем и Андреевым, было приступлено к организации и второго отряда. Уже в этот момент для набора добровольцев был организован вербовочный отдел, который регистрировал добровольцев. Последние были исключительно из рабочих.

В силу большого наплыва добровольцев приступлено было к формированию 1-го Сокольнического полка, для которого было отведено помещение в Ермаковском работном доме. По окончании формирования полк под командой т. Грота был отправлен на фронт, на Урал, где влился в одну из крупных частей, начальником которой был Емельян Маленков.

Вскоре, в феврале 1918 года штаб Красной Гвардии был переименован в Военный Комиссариат. Во главе его была поставлена коллегия в составе тт. Мессинга, Медведя и Завидонова. В Военном Комиссариате были созданы отделы: Мобилизационный, начальником которого был т. Пичугин, отдел всеобщего военного обучения (Мякотин), отдел снабжения (т. Жанэ), агитационно-вербовочный (т. Конокотин), комендантская часть (т. Королев, пишущий эти воспоминания).

Неудачен был выбор руководителя Всеобуча. Мякотин, бывш. офицер, вскоре скрылся, похитив 7.000 руб. Сменивший его бывш. офицер Мелратник, впоследствии был расстрелян за контрреволюционную деятельность. После Мелратника работой Всеобуча руководил т. Андреев (брат т. Андреева, организатора Кр. Гвардии в Сок. мастерских).

Работа Военного Комиссариата приняла плановый характер, формирование частей проводилось мобилизационным отделом через агитационно-вербовочный отдел и отдел снабжения. В то время, благодаря отсутствию учета военного имущества, приходилось всюду искать походные кухни, повозки и проч. Мало того, доставлялось это имущество в распоряжение Военкомата в неисправном виде. Перед нами стал вопрос о создании ремонтных мастерских. Мастерские были организованы на Огородной улице. У штаба Красной Гвардии почти никаких транспортных средств не было; при создании же Комиссариата был организован обоз и автотранспорт, в связи с чем снабжение формируемых частей урегулировалось.

На ряду с формированием 1-го Сокольнического полка, было приступлено к организации основного инженерного Советского полка на территории бывшего 1-го прожекторно-телеграфного полка. Командиром этого полка был назначен Волобуев, а комиссаром тов. Наседкин. Под наблюдением Военного Комиссариата развертывались также и артиллерийские части, расположенные в Сокольниках на дачах.

На долю Военного Комиссариата выпала, кроме того, большая работа по борьбе с анархистами, эсерами и меньшевиками. В нашем районе, на 1-й Мещанской улице, в особняке Кузнецова, помещалась группа анархистов, которая начала заниматься бандитизмом, производила грабежи и убийства милиционеров на постах. Почти каждую ночь приходилось выезжать с командой красноармейцев на грузовиках с пулеметами; были случаи

выезда и на броневиках, которых у нас было достаточно, так как броне-отряд, в составе броневиков «Ахтырец» и марки «Остен», находился в Сокольнических мастерских. Анархисты при нашем появлении никогда в открытую борьбу с нами не вступали.

В апреле 1918 г. было решено по всем районам разоружить анархистов. В нашем Военном Комиссариате было созвано узкое совещание, на котором присутствовали: Ефремов, Мессинг, Медведь, Завидонов, Русаков и др.; на нем было постановлено разоружить анархистов и в первую очередь штаб черной гвардии, помещавшийся в богадельне Геер по Верхне-Красносельской ул., предложив им вначале добровольно сдать оружие. В случае сопротивления со стороны анархистов было решено открыть огонь. С этой целью были мобилизованы основной инженерный Советский полк и 1-я рабоче-караульная команда, насчитывавшая к тому времени около 250 стрелков, и броне-отряд. Я был избран парламентером. Кроме того, мне было поручено, в случае отказа анархистов от добровольной сдачи оружия, командовать караульной командой.

Ночью было все приготовлено. Территория, занимаемая штабом черной гвардии, была окружена со всех сторон.

На рассвете вместе с т. Харламовым (студентом) я явился без оружия к двери штаба черной гвардии и начал стучать. Кто-то вышел и через дверь спросил, в чем дело. Заявив, что мне нужен начальник штаба или кто-нибудь, могущий его заменить, я настойчиво просил пустить меня в помещение для переговоров. Неизвестный ушел. Затем снова вернулся на мой стук в дверь и просил через дверь сказать ему о цели моего посещения. Вынув постановление Московского Совета (или другой организации, точно не помню), я дал ему возможность через стекло прочитать содержание. Там предлагалось в течение пяти минут сдать оружие, с угрозой в противном случае применить вооруженную силу. Неизвестный ответил: «пошли к чорту с вашим постановлением! Можете стрелять, а мы—посмотрим».

Содержание переговоров было доложено здесь же т. Завидонову, руководившему разоружением, по приказанию которого и был открыт огонь по зданию со стороны завода Штритер; стреляли также и с под'ехавшего грузовика. После обстрела помещение было занято, взято много винтовок и револьверов, 3 пулемета системы «Максим». Были арестованы все находившиеся в здании анархисты. Здесь же было установлено, что по соседству—в деревообделочном заводе Моск.-Казанской жел. дор.—находится много оружия, принадлежащего анархистам. Последнее также было забрано нами. Все арестованные мною в сопровождении красноармейцев были препровождены в Кремль на гауптвахту, куда направлялись задержанные анархисты со всех районов. Во время этой операции с нашей стороны был ранен один красноармеец.

По разоружении местных анархистов, в наш район прибыл из Орехово-Зуева отряд анархистов-коммунистов, направлявшийся на фронт, но остановившийся на некоторое время в Ермаковском ночлежном доме. Некоторые части этого отряда также начали заниматься бандитизмом, а поэтому нам было предложено разору-

жить и его. Однако, с этим отрядом удалось договориться и он убыл на фронт.

К этому времени в нашем районе уже формировался Интернациональный батальон, в который входили китайцы и венгры; также формировался и 20-й отдельный легкий артиллерийский дивизион. Первый (под командой т. Неттика) расположен был в богадельне Геер (по освобождении помещения от анархистов), а второй—в здании богадельни Боева на Стромынке. Артиллерийские же части, сформированные в Сокольниках, были отправлены на фронт.

В июле 1918 года в Москве было восстание левых эсеров, которых у нас также было достаточно: начальник мобилизационного отдела Военного Комиссариата—Пичугин, в основном инженерном Советском полку—Савинов и в продовольственном отделе Сокольнического Совета—Сорокин, ныне зам. председателя правления Центросоюза, и ряд других. Все они были арестованы в чайной на углу Красносельской и Краснопрудной улиц и через несколько дней отказались от дальнейшей принадлежности к левым эсерам, изъявив желание вступить в партию большевиков.

Но центральным ядром левых эсеров был отряд Попова, который занял телеграф. Будучи вскоре оттуда выбит, отряд начал отступать через Рогожскую заставу по Владимирскому шоссе, и нашему Военному Комиссариату была дана задача его преследовать и принять меры к полной ликвидации. В этот момент, как и всегда в экстренных случаях, были мобилизованы все члены нашей партии. Мне же с т. Завидоновым пришлось наспех с отрядом китайцев нагонять отступающий отряд Попова. Китайцами было чрезвычайно трудно командовать в виду недостаточного понимания ими русского языка. Преследование продолжалось до Измайловского Зверинца, где отряд Попова и был ликвидирован.

Летом же 1918 г., уже после восстания Попова, в нашем районе на линии товарной станции Казанской дороги возник пожар поезда с артиллерийскими снарядами. Это был ужасный случай. Снаряды рвались против деревянных домов на Московско-Казанской улице. Среди жителей поднялась невероятная паника. Появились в толпах шептуны, заявлявшие о том, что пришел конец Совласти, что сегодня должен взорваться огнесклад в Мызе-Раево, что «Москве не устоять». Этим кошмарным случаем воспользовались и громилы, начавшие обворовывать брошенные квартиры. Стоило большого усилия принять меры к охране места пожара, для чего мобилизованы были все члены партии и войсковые части района. Завидонов, Конокотин и я отправились на автомобиле в Мызу-Раево, входившую в наш район. Осколки снарядов долетали до Краснопрудной улицы. При нашем проезде на углу Краснопрудной и Красносельской улиц осколок снаряда ранил в голову одну девушку, которую мы и отвезли в Бауманскую больницу, а затем отправились на огнесклад Мыза-Раево. По приезде туда мы мобилизовали все силы и охрана огнесклада увеличилась до максимума.

Этот пожар продолжался весь день, и во время пожара было арестовано много громил. Был случай, когда один из работни-

ков Военного Комиссариата на месте преступления расстрелял одного грабителя.

В июле того же года был издан декрет о мобилизации в Красную Армию бывших унтер-офицеров и рядовых солдат инженерных частей старой армии для пополнения командного состава. Эта работа проводилась на организованном Военным Комиссариатом пункте. Вскоре был об'явлен учет и бывших офицеров, а затем и их мобилизация.

В начале августа Военный Комиссариат перебрался в другое помещение на Стромынке (дом 5) и в это же время у нас произошла перемена руководящего ядра Военного Комиссариата. Комиссарами были назначены: т.т. Пичугин, Титов, Лозовский, начальником снабжения—Бабаев П. А., агитационно-вербовочного, а впоследствии—просветительного, отдела—т. Бакин, начальником мобилизационного отдела—Рюмин. Затем была учреждена новая должность военного руководителя, которую занял бывший офицер Татаров. Меня назначили его заместителем, с исполнением обязанностей начальника комендантской части. Секретарем Военного Комиссариата был т. Пресняков.

В это время была дана директива о формировании особых резервных частей, которые должны были пополняться исключительно рабочими. В нашем районе были намечены к формированию следующие части: 1-я рабочая резервная дивизия, 31-й рабочий резервный полк, 49-й рабочий резервный полк, 51-й рабочий резервный полк и 1-й отдельный рабочий резервный инженерный дивизион. Для этих формируемых частей необходимы были помещения. С этой целью были реквизированы по 1-й Мещанской улице особняки, в которых и разместились штабы этих военных частей.

Эта громаднейшая работа проделывалась очень интенсивно, и уже в сентябре 31-й полк вышел под командой т. Соколова на фронт под Воронеж; вскоре выбыл на фронт и инженерный батальон, куда был назначен комиссаром т. Завидонов, а зимой вышел совместно с другими частями, формировавшимися в других районах, и штаб 1-й рабочей резервной дивизии, начальником штаба которого был назначен бывш. полковник Пухальский.

Несмотря на целый ряд трудностей в снабжении формируемых частей, эта задача была выполнена. Все сформированные в районе и предназначенные к отправке на фронт отряды отбывали без всяких инцидентов, полные энтузиазма и готовности бороться за революцию.

Следует отметить, что вся работа Комиссариата проводилась чрезвычайно дружно. Между сотрудниками, начиная от низших и кончая военными комиссарами, не было никаких склок.

В дни пролетарских праздников вся охрана района возлагалась на Военный Комиссариат. Так было 1-го мая и в первую годовщину Октябрьской Революции. В том и другом случаях по пути следования демонстраций в помещениях выставлялись пикеты из военных частей, которые связывались между собой и с Военным Комиссариатом телефоном и живой связью

(патрулями). Таким образом, на случай возможных контрреволюционных выступлений была обеспечена охрана демонстрации и района.

Штаб Красной Гвардии, переименованный в Военный Комиссариат Сокольнического района, просуществовал до 1-го мая 1919 г., когда был расформирован в виду ликвидации военкоматов во всех районах на основании приказа Наркомвоенмора. Нам же, работникам Комиссариата, было приказано выехать в распоряжение Наркомвоенмора Украины.

Организаторы Красной Гвардии и Красной Армии в Сокольническом районе в значительном большинстве выполняют и теперь большую ответственную работу, как, например: т.т. Котов, Андреев, Медведь, Мессинг и ряд других. Погибли в боях: т.т. Маленков Емельян, Пичугин, Лозовский и другие. Тов. Котов, управлявший делами Военного Комиссариата, умер от тифа; умер и т. Бабаев, бывший нач. отдела снабжения Военного Комиссариата.

Документы.

Резолюция Сок. райсовета от 26 октября 1917 г.

Общее собрание Сокольнического Районного Совета Рабочих Депутатов совместно с представителями фабрично-заводских комитетов, полковых частей и представителями от милиционеров 26-го октября постановило:

Приветствовать революционную армию и пролетариат Петрограда в борьбе, поднятой ими против врагов революции—Временного Правительства и поддерживающих это правительство капиталистов, помещиков и всех их прислужников. Призывает весь пролетариат и беднейшее население Сокольнического р-на сомкнуть свои ряды вокруг Московского Военно-Революционного Комитета, избранного Московским Советом, выполнять беспрекословно все приказы этого Комитета, быть готовыми отдать все силы, не щадя жизни, за доведение борьбы до конца, до победы над врагами революции. Долой дезертиров революции! Все в строй, все в боевой порядок! Да здравствует власть Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, которая обеспечит созыв в срок Учредит. Собрания! Собрание 1-й батареи артиллерии присоединяется к этой резолюции, протестует против резолюции дивизионного собрания, требует перевыборов Совета Солд. Депутатов.

Пред. Собр. Часов.

Резолюция, принятая на заседании Районного Комитета Московского района Николаевской железной дороги состоявшемся 25-го октября 1917 г.

1) Не беря на себя ответственности за возможность кровопролития, мы всеми силами будем содействовать предупреждению кровопролития, но защитники истинные не должны быть безоружными против насилий вооруженных злоумышленников, посему предлагаем вооружить Красную Гвардию, составленную из самых честных людей и искренних защитников свободы, дабы, если будет пролита их кровь, она будет святой жертвой, принесенной для счастья большинства и укрепления свободы народа.

2) Предложить комиссару выдать оружие для вооружения Красной Гвардии.

3) Созвать Красную Гвардию.

4) Установить дежурства членов Районного Исполнительного Комитета и отрядов Красной Гвардии.

5) Всецело поддерживать Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

В связи с текущим моментом созвать экстренное общее собрание.

Комитет.

Приказ всем войскам Военно-Революционного Комитета.

Революционные войска победили, юнкера и белая гвардия сдают оружие, Комитет общественной безопасности распускается. Все силы буржуазии разбиты на голову и сдаются, приняв наши требования. Вся власть в Москве в руках Военно-Революционного Комитета. Московские рабочие и солдаты дорогой ценой завоевали всю власть в Москве. Все на охрану завоеваний новой рабочей, солдатской и крестьянской революции. Враг сдался. Военно-Революционный Комитет призывает прекратить всякие военные действия (ружейный, пулеметный и орудийный огонь). С прекращением военных действий войска Советов остаются на своих местах до сдачи оружия юнкерами и белой гвардией особой комиссии. Войскам не расходиться до особого приказа Военно-Революционного Комитета.

Борьба в Москве кончена. Военно-Революционный Комитет приказывает всем московским рабочим и солдатам в полной боевой готовности твердо стоять на славном посту.

Военно-Революционный Комитет Советов Рабочих и Крест. Депутатов. Москва, 2-го ноября 9 часов утра.

Договор между Военно-Революционным Комитетом и Комитетом общественной безопасности. 2-го ноября 1917 г. в 5 час. веч.

1) Комитет общественной безопасности прекращает свое существование.

2) Белая гвардия возвращает оружие и расформировывается. Офицеры остаются при присвоенном их званию оружии. В юнкерских училищах сохраняется лишь то оружие, которое необходимо для обучения. Все остальное оружие юнкерами возвращается. Военно-Революционный Комитет гарантирует всем свободу и неприкосновенность личности.

3) Для разрешения вопроса о способах осуществления разоружения, о коем говорится в пункте 2-м, организуется комиссия из представителей Военно-Революционного Комитета, представителей командного состава и представителей организаций, принимавших участие в посредничестве.

4) С момента подписи мирного договора обе стороны немедленно дают приказ о прекращении всякой стрельбы и всяких военных действий с принятием решительных мер к неуклонному исполнению этого приказа на местах.

5) По подписании соглашения пленные обеих сторон немедленно освобождаются.

Подлинный подписали:

От Военно-Револ. Комитета: Смирнов и Смидович.

От Комитета общественн. безопасности: Руднев, Сорокин и Студенецкий. Представители Соединенного Комитета войска, оставшегося верным правительству: подп. Якулов, юнкер Кобре и представители др. организаций.

Военно-Революционный Комитет С. Р. Д. Железнодорожного района.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловие 3
1917—1927 год. Районная организация ВКП (б), рост промышленности и рабочих. 5
1916—1917 годы в Сокольниках (краткий исторический очерк) 21
Борзов.—Работа Районного Совета 49
Запись речи тов. Ленина на митинге на Сокольническом кругу 21 июня 1918 года. 52
Памяти т. Емельяна Маленкова (речь тов. Русакова на об'единенном заседании Сок. РК РКП (б) и Сок. Райсовета в 1918 г.) 56
Сарра Бродская.—Сокольническая парторганизация от февраля по октябрь 1917 года 59
М. З. Андреев.—Подпольная работа, Октябрь и гражданская война (1916—1918 гг.) 63
Соловьев.—Сокольнические мастерские 80
К. Кох.—В рядах Красной Гвардии 83
Щербаков.—«Сварз» в Октябрьские дни 88
Крылов.—Воспоминания о Красной Гвардии 90
Вечер воспоминаний на Северной жел. дороге. (Отрывки протокольной записи) 93
Старостин.—Главные паровозные мастерские Октябрьской жел. дороги . 98
М. С. Бурдомский.—Красная Гвардия на Октябрьской жел. дороге 106
Ястребов, Сапожникова, Ефремова.—В Богородском подрайоне Сокольнического района 107
Костерев.—Красная Гвардия в селе Богородском 110
Бакин.—В Октябрьские дни на машине 113
Новиков.—Ячейка ВКП (б) Русаковского трампарка 116
Шарашкин.—На огнескладе Мыза-Раево 123
Хватов.—На заводе «Геофизика» 125
Эйхман.—Как мы боролись 126
Винзберг.—Санитарное дело в Октябрьские дни 128
Бизякин.—В плену у юнкеров 130
Иванов.—Мастерские автомобильной роты в Октябре 133
П. Королев.—Штаб Красной Гвардии и военный комиссариат Сок. района 136
Документы 143

Бесплатно.

26850

1917 ★ X ★ 1927